

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 3

2015



Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразасева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philol_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н.А. Симбирцева. Текст культуры и практика его прочтения в истории культуры	7
И.В. Рогозина. Репрезентация категории событийности в англоязычном новостном блоге	17
Г.В. Кукуева. Лингвопрагматическая модель речевого жанра эссе в интернет-коммуникации	29
Л.П. Науменко. Вербализация коммуникативной стратегии аргументации в современном англоязычном бизнес-дискурсе	38
Е.В. Савич. Дискурс-экспертиза медийных кампаний лоббирования: кейс-стади	48
М.С. Черепеникова. Гетевский литературный образ Гретхен в традициях мировой культуры. (К 265-летию юбилею Гете и к году Культуры)	59
В.А. Черванева. Вопрос о статусе мифологических текстов в свете проблемы специфики языка фольклора	70
М.Т. Гоголева. К проблеме генетических связей олонхо и тувинских героических сказаний	77
А.М. Сулейманов. Традиционные образы батыра и его боевого коня в творчестве Мустая Карима	87
Т.П. Шастина. Архаика и современность в поэме В. Итина «Каан-Кэрэдэ» (к проблеме репрезентации «малых народов» в сибирской литературе 1920-х годов)	99

Научные сообщения

Т.Н. Василенко. К проблеме определения понятия «гнездо родственных текстов» в деривационном аспекте исследования (на материале оригинального художественного текста и его переводов)	109
С.В. Коростова. К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста	115
М.Л. Кусова. Семантизация и рефлексия в детской речи	121

А.Г. Балобанова. Специфика дефиниционной стратегии обыденной и профессиональной семантизации медицинских терминов (на материале определений терминов из понятийной сферы «Внутренние болезни»)	128
М.А. Буряков. О влиянии этноспецифического фактора на выбор языковых средств выражения эмоциональных состояний	135
М.В. Пузыренко. Особенности функционирования сложноподчиненных предложений с соотносительным словом «ТАК» в современной художественной прозе	145
Ф.Х. Гарипова. Синонимы в медицинской терминологии башкирского и турецкого языков	153
А.Д. Лукманова. Структурно-семантические особенности названий орудий труда в башкирском языке (на материале земледельческой обработки)	163
Д.А. Абжелиева. Локативный метаязыковой признак орнитонимов	170

Филология : люди, факты, события

И.А. Стернин, А.А. Чувакин. Предварительные итоги: к юбилею профессора Любови Геннадьевны Антоновой	177
Т.А. Острикова. Современные ученые-гуманитарии во втором выпуске Библиографического справочника о методистах-русистах и филологах-лингвистах	180
А.А. Чувакин. Многоязычие текста в коммуникации как филолого-коммуникативная проблема: международный научный семинар (Барнаул, Алтайский госуниверситет, 14 апреля 2015 г.)	186
Резюме	195
Наши авторы	212

CONTENTS

Articles

N.A. Simbirtseva. Cultural Text and Practice of Reading it in the History of Culture	7
I.V. Rogozina. Representation of Eventfulness in an English News Blog	17
G.V. Kukueva. Linguistic and Pragmatic Pattern of an Essay Speech Genre in the Internet Communication	29
L.P. Naumenko. Verbalization of Argumentation Strategy in the Contemporary Business English Discourse	38
E.V. Savich. Discourse Expertise of Lobbying Campaigns in Mass Media: a Case-Study	48
M.S. Cherepennikova. Goethe's Literary Image of Gretchen in the Traditions of the World Culture (To the 265 th Anniversary of Goethe and to the Year of Culture)	59
V.A. Chervanava. The Status of Mythological Texts in the Aspect of Folklore Language Specificity	70
M.T. Gogleva. On the Genetic Links between Olonkho and Tuvan Heroic Legends	77
A.M. Suleymanov. Traditional Images of the Warrior and his Steed in the Works by Mustay Karim	87
T.P. Shastina. Archaism and Modernity in the Poem by V. Itin «Kaan-Kerede» (To the Problem of Representation of «Small Peoples» in the Siberian Literature of the 1920s)	99

Scientific reports

T.N. Vasilenko. On the Problem of Definition of the Term «Family of Derivative Texts» in Derivational Approach (a Case Study of an Original Literary Text and its Translations)	109
S.V. Korostova. On the Question of Emotivity and Emotional Generativity in Russian Fiction Texts	115
M.L. Kusova. Semantization and Reflection in Children's Speech	121

A.G. Balobanova. Definitional Strategy Specificity of Ordinary and Professional Semantization of Medical Terms (Based on the Definition of Terms from the Conceptual Sphere «Internal Diseases»).....	128
M.A. Buryakov. Influence of the Ethnospecific Factor on Selection of Linguistic Means of Expressing Emotional States.....	135
M.V. Puzyrenko. The Characteristic Features of Complex Sentences with Correlative Word <i>Such</i> Functioning in Modern Prose.....	145
F.Kh. Garipova. Medical Synonyms in Terminology of the Bashkir and Turkish Languages.....	153
A.D. Lukmanova. Structural and Semantic Peculiarities of the Labour Tools Namings in the Bashkir Language (on the Base of Tillage)	163
D.A. Abzhelieva. Locative Metalinguistic Ornithonyms Feature	170

Philology: people, facts, events

I.A. Sternin, A.A. Chuvakin. The Preliminary Results: To the Jubilee of Lyubov' Gennad'evna Antonova, Prof.	177
T.A. Ostriкова. Contemporary Humanitarian Scientists in the 2 nd Issue of the Biobibliographical Digest about Methodologists in the Russian Language and Philologists in Linguistics.....	180
A.A. Chuvakin. Text Multilingualism in Communication as Philological and Communicative Problem: International Scientific Seminar (Barnaul, Altai State University, April 14, 2015).....	186
Summary	195
Our authors	212

СТАТЬИ

ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ И ПРАКТИКА ЕГО ПРОЧТЕНИЯ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Н.А. Симбирцева

Ключевые слова: текст культуры, интерпретация, визуальное, код культуры, интерпретатор.

Keywords: cultural text, interpretation, visual, code of culture, interpreter.

Так сложилось, что интерпретация давно стала одним из универсальных способов «работы» с явлениями и текстами культуры: она представляет собой механизм, с помощью которого поясняются, анализируются и просто бытуют слова, вещи, события в их исторической и культурной данности. Интерпретационные практики и их выбор обусловлены родом деятельности фигуры интерпретатора и сферой их актуализации. Историк обращается к фактам, выстраивая из них логику и привнося элементы субъективности. Философа интересует движение мысли, ключевые концепции и рефлексия общества на них. Искусствовед – техники и приемы, которые используются художником в процессе создания произведения. Филолог «читает» эпоху, представленную литературными текстами, выявляя их жанровые и стилевые трансформации. Культуролог интерпретирует реальность через смыслы и ценности, важные для человека и общества. Все стратегии интерпретации важны и нужны как дополняющие друг друга. Тактики и приемы в области гуманитарных исследований ориентированы на изучение человека в его отношениях с миром. Исторический колленкор – неотъемлемый атрибут дискурсивных практик. По словам Р. Шартье, «история строится на интенции и принципе истины; прошлое, выступающее ее объектом, есть внеположная дискурсу реальность, и его познание поддается контролю» [Цит. по: Стаф, 2006]. Вектор «кон-

троля» зависит от направления исследования, пристрастий ученого и запросов времени. Поэтому элемент субъективности просвечивает любое повествование, где речь идет об исторической реальности: каждый рассказывает ее по-своему, расставляя акценты на лично значимые моменты. Беспристрастный исследователь скучен, он мало способен «оживить» прошлое и создать из него такую яркую картинку, которая станет интересной и притягательной для других. Традиционно исследовательская парадигма гуманитария, как правило, ограничивается двумя составляющими в различном их вариативном соотношении: субъект и творимое им культурное пространство. Субъективный контекст важен в том плане, что через личность раскрывается эпоха. Духовные и материальные ценности прочитываются через понимание человеком окружающей действительности. Интерсубъективный контекст предполагает рассмотрение продуктов деятельности человека как результата его творчества. Оба контекста важны для понимания особенностей человеческой истории.

Разница понятий «история» и «история культуры» настолько же очевидна, насколько очевидно их взаимное притяжение. История претендует на объективное, верифицируемое знание о прошлом, тогда как история культуры изначально ориентирована на трансляцию синтеза субъективных знаний, смыслов и ценностей прошлого. Тексты историков – вариант интерпретации, так как «историческая статья или книга – это не уменьшенное отражение реальности, но выражение структуры, делающей эту реальность более или менее проницаемой, в зависимости от исходных гипотез и принятых правил эксперимента» [Анналы, 2002, с. 19]. Культуролог пишет о культуре как о живом механизме. Ставшие классикой труды М.М. Бахтина, А.Я. Гуревича, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и др. интересны и увлекательны, в них чувствуется дыхание времен.

В целом, для знакомства с историей культуры, для понимания особенностей конкретного пространственно-временного периода и трансляции кодовых ценностей, исследователь опирается на вербальные и визуальные знаковые системы, которые прочитываются в определенном порядке, равно как это делает и историк.

Исторические данные, явления и события, предметы и фрагменты повседневности становятся объектом *первичной интерпретации*. Тот информационный потенциал, который заключен в них, облекается в слово, то есть в текст, упорядочивающий логику изложения и выстраивающий коммуникативные отношения с читателем. Текст первичен с точки зрения обретения знания: он целостен, структурирован, имеет завершенность (в отличие от образа, способного вызывать пучки ассо-

циаций) и отражает позицию автора. Возникновение новых источников знания, исторических источников – это результат рефлексии в пределах контекста, близкого личности. Следует оговориться, что знание об истории человеку привычнее «добывать» не через образы (хотя образ сильнее воздействует на восприятие), а в виде устного или литературного текста. Несмотря на актуальность визуального в современной культуре, традиционный текст играет очень важную роль. Например, если предложить человеку набор визуальных образов (случайный или заданный – не имеет значения), то это ввергнет его в своеобразный хаос. Причина проста: для того, чтобы систематизировать, логически выстроить, прочесть как текст и осмыслить то, что воспринимается визуально, человеку необходимы колоссальные усилия и навыки. Текст в этом случае удобен, так как он привычен и дает готовую порцию информации. Первичная интерпретация – это фиксация видимых образов истории, явлений вещного мира, которая в тексте обретает другое звучание: материальное входит в духовный мир культуры через текст, и его дальнейшее бытование есть предмет вторичной интерпретации.

Труды ученых, живописные произведения, документы и прочее становятся объектом дальнейших исследований. Эту стадию можно охарактеризовать как стадию диалога, в процессе которого оформляется знание о знании (см.: [Каронова, 2000]), так называемая *вторичная интерпретация*. В ситуацию диалога оказываются включенными не только автор первичного текста и его читатель, но и другие произведения автора, контексты эпохи (социальные, политические, культурно-исторические и т.д.). Интерпретация, в процессе которой появляется еще и еще один текст, связанный с предыдущим, содержащий не только заложённые в тексте-первоисточнике смыслы, но и новые, позволяет исследователю «играть» на большом поле, где, как правило, пересекаются разные точки зрения. И этот факт может служить поводом к появлению новых текстов. Вторичная интерпретация позволяет выяснить «исторический смысл» (Е.В. Каронова) текста, целесообразность тех аргументов и фактов, к которым прибегает автор.

Каждая последующая интерпретация, с одной стороны, ведет к «остранению» [Шкловский, 1970, с. 230] описываемого объекта, потому что автор сквозь время стремится как бы заново взглянуть и увидеть его в истории культуры, претендуя тем самым на оригинальность. С другой – представляется попытка показать объект изучения в динамике и в условиях, когда возникает приращение смыслов. В силу того, что каждый текст получает материальное выражение, он способен своей формой оказывать влияние на смыслы. По словам Ф. Макензи, «но-

вые читатели создают новые тексты, новые значения которых напрямую зависят от их новых форм» [McKenzie, 1985, с. 4]. Таким образом, текст вторичной и дальнейших интерпретаций формируют смысловое поле, в центре которого оказывается непосредственно объект материального, вещного, видимого мира. Выстраиваемая парадигма текстов представляет собой единый текст – текст культуры. Его создание и прочтение на разных этапах человеческой истории имеет свою специфику. Интерпретатор, обладая современными ему технологиями и методами изучения и анализа, не может реконструировать образы прошлого без учета мировоззренческих установок и технических достижений того периода, о котором идет речь.

Когда возникает необходимость погружения в историко-культурный контекст, перед исследователем встает два методологических вопроса: как определить границы видения тех или иных событий, и что будет выступать в качестве модели для интерпретации. Историко-культурный процесс предполагает наличие общего основания, благодаря которому выделяются основные этапы в развитии человечества. Это динамика идей, отраженная в таких социально значимых феноменах, как язык, культура и практики ее бытования, научная мысль, формы этического порядка. Каждый этап развития культуры может быть охарактеризован через ценностно-нормативный потенциал, раскрывающийся на уровне политики, демографии, национальных особенностей, экономики, искусства и др. форм общественной деятельности. В этом случае актуальны слова М. Фуко о значимости культурного кода: «Основополагающие коды культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [Фуко, 1977, с. 37]. Культурный код содержит зашифрованное сообщение, сочетающее предметные символы культуры. Связь знака и значения представляет собой диалектическое единство духовного и материального в культуре. Но прочесть код культуры можно с учетом того синтаксиса, который характерен для эпохи.

Прослеживая динамику текстов культуры на макроуровнях (архаика, античность, Средневековье, эпоха Возрождения, Новое время), можно выделить три типа текстов культуры. Это – *традиционный, индустриальный, постиндустриальный (современный) типы*, которые различаются приоритетом ценностей, соотношением практик прочтения и интерпретации, кодовым характером культуры, их материальным

наполнением, а также типом трансляции информации, заложенной в исходном тексте культуры.

В традиционной культуре (дописьменной) выделяется особый способ фиксирования и передачи информации, заложенной в тексте культуры, – синкретизм. Понятия текста культуры в данный период истории развития культуры как способа трансляции информации не существовало, равно как и не стояло вопросов о способах его прочтения, так как вещь и ее знаковое обозначение в воспринимаемой реальности соотносятся субъектом культуры, имеющим характер массового сознания, как единое целое. Поэтому нельзя определить, что первично: знак и тело, рациональное и иррациональное соотносятся как нерасчленимые составляющие одной реальности. Мир осознается как единство предметов и явлений, связанных друг с другом и проявляющихся одно в другом. Сфера обыденного насыщена символикой, имеющей сакральный характер.

Артефакты, относящиеся к данному типу культуры, подвергаются анализу и интерпретации в логике *антропологических* и *культурологических* исследований, имеющих своей целью реконструировать образ прошлого, типы социальных отношений, особенности ритуально-обрядовых практик, механизмы трансляции информации, знаково-образные структуры через систему описания и выстраивания взаимосвязей всех элементов в координатах дописьменной культуры. Употребление термина «текст культуры» в данном случае носит условный характер, так как данный способ трансляции ценностно-смысловой информации не обладает автономностью существования по отношению к объект-субъектной действительности. Он прочитывается как неотъемлемый ее элемент. Предметный мир включен в сферу сакрального, так как вещное тело наделялось особым смыслом, в нем отражались представления субъекта о времени, порядке, стабильности бытия и цикличности мироздания.

Тем не менее, артефакты заключают в себе информацию, характерную для традиционной культуры, и отражают представления о природе, Космосе и месте человека в мире, о связи человека с высшими и низшими силами, религиозно-мифологические ценности, представления об идеалах красоты, добра и зла, героизма, мудрости и др.

Фольклор и ритуальные практики выступают в качестве основных форм трансляции дописьменной культуры. Обычай как способ воспроизведения заданных образцов поведения со временем утрачивает сакральную и ритуальную значимость. Ценностно-смысловая значимость артефактов, их функциональное бытование и социально-культурная деятельность прочитываются как единый текст, воссозда-

ющий модель реальности. Социально-культурная коммуникация и трансляция опыта и знаний осуществляется посредством фольклора на нескольких уровнях: историко-культурном, эстетическом, филологическом (где важна связь со словом) и теоретико-коммуникативном (устное народное творчество понимается как знаково-символическая система).

Традиция рассматривается как способ генерирования и трансляции содержания и смыслов культуры, важный для этого этапа культуры по сравнению с другими способами социально-культурной коммуникации. Эстетические ценности и ценности морально-нравственного порядка, воплощенные в образ, рассматриваются в единстве со способом их производства, тиражирования и потребления в историко-культурном контексте. Элементы ранней традиционной культуры (дописьменной), бытующие до сих пор и проявляющиеся фрагментарно в современной культуре, не утрачивают своего начального значения и смысла, а становятся свидетельством прошлого, живой нитью времен.

Античная культура как тип традиционной культуры обладает богатым материалом, отражающим синкретичную природу разных сторон и сфер социально-культурной действительности. Мифология, литература, философия, искусство связаны с представлением человека о Космосе. Принципы античной культуры представлены А.Ф. Лосевым: «Античная культура – это не только объективизм, но это еще и материально-чувственный космологизм. Античность построена на одушевленно-разумном космологизме» [Лосев, 1988, с. 153-171]. С космологией тесно связана вся научная, литературная, мифологическая, философская мысль античного мира. Даже античные боги – это те же идеи, которые воплощаются в Космосе, это законы природы, которые им управляют. Структура социально-политического устройства античности демонстрирует представление древних об устройстве мира, порядке в нем и основных ценностях мироздания.

Наследие Древней Греции и Рима транслируется и бытует не только в письменных источниках, но прежде всего в архитектурных, скульптурных, вазописных памятниках. Визуальное восприятие действительности обладает диалектикой: образ становится отражением представлений о гармонии и красоте мира, получает телесную оболочку, и в то же время сам становится объектом чувственно-зримой реальности. Мышление образами наглядно демонстрирует философскую мысль античной Греции. Аристотель утверждал, что зрение больше других чувств содействует нашему познанию и обнаруживает много различий в вещах, и именно поэтому отводил зрению авторитетную роль в познании мира.

Античные тексты и образы транслируются в условиях современной культуры посредством рекламы, телевидения, компьютеров. Поколение XXI века атрибутирует Гомера чаще не как автора «Одиссеи», а как героя мультсериала «Симпсоны». Образы античных статуй оживают в рекламных роликах Veeline [Видеоролик услуги Veeline]. Фильмы-реконструкции наглядно транслируют жизнь, быт и нравы Греции и Рима. Выросло новое поколение, воспитанное на культуре видео, телевидения, компьютеров, иных визуальных технологий (это то самое поколение, для которого Гомер – уже не автор «Одиссеи», а герой мультсериала Гомер Симпсон).

В эпоху Средних веков после внедрения печатных технологий стало возможным говорить о письменной традиции как способе фиксации реальности. Научный переворот, совершенный Николаем Коперником, Галилео Галилеем, Иоганном Кеплером, привел к тому, что физическое пространство стало восприниматься как особая реальность, которую необходимо созерцать, изучать и рассматривать как объективную данность. Духовные потрясения вызваны идеей отсутствия Бога, не имеющего документального или визуального образа во Вселенной, которая оказалась доступной глазу человека. Концепция традиционного христианства была разрушена научными открытиями, и реальность стала полярной: вера и знание получили четкую дифференциацию – то, во что должно верить, отделилось от того, что может быть доказано.

Мир больше не объясняется как библейская модель мироздания, социально-политическая структура утрачивает четкость вертикальной организации, а замкнутость и предполагаемая конечность времени преодолеваются силой и актом творчества. Человек находится в поиске точек опоры и новых духовных ориентиров. Выходом становится телесность, утверждающая ценность человеческого бытия в предметно-чувственном мире.

Гуманисты эпохи Возрождения открыли возможность интерпретировать реальность в визуальном измерении, соотносимом с принципами античной культуры. Прочтение созданных живописных и скульптурных образов с применением принципов иконографии и иконологии позволяло и позволяет воспринимать художественные и культурные ценности этого этапа культуры в их тесной взаимосвязи с пространством и временем, а следовательно – как единый текст, имеющий свою историю, традиции, и особенности репрезентации в современной культуре.

Способом трансляции ценностно-смысловой доминанты эпохи Возрождения стали книги, получившие статус активной («горячей» –

А.Я. Гуревич [Гуревич, 1984]) коммуникации. Благодаря книге стал возможен технологический поворот перевода реалий одной культуры на язык другой. Текст представляет собой и поле обмена культурным, историческим, социально и личностно значимым опытом, и поле активного коммуникативного взаимодействия. Имена многих античных авторов получили известность и признание благодаря печатному искусству венецианцев и миланцев. Книжный текст иллюстрируется миниатюрами и различными визуальными изысками.

Переход от рукописи к печатному слову привел к серьезным изменениям культурного и интеллектуального характера и сказался на содержании знания, способах его распространения и трансляции, сообществах ученых и сообществах художников. Печатное и устное слово пользовались разным успехом по нескольким причинам: во-первых, авторитет действительности печатного текста Библии оказывается выше, нежели устное слово церковной традиции. Во-вторых, книга может существовать независимо от человека. В-третьих, печатное слово обладает свойством точной воспроизводимости в отличие от слова рукописного. Развитие технологий привело не только к тиражируемости знаний и ценностей культуры этого периода, но и обеспечило диалог между эпохами и культурами, далеко отстоящими друг от друга.

Гомогенность, характерная для книги как способа трансляции социально-культурных смыслов и ценностей, оказала влияние на становление многих форм производства и социальной организации, повлиявших на формирование сущностных черт западного мира.

Современные музеи являются хранилищем визуального искусства Средних веков и эпохи Возрождения и местом, где возможно приобщение к ценностям прошлых времен и диалог как творческая и активная коммуникация. Осмысление культурного и художественного потенциала этих периодов продолжается по настоящее время: творения великих художников и писателей, архитекторов и скульпторов и т.д. не только не потеряли актуальности, но и становятся объектом интерпретаций, продолжая «дышать» в новых, создаваемых современниками образах.

Индустриализация и урбанизация, сопутствующие Новому времени, создали особые социально-культурные условия, повлиявшие на ценности и смыслы предыдущих эпох. Способы рационального познания мира и ориентация на новации – доминанты этого периода. Человек противопоставляет себя окружающему миру. Знания приобретают абстрактный характер. Научно-технический прогресс меняет не только мышление человека, но и способы конструирования и вос-

приятия действительности. Развитие городской инфраструктуры формирует и новые практики освоения пространства, и наделение его смыслами. Появление транспорта дарит человеку скорость передвижения, ощущение бескрайности. Расширяются горизонты обзора: внимание человека привлекает не только бесконечность, но и близкое, доступное взгляду. Появляется новый тип интерпретатора социально-культурной действительности – фланер, читающий повседневно-бытовые практики как текст. Возрастает и роль критики как интеллектуально-рефлексивного способа восприятия и осмысления историко-культурной реальности. Факты, события, явления культурной жизни подвергаются анализу и интерпретации как в научной сфере, так и художественной.

Социально-культурные обстоятельства XVII-XIX веков породили тенденции, которые способствовали наступлению эры визуальных технологий запечатления действительности. Моделирование реальности возможно не только с помощью живописи, литературно-художественных приемов, но и техникой нового поколения. Появление фотоаппарата и телевизора радикально изменило и реальность, и человека, и способы прочтения картины мира. Технические изобретения могут запечатлевать документально фрагменты меняющегося мира.

Культура постиндустриального общества характеризуется снятием многих табу и запретов. Мировые и культурные потрясения (войны, революции) сказываются на состоянии общества и приводят к смене нравственных и духовных ориентиров. Мир предстает как дискретная реальность, человек ощущает свою незащищенность, потерянность и одиночество. Искусство становится выходом и формой спасения человека. Активное проявление личностного начала способствует формированию множества культурных миров, понимание и осмысление ценностей которых зависит в том числе и от интерпретации социально-культурного и исторического контекста.

Постулат постмодернизма «мир как текст» рождает новые способы репрезентации субъекта и объекта культуры и меняет отношение к способам бытия человека. Эстетика постмодерна проникла во многие социально-культурные сферы и оказала влияние на формирование нового типа поколения, называемого *поколением М*.

Вторая половина XX века обозначена сменой приоритетов: человек становится активным потребителем материально-физиологического мира. Принцип плюрализма проявлен и в политике, и в религии, и в искусстве, и в моде. Особую значимость приобретают этнические, конфессиональные, образовательные, профессио-

нальные и другие идентичности. Городское и провинциальное пространство задают специфические модели конструирования социально-культурных отношений. Появляется и новый тип собственности – интеллектуальная. Ценности массовой и элитарной культуры повлияли на способы потребления информации.

Экранное искусство и экранная культура вымещают письменный текст, формируя новый тип человека – человека визуальной культуры. Современный человек обнаруживает новое свойство социально-культурной реальности – on/off-line. Стираются границы частного пространства. Частная жизнь человека оказывается вовлеченной в глобальную сеть. Границы пространств приобретают условный характер. Темп и скорость жизни влияют и на скорость восприятия информации, в связи с чем формируются новые каналы трансляции и передачи текстов, относящихся к разным знаково-символическим структурам и культурным кодам.

По мере сжатия исторического времени и ускорения процессов социально-культурной динамики обнаруживаются и факторы, повлиявшие на способы бытования текстов культуры. Их интерпретация становится своеобразным залогом сохранения «жизни» тех ценностей, которые заложены в них изначально, в условиях меняющейся реальности и способности продуцировать новые смыслы. Гуманитарные исследования, связанные с образом человека и мира в историко-культурном контексте, – тоже есть способ интерпретации, всегда обращенной в прошлое и реконструирующей этот образ прошлого. Память культуры воплощена в ее языке, расшифровать который представляется возможным только при условии, что и сам интерпретатор владеет им.

Литература

- Анналы на рубеже веков. М., 2002.
Видеоролик услуги Beeline «Планета Ноль». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=mkgCzNZmwNI> (дата обращения 10.05.2014)
Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
Кароннова Е.В. Парадигма в историческом знании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000.
Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988.
Стаф И. Роже Шартье: уроки истории чтения. [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2006/03/27/staf/1346362384000/#_ftn5
Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
Шкловский В.Б. Тетива: О несходстве сходного. М., 1970.
McKenzie D.F. Bibliography and the Sociology of Texts: The Panizzi Lectures, 1985. London, 1986.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ СОБЫТИЙНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НОВОСТНОМ БЛОГЕ

И.В. Рогозина

Ключевые слова: категория событийности, событие, новостной блог, текстовое событие, фазы события, участники события, доминантный концепт.

Keywords: category of eventfulness, event, news blog, text event, event phases, participants in the event, dominant concept.

Возрастающий в последние годы научный интерес к исследованию категории событийности, находящий выражение в попытках определения сущности, структуры и характеристик события, не случаен и определяется, прежде всего, антропоцентрической доминантой современной науки. Ценность антропоцентрической парадигмы для лингвистики состоит в том, что она позволяет поместить в центр внимания человека «во всем комплексе его духовно-душевно-телесных измерений», и этот комплекс, будучи зафиксированным текстом, позволяет «увидеть» «человека – как субъекта собственной жизни», как индивидуальность, обладающую свойствами неповторимости и как «личность во встрече с Другими» [Слободчиков, 2010, с. 12].

В.Л. Лехциер указывает на непосредственную связь между антропологическим, лингвистическим и герменевтическим «поворотами» современной научной мысли, направленной на получение «эксистенциально значимого знания» [Лехциер, 2007, с. 16], и повышенным вниманием ученых к событийной проблематике. Этим вниманием объясняется стремление исследовать событийность в различных видах дискурса, что выводит на проблему «дискурсивного статуса события и событийности» как на проблему, ключевую «не только для <...> риторики, семиотики, философии, культурологии» [Корчинский, 2009, с. 105], но и для когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. По мнению В.Л. Лехциера, событийная проблематика, возникшая в начале XX века, становится более актуальной в настоящее время еще и потому, что событие «является <...> по-настоящему точным камертоном, с помощью которого можно <...> “настраивать” современность», выражающую себя, прежде всего, “в запросе на событие”», в востребованности события [Лехциер, 2007, с. 16].

Несмотря на то, что категория событийности репрезентируется в разных типах дискурса, ни в одном из них «запрос на событие» не является сколь актуальным, столь и отчетливо выраженным, как в медиа-

дискурсе. Высказывание о том, что событие – это «то, на что все надеются, что все ищут и даже пытаются производить разными способами» [Лехциер, 2007, с. 17], как нельзя более подходит к событию, запрос на которое формируется СМИ. Лингвокогнитивный подход позволяет посмотреть на событийный медиадискурс как на особый формат представления и хранения знания о социальной реальности, а на репрезентируемую в нем совокупность событий как на инвентарий моделей, составляющих этот формат.

Описывая специфику событийности в медиадискурсе, В.З. Демьянков выдвигает когнитивно-дискурсивную концепцию события. В соответствии с этой концепцией событие в СМИ представляет собой сложное единство, конституируемое референтным событием, событием-идеей и текстовым событием [Демьянков, 2001, с. 59-60]. Под текстовым событием В.З. Демьянков понимает то, «что подается логически или хронологически упорядоченно (в хронологически прямом или обратном порядке) – или без какого-либо видимого порядка» [Демьянков, 2001, с. 60]. В контексте всего рассуждения событие-идея может быть «прочитано» так, что референтное событие как событие реальности становится событием-идеей, или ментальным событием для продуцента медиатекста, которое, будучи овнешненным, приобретает форму текста, или, в терминологии В.З. Демьянкова, текстового события. Иными словами, текстовое событие суть интерпретация референтного события. Из приведенной реконструкции становится очевидным, что объяснительный потенциал концепции В.З. Демьянкова распространяется на триаду «событие – продуцент – текст». Представляется, что текстовое событие логично встраивается и в более сложное – четырехчастное единство: «событие – продуцент – текст – реципиент», так как текстовое событие при его продвижении в зону рецепции трансформируется в ментальное событие – модель текстового события, индивидуально формируемую каждым реципиентом [Рогозина, 2003]. На наш взгляд, факт адресованности текстового события в СМИ реципиенту имеет решающее значение.

Категория событийности в медиадискурсе как категория высокого уровня абстракции нисходит к таким взаимосвязанным категориям меньшего уровня абстракции, как «две важнейшие категории сознания – *событие* и *человек в событии*» [Гольдин, 2009, с. 3]. Представляется, что сформулировать четкие критерии для разграничения этих двух категорий при их репрезентации в медиадискурсе весьма затруднительно: столь тесно они переплетены. В качестве одного из критериев можно предложить *позиционирование человека относительно репрезентируемого события*, или степень имплицитности-эксплицитности в нем

человеческого присутствия. Например, в сообщении о рождении сверхновой звезды человек как бы выводится за событийный круг, все же присутствуя в нем имплицитно, в то время как в сообщениях о рождении наследного принца британской короны новорожденный помещается в самый центр события.

Не вызывает сомнения, что категория *человек в событии* наиболее актуальна для СМИ, которые в большей степени ориентированы на репрезентацию событий, происходящих в социально обжитом пространстве. Поэтому закономерно, что в медиадискурсе подавляющее большинство событий локализуется вокруг известных людей, которые либо их инициируют, либо в них участвуют, либо их наблюдают и реагируют на них. Нужно сказать, что имеет место и другой алгоритм презентации знания – знания об обычном человеке как носителе «малого жизненного мира». В любом случае, можно сказать, что, с одной стороны, человек познается через событие, в котором он участвует, а с другой, – через его действия познается и социальная реальность.

Как следствие, при репрезентации категории *человек в событии* медиатексты дифференцируются и в зависимости от социального статуса человека, помещаемого в центр события. Общеизвестно, что наибольший интерес аудитории СМИ вызывают высокостатусные, выдающиеся в том или ином отношении личности, которые, как правило, оказывают значительное влияние на протекающие в обществе процессы. В определенном смысле СМИ «заточены» на представление знания о людях, так или иначе связанных с государственной политикой, социальными элитами, структурами и процессами [Рогозина, 2011]. Особенно востребованной оказывается медиарепрезентация деятельности человека в переломные, решающие моменты развития общества, когда он осуществляет выбор и принимает решения, влияющие на судьбу страны.

В связи с вышеизложенным следует обратить внимание на два существенных момента. Во-первых, можно без преувеличения сказать, что сейчас, во времена вседесущего присутствия масс медиа, особое место в структуре события занимает продуцируемое СМИ текстовое событие, или текстовая реальность, как пространство пересечения сознаний медиакommunikантов и одновременно как пространство, фиксирующее сами способы репрезентации события. Иными словами, речь идет об особой роли определенным образом организованного текста, открывающего для реципиента событие и порождающего в его когнитивной системе личное отношение к репрезентируемому. Важно акцентировать и такой релевантный для нашего рассуждения момент – через познание реакции на событие его участников, а также вызывае-

мых этим событием действий других людей можно получать представление о лингво- и этнокультуре иноязычных сообществ.

Сказанным определяется цель настоящей статьи, состоящая в том, чтобы изучить особенности репрезентации категории *человек в событии* на материале текста англоязычного новостного блога посредством реконструкции содержащейся в нем модели события, задающей вектор начальному этапу формирования доминантного концепта. На наш взгляд, текст блога в качестве материала исследования представляет особый интерес и в связи с малоизученностью, и в связи с ростом популярности электронных СМИ. Поэтому для достижения поставленной цели обратимся к новостному блогу www.nydailynews, посвященному событию, произошедшему 22 июля 2013 года в Великобритании, где в этот день родился правнук британской королевы Елизаветы II, ставший третьим в очереди претендентов на британский престол после принца Чарльза и принца Уильяма.

Рождение любого человека, несомненно, является одним из главных событий в его жизни и в жизни его родителей, однако в соответствии с многовековой традицией рождение наследников британского престола воспринимается британцами как один из важнейших моментов исторического развития страны. Более того, в силу укоренившегося восприятия британской монархии как неотъемлемой части истории и культуры Великобритании появление на свет правнука британской королевы стало событием поистине общемирового масштаба. Закономерно поэтому, что в шапке номера Российской газеты от 24 июля 2013 года констатируется, что «известие о рождении наследника британского престола затмило все другие мировые новости» [Российская газета, 2013, с. 1].

Знакомство с текстом блога показывает, что событие репрезентируется в бикодовом формате как посредством размещенных на каждой странице фотограмм, так и при помощи вербальных репрезентантов. В этой связи представляется целесообразным сделать небольшое отступление и дать краткую общую характеристику блога как особого когнитивно-семиотического образования. Такой характеристикой можно считать отмеченную М. Лазарато относительно другого объекта, но в полной мере приложимую к когнитивно-семиотической организации блога нацеленность на создание «нового модуса чувствительности, нового сенсориума, связанного с перераспределением тел и знаков» [Лазарато, 2006, с. 3].

В рассматриваемом блоге «перераспределение» репрезентантов двух знаковых систем, которые создают для реципиента «новый сенсориум», производится в пользу пространственно доминирующего над

вербальной составляющей визуального ряда. Иными словами, особый сенсориум возникает в результате расширения авербального пространства и минимизации вербального. Такое доминирование фотограммного компонента текста обеспечивается не лимитированной протяженностью виртуального пространства, что позволяет перемещать конституируемое событие в зону его визуальной рецепции. В результате размещенная в блоге серия фотограмм, подобно кадрам документального фильма, помещает реципиента в самый центр события (рис. 1).



Рис. 1

С другой стороны, последовательное размещение в блоге десяти фотограмм обеспечивает репрезентируемому событию возможность выступать не только в качестве реального социального действия, но и быть “историческим перформансом”» [Корчинский, 2009, с. 109], а если точнее – историческим медиаперформансом.

После этого краткого отступления обратимся к выяснению того, каким образом текстовое событие репрезентирует знание о таких когнитивно значимых для реципиента универсальных компонентах любого события, как его *фазы*, *время* протекания, *локализация*, *участники*, *атрибуты* и др. [Трещева, 2012, с. 3], и исследуем репрезентацию категории *человек в событии* покомпонентно.

Прежде всего, представляется необходимым рассмотреть текстовое событие в целом посредством обращения к такому его компоненту, как *фазы события*. Контент-анализ текста блога показывает, что событие рождения еще одного члена королевской семьи предстает как целое, состоящее из четырех фаз:

- 1) длившиеся 12 часов роды в госпитале св. Марии в Лондоне;
- 2) посещение родственниками госпиталя св. Марии для знакомства с новорожденным;
- 3) первое публичное появление родителей с новорожденным, ответы на вопросы мировой прессы;
- 4) отъезд принца Уильяма и Кейт Миддлтон из госпиталя в Кенсингтонский дворец.

Однако структурирование события в тексте блога нарушает этот хронологический порядок, подтверждая слова В.З. Демьянкова о том, что репрезентация события в СМИ может осуществляться «без какого-либо видимого порядка» [Демьянков, 2001, с. 59]. Изучение особенностей структурирования события в тексте позволяет реконструировать его модель, которая предстает как хронологически не упорядоченное шестичастное образование. Предлагаемая ниже схема фаз события дает представление об отличиях хронологического порядка протекания события от той структуры события, которая создается в новостном блоге.

I. 23.07.2013 – принц Уильям и Кейт Миддлтон выходят из госпиталя св. Марии, где проходили роды:

Prince William, Kate Middleton emerge with royal baby.

II. 22.07.2013 – посещение новорожденного в госпитале св. Марии родителями Кейт и отцом принца Уильяма и его женой Камиллой:

The newborn was visited by both sets of grandparents earlier in the day.

III. 23.07.2013 – принц Уильям и Кейт Миддлтон отвечают на вопросы представителей прессы:

The royal couple greet the world's media as they leave the hospital.

IV. 22.07.2013 – появление на свет принца Кембриджского в госпитале св. Марии:

Kate a day after her nearly 12-hour labor at St. Mary's Hospital in London, appeared healthy and happy wearing a blue Jenny Packham dress with white dots.

V. 23.07.2013 – отъезд Уильяма и Кейт в Кенсингтонский дворец:

After posing for photos, the proud parents and pint-sized celebrity left for Kensington Palace.

VI. 23.07.2013 – приезд в госпиталь св. Марии родителей Кейт Миддлтон и принца Уильяма:

Before the baby's photo call, he was visited by both sets of grandparents.

Компоненты события *время* и *локализация*, несомненно, относятся к числу когнитивно значимых. Они оказываются тесно связанными между собой рамками предложения как синтаксической структуры, способной включать пространственно-временные характеристики события. Репрезентанты этих компонентов в тексте блога не многочисленны: локализация события рождения ребенка по понятным причинам ограничена соответствующим медицинским учреждением (St. Mary's Hospital, the Lindo Wing of St. Mary's Hospital) и временем пребывания там матери, отца и новорожденного (Monday, Monday night, Tuesday, earlier in the day):

«I'll remind him of his tardiness when he's a bit older», said William, who according to aides slept in the **hospital room** with the duchess and the newborn **Monday night**.

Prince William and Kate Middleton leave the **hospital Tuesday**.

Компонент события *участники*, несомненно, относится к числу главных в репрезентации категории *человек в событии* в рассматриваемом блоге. В центр события помещается сам маленький новорожденный человек, появление на свет которого инициирует начальный этап формирования электронным средством массовой информации доминантного концепта ROYAL BABY. Этот концепт, формируемый по мере структурирования события, мы бы назвали концептом-антропонимом, несмотря на то, что у новорожденного еще нет имени, важность наличия которого отражает вторая часть заголовка текста блога – *Prince William, Kate Middleton emerge with royal baby: «We are still working on a name»*.

Самый первый репрезентант концепта ROYAL BABY, являющийся одновременно его именем, обнаруживает себя уже в заголовке, а по мере развертывания текстового события в ядро концепта последовательно проникают 15 лексем, которые номинируют новорожденного: *royal baby – newborn – newborn – Prince of Cambridge – boy – child – His Royal Highness the Prince of Cambridge – baby boy – newborn – newborn – baby – royal baby boy – royal baby – newborn – baby – newborn*. Анализ репрезентантов показывает, что на самой начальной стадии формирования концепта ROYAL BABY когнитивно значимыми признаками его ядерных репрезентантов становятся следующие:

- **недавнее рождение** – (20,6% репрезентантов-номинаций) *newborn* (4);
- **начавшийся после рождения период младенчества** – (20,6% репрезентантов-номинаций) *royal baby* (2), *baby* (2);
- **гендер** – (20% репрезентантов-номинаций) *boy* (1), *baby boy* (1), *royal baby boy* (1);
- **титул, указывающий на принадлежность к королевской семье** – (13% репрезентантов-номинаций) *Prince of Cambridge* (2).

На начальном этапе формирования концепта ROYAL BABY репрезентирующие его лексемы *baby*, *boy* и др., постепенно проникая в ментальные структуры индивида, выступают в качестве «базисного когнитивного образования для сортировки» нового знания [Степин, 1992, с. 43-44], которое, наслаиваясь, постепенно приводит к возникновению многомерной, познавательной структуры.

Доминантный концепт инкорпорирует являющеесяся результатом категоризации и концептуализации события знание как наблюдающих событие извне, так и тех, кто находится внутри события – его непосред-

ственных участников. Поэтому в процессе представления события концепт постепенно увеличивает количество своих репрезентантов, фиксирующих знание двух видов – знание о социальном статусе новорожденного и знание о его наблюдаемых телесных данных.

«Обрастание» дополнительными репрезентантами, манифестирующими высокий социальный статус, во многом осуществляется посредством многократного повторения атрибутива *royal*, играющего ключевую роль и указывающего на особый статус королевской семьи в структуре британского лингвокультурного сообщества.

The royal baby – not yet named but already bearing a title – was swaddled in a cotton blanket and kept his eyes closed.

The child's official title is His Royal Highness the Prince of Cambridge.

В приведенных примерах обращает на себя внимание также лексема *title* как репрезентант высокого социального статуса младенца, у которого еще нет имени, но уже имеется титул принца Кембриджского. Примечательно, что в рамках одного предложения соединяются две имеющиеся у новорожденного ипостаси – социальная, относимая к разряду единичных, и такая узнаваемая и характерная для всех недавно появившихся на свет телесная, репрезентируемая авербально: на каждой фотографии видно маленькое, недавно появившееся на свет существо – завернутый в одеяльце спящий младенец.

Такой же особенностью отмечено и еще одно предложение текста блога, где статусность репрезентируется наряду с телесностью, причем благодаря лексеме *royal* статус событийных получают даже самые обычные состояния или движения младенца:

At one point he wiggled his royal fingers.

Если у взрослых маленькие ножки и ручки младенца вызывают умиление и восторг, то использование лексемы *fingers* в сочетании атрибутивом *royal* придает телесности младенца августейшее измерение.

Максимально высокий статус новорожденного и одновременно его принадлежность к королевской династии фиксируется и таким сочетанием лексем как *heir to the throne*:

The Presence of Prince Charles, Prince William and the newborn marked the first time three heirs to the throne had been in the same room since 1894.

Приведенное предложение с особой очевидностью демонстрирует, что рассматриваемый текст блога репрезентирует знание о событии, конституирующем новую социальную историю Великобритании.

Начальный этап формирования концепта ROYAL BABY также связан с тем, что он включает в свою структуру и то, что участники события знают и думают о телесности новорожденного, занимающего вы-

сокостатусное положение в иерархическом социально-политическом устройстве британского общества. В этом отношении как нельзя более актуальна трактовка события как «универсального антропологического опыта», позволяющая считать событийными «любые значимые высказывания» [Корчинский, 2009, с. 105]. В новостном блоге такими значимыми событийными высказываниями становятся адресованные представителям прессы слова принца Уильяма о физических данных своего новорожденного сына. Универсальный человеческий опыт в репрезентируемом событии относится к тому, что всегда представляет интерес в аналогичных ситуациях:

- *вес новорожденного* («He's a **big boy, quite heavy**».);
- *внешность новорожденного* («He's got **her looks**, thankfully».);
- *волосы новорожденного* («He's got **way more hair** than me, thankfully».);
- *плач* («He's got a **good pair of lungs** on him, that's for sure».).

Как видно из приведенных примеров, принцу Уильяму принадлежат большей частью сдержанно-шутливые оценки физических параметров младенца, несущие вместе с тем и фактуальную информацию.

Формирование ядра концепта ROYAL BABY осуществляется и посредством лексем, репрезентирующих других участников события, какими, прежде всего, являются родители. По понятным причинам мать новорожденного является вторым по значимости участником события. На фотографии отчетливо видно, как она переполнена положительными эмоциями и светится счастьем, что на вербальном уровне репрезентируется глаголом *to glow*, характеризующим ее состояние:

*Middleton **glowed** in a blue Jenny Packham dress with white dots.*

Репрезентация того, какие переживания сопровождают материнство, становится возможной за счет включения в текст блога прямой речи Кейт Миддлтон как непосредственной участницы события:

*«It's very **emotional**», she said. «It's a **special time**. I think every parent will know what this **feeling feels like**».*

Наряду с многочисленными антропонимами, такими как *prince William, William, Kate Middleton, Middleton, Kate*, отдельно номинирующими каждого из родителей, концепт ROYAL BABY структурируется и лексемами – именами нарицательными, репрезентирующими мать и отца собирательно – *parents* и *couple*. Поскольку для молодых родителей переживание события рождения ребенка, несомненно, связано с ощущением радости и счастья, закономерно использование наряду с лексемами, репрезентирующими компонент события *участники*, эмоционально-оценочных лексем-атрибутивов:

*The day-old Prince of Cambridge made a dazzling debut Tuesday – cradled by his **beaming parents** Prince William and Kate Middleton.*

Рождение ребенка вызывает у королевской супружеской четы и чувство гордости:

*After posing for photos, the **proud parents** and pint-sized celebrity left for Kensington Palace and the baby in a car seat.*

Обращает на себя внимание, что в рамках обоих приведенных предложений в фокусе внимания продолжает оставаться новорожденный, о чем свидетельствует оценка его первого появления на публике как события особой значимости, представляющего собой ослепительный дебют (*dazzling debut*), а его самого как крошечной знаменитости (*pint-sized celebrity*).

Представители молодого поколения королевской династии Кейт и Уильям едины в том, что будут сами, без посторонней помощи ухаживать за новорожденным:

*Royal aides said the **couple** have no plans to hire a nanny, and Kate said William had already changed his first diaper.*

Важно отметить, что каждому типу событий соответствует особая манера поведения его участников. Дальнейшее развертывание категории *человек в событии*, задающей вектор формирования доминантного концепта, осуществляется перемещением фокуса внимания с родителей на ближайших родственников – бабушек и дедушек с обеих сторон, приехавших в госпиталь св. Марии для первого знакомства с новорожденным. Эти фазы события можно рассматривать как «фоновые», разворачивающиеся вокруг фокусных:

*The newborn was visited by **both sets of grandparents** earlier in the day.*

*First to show up were **Michael and Carole Middleton**, who arrived in a battered blue London taxi.*

***Prince Charles and Camilla** arrived about 2 hours later in a Jaguar.*

Отношение Кэрол Миддлтон к внуку тоже очень эмоционально, как бабушка она оценивает маленькое существо в целом и радуется благополучному исходу родов:

*«He's **absolutely beautiful**. They are both doing really well, and we're so **thrilled**», said Carole Middleton.*

Последний пример наряду со многими другими, приведенными в статье, содержит эмоционально-оценочные репрезентанты концепта ROYAL BABY, в качестве атрибутов присутствующие во всех компонентах события: *absolutely beautiful, thrilled, dazzling, beaming, happy, special, very emotional, proud* и др.

Таким образом, анализ текста блога показывает, что эволюция концепта ROYAL BABY тесно связана с репрезентацией категории *человек*

в событии: структура текстового события, его компоненты детерминируют совокупность репрезентантов, становящихся строительным материалом новой когнитивной структуры (рис. 2).

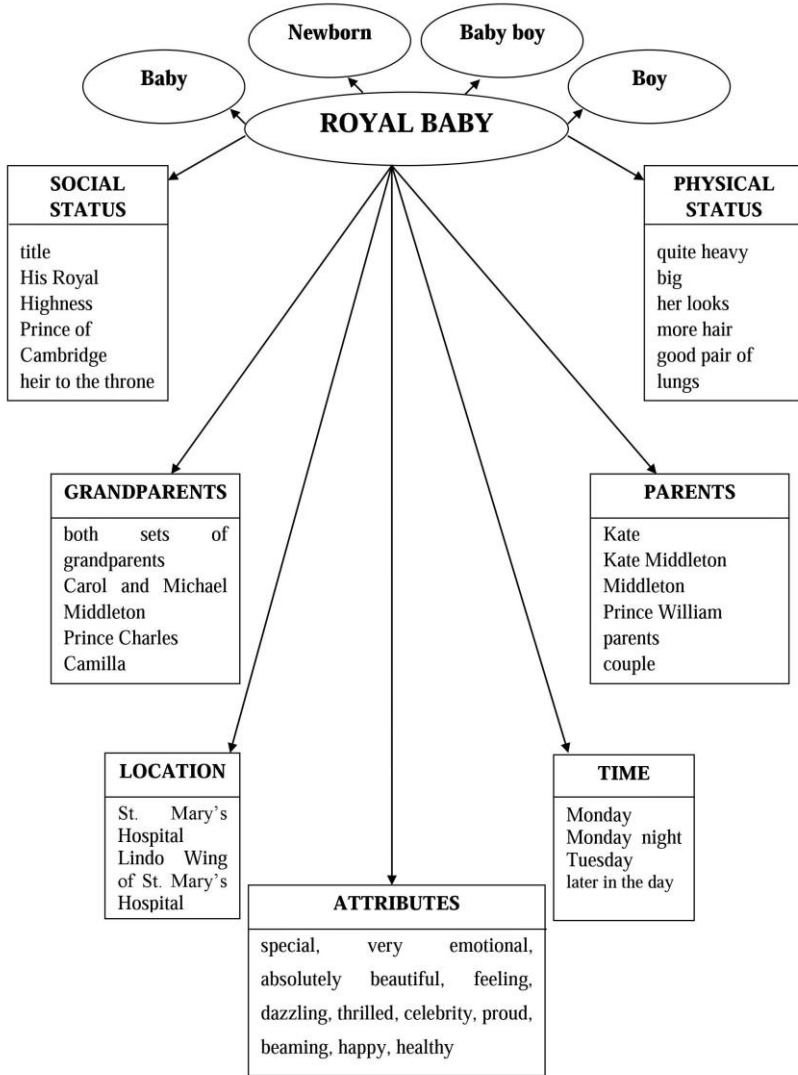


Рис. 2.

По мере того, как репрезентирующие концепт ROYAL BABY лексемы подвергаются семантической трансформации и концептуализации, он, с одной стороны, обретает свои специфические особенности, а с другой, повторяет путь, пройденный в своем формировании другими аналогичными концептами. Кроме того, текстовый материал свидетельствует о «деятельностно-семиотической переработке» события реальности, в процессе которой происходит взаимопроникновение «объективного и субъективного» [Зинченко, 1993, с. 46]. С одной стороны, это обусловлено особенностями функционирования человеческой памяти, «которая событийна, а не хронографична» [Зинченко, 2002, с. 46], а с другой, – установкой на развертывание медиAPERформанса и вовлечение в него реципиента.

Литература

- Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. 2009. Сер. Филология. Журналистика. Т. 9. № 1.
- Демьянков В.З. Событийность в языке средств массовой информации // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4.
- Зинченко В.П. Человек в пространстве времен // Развитие личности. 2002. № 3.
- Корчинский А.В. Событие и событийность // Филологические науки. 2009. № 6.
- Лазарато М. Борьба, Событие, Медиа // Газета платформы «Что делать?». 2006. Вып. 13.
- Лехциер В.Л. Бескорыстные события или в поисках ответной меры // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. Серия: Философия. Филология. № 2.
- Рогозина И.В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003.
- Рогозина И.В. Номо Politicus как объект изучения когнитивной медиалингвистики // Филология и человек. 2011. № 4.
- Слободчиков В.И. Событийная образовательная общность – источник развития и субъект образования // Событийность в образовательной и педагогической деятельности. 2010. Вып. 1 (43).
- Трещева Е.Г. Имена ситуаций-событий и типология их ассоциативных полей: автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2012.
- Российская газета. 2013. 24 июля.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ЭССЕ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Г.В. Кукуева

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-дискурс, речевой жанр, модифицирование речевых жанров.

Keywords: Internet communication, Internet discourse, speech genre, modification of genres.

Виртуальное коммуникативное пространство способствует не только интенсивному развитию жанроведения в целом, но и появлению новых жанров. Происходящие изменения в области лингвистического жанроведения, по мнению Л.Ф. Компанцевой, «находят отражение в модифицировании речевых жанров, в изменении прагматических установок и целей участников коммуникации, актуализации феномена языковой личности, которая через систему речевого жанра самопрезентирует себя в виртуальном дискурсе» [Компанцева, 2007, с. 174]. Одним из проявлений подобного модифицирования являются интернет-жанры, представляющие собой результат взаимодействия письменного или устного речевого жанра с новым типом дискурса. Среди множества толкований термина *интернет-жанр* [Компанцева, 2007; Селютин, 2009; Плотникова, 2012] остановимся на понимании данного явления как единства формы и содержания, обладающего определенными специфическими чертами коммуникативного характера и служащего для реализации отдельных интенций пользователя. Собственно лингвистическими признаются такие характеристики виртуального дискурса, как электронная форма существования, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, синхронность, вариативность количества и эксплицированности коммуникантов, ограничение среднего объема текста, стремление к самовыражению автора [Горошко, 2007, 2009; Плотникова, 2012; Щипицына, 2011].

Преобразованию в виртуальном коммуникативном пространстве подвергается и эстетическая сфера коммуникации: «Интернет способствует изменению иерархии жанров и форм: типы текста, наилучшим образом приспособленные к сетевому существованию, выходят на первый план и постепенно вытесняют другие. На роль преимущественно сетевых жанров и форм предлагались прозаическая миниатюра (текст размером «в один экран», не требующий вертикальной прокрутки для прочтения от начала до конца), эссе, литература дневникового типа» ([http://ru.wikipedia.org/wiki/Сетевая литература](http://ru.wikipedia.org/wiki/Сетевая_литература)

тура). Таким образом, гибкость эссе в плане адаптации к интернет-среде дает все основания рассмотреть данную письменную нарративную форму в качестве специфического речевого жанра эстетической сферы Интернета.

В трактовке эссе как письменного жанра мы сталкиваемся с разнородностью определений. Чаще всего данный жанр характеризуется как прозаическое сочинение, имеющее непосредственную близость с научной, публицистической и художественной литературой. По мнению исследователей Т. Лямзиной, востребованность данного жанра обусловлена его универсальностью: «широта выполняемых эссе функций позволяет относить к этому жанру любые произведения с неявно выраженной жанровой принадлежностью» [Лямзина, URL]. Доминантными жанрообразующими признаками эссе признаются ведущая роль личности автора, особая актуализированность, соотнесенность с настоящим моментом, небольшой объем, свободная композиция, выражающая индивидуальные впечатления автора, образность и экспрессивность, диалогичность и риторичность, установка на мифотворчество, сложная сеть ассоциативных связей, парадоксальность как способ игры с читателем.

Жанровые характеристики эссе в интернет-коммуникации предопределяются взаимодействием признаков письменной формы данного речевого жанра (эссе литературного, научного, публицистического) с такими приметами интернет-дискурса, как электронная форма существования текста, мультимедийность, гипертекстуальность, разговорно-письменная форма, возможность поддержания связи между автором текста и его аудиторией. Данное взаимодействие свидетельствует о формировании особой «модели высказывания» (термин М.М. Бахтина), в которой сопряжены лингвопрагматические параметры речевого жанра с приметами интернет-коммуникации. В качестве базовых жанрообразующих признаков нами рассматриваются формальные (субстрат, технические свойства создания текста, объем текста); тип коммуникации (время и ход коммуникации, ее синхронность/асинхронность); участники общения (автор и адресат); гипертекстуальность и интерактивность среды.

Рассмотрим речевой жанр эссе, представленный на сайтах <http://zhurnal.lib.ru> (журнал «Самиздат») и <http://www.proza.ru/texts/> (литературный портал «Проза.ру»).

С точки зрения формальных признаков организации речевой жанр эссе в интернет-пространстве имеет статус электронного документа, границы которого определяются доменным адресом в Интернете. Данный документ может состоять из относительно законченных

текстовых блоков, характеризующихся особым формальным выражением в виде «окон», раскрываемых в отдельном окне веб-браузера. Порядок освоения блоков коммуникантами не является жестко заданным и зависит как от предусмотренного автором текста формальных переходов от одного компонента текста к другому (например, гиперссылки, комментарии), так и от выбора адресатом порядка следования компонентов (читатель может сначала прочитать комментарии или аннотацию к тексту, а затем сам текст или наоборот). Электронный субстрат, в свою очередь, служит отправной точкой для дальнейшего модифицирования исходного речевого жанра: «субстратная составляющая, находящаяся в сфере формы, участвует в жанровой организации <...> Электронный субстрат, как и прочие технические средства передачи, не только создает особые жанры, но и модифицирует традиционные жанры, <...> электронный носитель накладывает свои ограничения и специфицирует содержательные и прочие аспекты [Лебедева и др., 2011, с. 50]. Думается, что характер подобных ограничений, с одной стороны, проявляется в невозможности увидеть и прочитать авторскую и редакторскую правку, черновики, сопровождающие текст; с другой стороны, появляется возможность автора и читателя поиграть с текстом посредством изменения его графического расположения, фона, шрифта, дизайна, визуального размещения элементов текста в пространстве экрана монитора. К техническим свойствам создания эссе как интернет-жанра относятся: компьютер или любой другой электронный носитель, клавиатура, монитор, мышь, компьютерное программное обеспечение.

Компрессия текста проявляется не только в его размере, равном размеру экрана монитора, что отражает общую тенденцию к сокращению объема текста в интернет-коммуникации. Малоформатность оказывает влияние на содержательную сторону эссе. Текст, как правило, открывается тезисом философского или лирического наполнения: *«Я для него просто «брошка». Хорошенькая девочка, которой можно покрасоваться перед друзьями»* (А. Петрова «Брошка»). *«Я с нежностью отношусь к женщинам. Они делают жизнь интереснее, они мило улыбаются, любят целоваться, дарят подарки и помнят, что сегодня только несколько месяцев назад, мы « в первый раз...»* (А. Редькин «Женщины»). Особо ярко компрессия проявляется на уровне синтаксической организации эссе. Наиболее частотны парцеллированные конструкции: *«Занятная тема – литературный язык. Потому что на эту тему копий сломано - арсенал. И пик. И языков. И шпаг. И другого холодного оружия»* (М.А. Далин «О литературном языке, великих стилистах и самообмане»); *«Я залезла на лавку с но-*

гами. *И посмотрела на окна второго этажа. Он смотрел на меня через стекло. И молчал*» (А. Петрова «Август месяц»), анафоры, придающие повышенную динамичность повествованию, а иногда и особый драматизм внутреннему состоянию автора-рассказчика: «*У меня нет ничего <...>. У меня нет никого <...>. У меня нет подруг <...>. У меня нет работы <...>. У меня нет ничего, кроме этой пачки сигарет, которую я «растягиваю» на неделю, потому что на следующую у меня просто нет денег*» (А. Петрова «Август месяц»), лексические повторы, позволяющие усилить экспрессивную сторону и актуализировать сеть ассоциативных связей читателя с текстом: «*Время долго и внимательно смотрело на грязный снег, мусор, черные мокрые стволы деревьев <...>. Время устало. <...> Но Время не мыслило себя вне мира, а мир без Времени был безжизнен и статичен как фотография. И Время жило надеждой, словно знало, что однажды все изменится. Время искало*» (М.М. Шмелев «Поздняя осень»).

Тип коммуникации, реализуемый в рассматриваемом интернет-жанре, аналогичен классическому нарративу – «один – многим». Параметры коммуникации задаются в интернет-жанре эссе скоростью ответной реакции аудитории. Как правило, текст, размещенный на сайте, с момента своего «появления» находит быструю ответную реакцию со стороны читателей в виде цепочки высказываний, пояснений, а иногда и «дописываний», «домысливаний» темы исходного текста или, напротив, уходом от исходного содержания. Рассмотрим комментарии к эссе А. Редькина «Женщины»:

1. Редькин Александр 2011/07/08 10:43 [[ответить](#)]

Этюд на тему =)

Если это вас не зацепило, киньте в меня камень...

2. Sargika (tascha_j@mail.ru) 2011/07/10 13:00 [[ответить](#)]

Очень мне понравилось.)

Приятно читать такое.)))

Мы хорошие, хоть и с тараканами)))

Линчевский Дмитрий 2011/07/10 21:51 [[ответить](#)]

3. *Пожалуй, да!*

Таким образом, речевой жанр эссе в интернет-коммуникации приобретает статус исходного, инициального жанра, получающего обратную связь посредством интерфейса. Речевой жанр эссе демонстрирует асинхронный тип коммуникации, обусловленный гипертекстовым характером интернет-среды: текст сопровождает диалог или полилог в форме комментариев, зачастую в общении участвует и сам автор текста.

Участники общения. Категория автора в интернет-жанре эссе сохраняет свое доминантное положение. В текстах, представленных в виртуальной среде, реализуется тип автора – активного пользователя интернета, массового непрофессионального писателя, зачастую не способного четко объяснить, чем навеяно желание самовыразиться: *«Нравится мне этот проект, особенно серия, касающаяся необычных животных в качестве тотемов. <...> Сама не знаю, зачем все это пишу, видимо впоследствии до меня это должно прийти»* (комментарий автора К.Г. Райтер к тексту «Проект «Тотем» Панда»). Характеристика эссе как рефлексирующей литературы (Т.Ю. Лямзина) с неременной установкой на эмоциональное, эстетическое воздействие сохраняется и в интернет-жанре. Мотивация личностного самовыражения переплетается с информативной стороной текста, а иногда и доминирует над последней. Установка на самовыражение, диалог с читателем, привлечение внимания к творческой способности автора звучат как в самом тексте: *«Мой город уже окутал покрывалом тихий летний вечер, а вот в твоём городе день в самом разгаре. Поэтому я хочу пожелать тебе солнечного дня и поделиться кусочком своего счастливого летнего денечка»* (Д. Шелихова «Счастливый день»), в аннотациях, предваряющих эссе: *«Невозможно в краткой аннотации отразить чувства, которые меня обуяли, когда я услышал эту историю»* (А.В. Карасов «Невероятная история, случившаяся в Москве»), так и в комментариях, например эссе А. Редькина «Женщины»:

«Редькин Александр 2011/07/08 10:43 [ответить]

Этюд на тему =)

Если это вас не зацепило, киньте в меня камень...».

Повелительная форма глагола, личное местоимение, использование смайлика как имитации непосредственного общения – сигналы привлечения читателя к диалогу.

Одним из способов самовыражения автора служит установка на мифотворчество, актуализирующаяся в эссе как интернет-жанре. Автор создает собственный миф и транслирует его в сторону аудитории. Мифотворчество может быть связано с решением философской (М.М. Шмелев «Поздняя осень» – миф о Времени), социально-бытовой (К.Г. Райтер «Проект «Тотем» Панда», «Проект «Тотем» Белка») или личной (А.В. Петрова «От А до Я») проблемы.

Для виртуального эссе характерен активный адресат, на диалог с которым автор выходит в содержании текста посредством обращений, риторических вопросов и восклицаний: *«Какой же смысл в обмане? Задушить идиотам голову и срубить бабок по легкому? А мо-*

жет эти вопли нужны были для того, чтобы старики, не слишком разевали рот на пенсии? На хрена пенсии? Конец света скоро!» (А.В. Карасов «Конец света отменили»); личных местоимений, действительных элементов: *«Нас принимали в октябрята в Музее Ленина, а в пионеры у Мавзолея. Мы читали клятвы, замирая от гордости и дубея от осеннего ветра на главной площади Великой Страны»* (К.В. Алексеев «Мое поколение»); *«Внешне вы будете производить впечатление бездельника, но в душе у вас будет происходить непрерывная деятельность по 16-18 часов в сутки с перерывом на сон. Старая душа изнасилась, а новая еще не созрела. Вам предстоит выносить ее в каком-нибудь тихом месте <...> У вашей души накопилось много срочной работы, помогите ей. Не давайте никому вмешиваться в вашу жизнь»* (К.Г. Райтер «Проект “Тотем”. Панда»). Комментарии к текстам интернет-жанра эссе являются средством координации связи между автором и его аудиторией. В них реализуются несколько подтипов активного адресата: критик, собеседник, благодарный читатель (более подробно о категориях «автор», «адресат» в речевом жанре эссе см.: [Кукуева, 2014]. Например, в комментариях к эссе А.В. Карасова «Конец света отменили» представлены адресат-критик и адресат-собеседник:

2. Дарк Коммунистичес (Angmar139@yandex.ru) 2012/12/26 12:15 [ответить]

Полностью согласен с Автором. Устроить бы сейчас новый 37-ой год... чтоб реки чиновничьей крови текли, и «золотая молодежь» работала на лесоповалах под присмотром автоматчиков... Убить их всех – и это будет правильно, честно и справедливо. (собеседник) //

4. Гейдаров Раул 2013/03/28 09:25 [ответить]

Как много желчи. Что вы как автор хотели донести до читателя своей ненавистью к власти и журналистике? Знаете, что мне больше всего не понравилось в вашем произведении? То, что вы об этом заявляете и не даете читателю даже подумать, что он прочитал. Все ясно, потому и неинтересно. Советую вам взять пример с Полета над гнездом кукушки или с Бойцовского клуба. Там ненависть проявляется в сюжете, в каких-то диалогах, поступках, попробуйте создать персонажа и дать ему эти мысли, будет интереснее. Скажем записки сумасшедшего... или офисного работника, который ненавидит начальство.. (критик).

Комментарии к эссе А.В. Петровой «От А до Я» репрезентируют образ адресата-благодарного читателя:

1. Сафронова Анна (ann1024@yandex.ru) 2006/09/14 21:07 [ответить]

В печать!!!

Очень финал понравился.

2. *Арам Вартанович 2006/09/14 21:10 [ответить]*

!!!

Здорово :)

С теплом

арам

3. *Савицкая Наталья (savitska@inbox.ru) 2006/09/14 21:19 [ответить]*

Блеск! Умница, Анечка. Как все коротко, емко, точно! Bravo!

4. *Петрова Анна Владимировна 2006/09/15 07:42 [ответить]*

> > 3. *Савицкая Наталья*

> *Блеск! Умница, Анечка. Как все коротко, емко, точно! Bravo!*

Спасибо за комментарии! Хотя признаюсь, что идею сравнения нашей жизни с алфавитом когда-то видела в женском журнале. Но вот захотелось написать свое сравнение букв и разных вещей, неотъемлемо связанных с нашей повседневной деятельностью.

В приведенных комментариях высказывания читателей предельно эмоциональны, о чем свидетельствуют восклицательные предложения «*В печать!!!*», междометия «*Блеск! Bravo!*», оценочное наречие «*здорово*». Об особом расположении аудитории к автору говорят лексемы оценочного характера «*умница*», уменьшительно-ласкательная форма имени собственного «*Анечка*», этикетная формула «*с теплом*», графические средства, смайл указывают на непосредственное, непринужденное общение автора с читателями.

Гипертекстуальность и интерактивность среды являются специфической чертой именно интернет-жанра эссе. Текст, размещенный на странице сайта, связан гиперссылками с такими жанрами, как «профайл автора», его «электронная почта», «комментарии к тексту», «статистика», контекстное меню, куда входят страницы: «регистрация», «найти», «рейтинги», «обсуждения», «новинки», «обзоры» и т.д. Текст сопровождается указанием размера файла, даты выставления на сайте и даты его возможного изменения, например, эссе А. Карасова «Конец света отменили» размещен: 25/12/2012, изменен: 25/12/2012. 3к. Гипертекстуальные связи позволяют тексту органично погрузиться в виртуальную среду и получить еще один более динамичный, нежели на бумажном носителе, вектор жизнедеятельности. Интерактивность представлена в виде интегрирования цитат из одного комментария к тексту в другой, например к тексту М. Шмелева «Гремячий ключ»:

1. *Romzes 2006/08/10 23:17 [ответить]*

Одна из проблем нашего общества - его способ борьбы со всем, что хочет перечеркнуть хотя бы на время его ценности. Оно либо это игнорирует, либо переворачивает все так, что это становится одной из них.

2. Шмелев Михаил 2006/08/12 00:45 [[ответить](#)]

> > **1.Romzes**

> Одна из проблем нашего общества - его способ борьбы со всем, что хочет перечеркнуть хотя бы на время его ценности. Оно либо это игнорирует, либо переворачивает все так, что это становится одной из них.

Romzes, спасибо за единомыслие. А есть ли способ сохранить «огонек души»? Уединиться от общества или жить рядом с ним в постоянном «тренин»? На первое способны единицы. А в случае второго окружающий мир модифицирует нас незаметно. И, может быть, мы способны уже только лишь на то, чтобы задать эти вопросы?

Структура второго комментария, принадлежащего автору текста, состоит из повторения предыдущей реплики (она фиксируется условным обозначением > и выделяется графически жирным шрифтом) с указанием ее автора – Romzesa. Таким образом в комментариях выстраивается открытый виртуальный диалог автора с читателем.

Использование мультимедийных (поликодовых) средств не является показательным для интернет-жанра эссе. Как правило, явно представлена подчиненность внешнего вида текста графическому оформлению сайта: сочетаются дизайн, цвет фона, шрифт, расположение составных частей страницы сайта. Мультимедийность состоит в дополнении вербального текста языковыми сигналами устности – ненормативной пунктуацией и орфографией, смайликами, имитирующими непосредственное общение, так, например, в комментариях (в примерах сохранены авторская орфография и пунктуация) к тексту М.А. Далина «О литературном языке, великих стилистах и самообмане»:

***Е.А.** 2011/10/05 10:31 [[ответить](#)]*

> > 21.Макс

> Отсюда следует, что в фантастике-фэнтези-сказке мату не место в принципе. Не создаются исходные условия.

...Ага... в русских народных-то...))))

Опять таки, если в фант-боевике герою на ногу падает шкаф, он же не скажет - прошу пардону, тчо невoreмя подставил ногу под ваше изделие.

> А читатели-писатели СИ - невинны, да)

Некоторые- до потряса!

> Насчет девки. Ну почему сразу? Может, она имела в виду «крепостная девка»?)))

*Не, она мягкая, добрая, деликатная и практически интеллигентная. Хотела **поймать в виду**, что «оторва с большим ружьем».*

*Ой, опять какой-то ассоциативный ряд **попер** – в плане символики. Короче – чем человек **мягче и деликатнее**, тем у него «гозый ник» смешнее смотрится. И вообще – женщина с ружьем – это смешно. Вот у меня второе имя - «Арфистка» - доброе, мягкое и пушистое.)))))))))))*

Итак, анализируемый интернет-жанр представляет собой трансформацию исходной жанровой формы эссе. Под влиянием параметров интернет-коммуникации формируется специфическая лингвопрагматическая модель речевого жанра, в которой на первое место выдвигаются мультимедийность, гипертекстуальность, репрезентация фигуры автора, виртуальная активность читателя, асинхронность коммуникации. Данные параметры свидетельствуют о формировании типа текста, не представленного в имеющейся типологии речевых жанров.

Литература

Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6.

Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5.

Компанцева Л.Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты. Луганск, 2007.

Кукуева Г.В. Автор и адресат в интернет-жанре эссе // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 2 (21) Ч. 2.

Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Е.Ю., Тюкаева Н.И. ЕПР: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М, 2011.

Лямзина Т.Ю. Жанр эссе (к проблеме формирования теории). [Электронный ресурс]. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/liamzina_essay.htm/

Селютин А.А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35 (173). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 37.

Плотникова А.А. Лирическая миниатюра в Интернет-коммуникации (лингвопрагматический и метаязыковой аспект жанра): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.

Щипицына Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011.

Сетевая литература // Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сетевая_литература/

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ АРГУМЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

Л.П. Науменко

Ключевые слова: бизнес-дискурс, аргументативная стратегия, принцип общения, максима, тактический прием, зоны влияния человека.

Keywords: business discourse, argumentation strategy, principle of communication, maxim, tactics, personal sphere of influence.

Вступление.

Интерес к профессиональному общению, особенно бизнес-коммуникации, обусловлен интенсивным развитием международных контактов в деловой сфере, посредником в которой выступает английский язык. Фокусом внимания современных исследователей делового / бизнес-дискурса служат его функциональный, когнитивный, коммуникативно-прагматический аспекты, в частности ведение полемики, способы убеждения, выбор коммуникативных стратегий и тактик для реализации авторского замысла. Эти проблемы находят отклик в работах Т.В. Анисимовой, Т.Н. Астафуровой, Ф. Баргиэлы-Чапини, Ю.В. Данюшиной, Е.Л. Доценко, О.А. Иссерс, Е.М. Малюга, Н.А. Хабаровой, О.В. Яшенковой и др. [Анисимова, 1998, 2000; Астафурова, 1997; Данюшина, 2011; Доценко, 2003; Иссерс 2002; Малюга, 2008; Хабарова, 2012; Яшенкова 2003; Bargiela-Chiappini, URL]. Так, Е.Л. Доценко и О.А. Иссерс считают, что все типы стратегий можно обобщить в трех классах – презентация, манипуляция и конвенция [Доценко, 2003, с. 42; Иссерс, 2002, с. 17]. Е.М. Малюга утверждает, что стратегия презентации достигается за счет представления целостной картины мира путем сообщения; манипулятивная – путем структурирования знаний, включая идеологию, пропаганду и рекламу; конвенциональная – способом структурирования знаний в форме проекта [Малюга, 2008, с. 44]. Т.Н. Астафурова говорит об организационной стратегии, направленной на управление диалогом и его течение, риторической стратегии, ориентированной на изменение прагматических параметров адресата [Астафурова, 1997, с. 35-37]. Н.А. Хабарова выделяет информационное рациональное влияние (связанное с убеждением), механистическое влияние (апеллирует к стереотипам)

и имиджевое (манипулятивное) влияние (обращенное к чувствам) [Хабарова, 2012]. Ю.В. Данюшина выявляет в сетевом бизнес-дискурсе кооперативные (позитивные), конфронтативные (негативные) коммуникативно-прагматические стратегии и стратегии самопрезентации (нейтральные) [Данюшина, 2011, с. 13-16].

Теоретическая часть.

Цель нашей статьи – установить языковые средства реализации одной из базовых коммуникативных стратегий – аргументативно-убеждающей, которой руководствуются агенты современного англоязычного бизнес-дискурса в интернет-пространстве. Материалом исследования послужили бизнес-публикации 100 ведущих британских и американских компаний: информационные письма, тексты презентаций, бизнес-планы и годовые отчеты общим объемом 350 единиц. Среди задач исследования – создание возможно более полного инвентаря тактических приемов и лексических, пропозициональных, стилистических и паралингвальных средств, которые воплощают эти приемы в речи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью прояснить глубинные процессы, мотивы и цели, которые стоят за дискурсивными практиками, продуцируемыми бизнес-сообществом.

Опираясь на работы предыдущих авторов и результаты исследования делового общения в интернет-пространстве, мы пришли к выводу, что современный англоязычный бизнес-дискурс в основном формируется принципами кооперации и вежливости, что обусловлено его прагматической целью – получить экономическую выгоду, достижение которой возможно лишь при сотрудничестве сторон (акционеров, партнеров, инвесторов, клиентов, государственных и общественных организаций, широкой общественности). Подтверждение этого положения находим в словах М.В. Колтуновой: «Директивные акты остаются <...> в жанрах организационно-распорядительской документации: приказах, постановлениях, распоряжениях. В остальном же деловое общение строится на принципах кооперации, учета взаимных интересов, паритета и равенства в иерархических отношениях. Не администрирование, а открытость для контакта и стимулирование подчиненных, не противопоставление интересов покупателя и продавца, клиента и заказчика, а стремление выявить общность интересов и поиск консенсусного решения, <...> определение собеседника как равноправного участника диалога <...>» [Колтунова, 2000, с. 7].

Принцип *кооперации* (сотрудничества) в бизнес-дискурсе реализуют четыре максимы П. Грайса: количества, качества, релеванности сообщения и способа изложения (регулирования объема, содержания, уместности и организации информации) [Grice, 1975, с. 45], которые особенно четко координируют общение в таких жанрах, как business talk, business conference, job interview, business meeting, business letter. Принцип кооперации дополняют другие принципы. В частности, принцип *коммуникативного сотрудничества* регулирует правильное исполнение коммуникативных ролей «говорящий – слушающий» и предусматривает такие максимы: реплика не должна превращаться в монолог; последовательность реплик выражается в добровольной передаче речевой инициативы; перебивание, взгляды, жесты толкуются как сигналы желания получить речевую инициативу; при необходимости перебить говорящего слушающий должен извиниться. Принцип *заинтересованности* состоит в том, что общение происходит более динамично, если информация интересна коммуникантам; принцип *Поллианы* требует, чтобы содержание общения отвечало критериям оптимистического настроения, вере в собственные силы, здравому смыслу и доброй воле партнеров, сохранению гармонии между тональностью и содержанием сообщения [Колтунова, 2000, с. 93]. На языковом уровне принцип Поллианы реализуют репрезентативные речевые акты, ориентированные на будущее позитивное решение проблемы, конфликта, поиск консенсуса и т.д. Принцип кооперации в бизнесе определяет и целевые установки, которыми руководствуются собеседники: консенсусом – в партнерских отношениях, чуткостью – в рыночных отношениях, равенством – в корпоративных отношениях [Колтунова, 2000, с. 9].

Принцип *вежливости* в бизнес-коммуникации реализуют шесть максим, предложенных Дж. Личем: такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и сочувствия [Leech, 1983, с. 109]. Определяющими являются максимы такта, похвалы и согласия. Максима *такта* требует вежливого, ровного, спокойного тона, внимательной и доброжелательной манеры, оказания знаков внимания. Наиболее четко проявляется в жанрах business talk, job interview, negotiations, там, где происходит непосредственный контакт собеседников. Ей присущ *прием собственного имени* (как утверждает Д. Карнеги, «имя человека – это самый сладкий, самый важный для него звук на любом языке» [Карнеги, 1989, с. 98]); этикетные формулы извинения, приветствия и прощания; не прямые

речевые акты, паралингвальные средства: тон и манера общения, поведение и жестикаляция. Максима *одобрения* выражается как похвала в репрезентативах и экспрессивах либо имеет форму комплимента и наиболее полно проявляется в жанре appraisal letter, ритуализованных практиках типа Annual Business Conference. Максиме *согласия* отвечают две стратегии: стратегия *взаимных уступок и разумных компромиссов* (в конфликтных ситуациях) и стратегия *сближения позиций путем объединения интересов*, которым отвечают базовые интересы бизнеса – экономическая выгода и безопасность, лидерство на рынке, противодействие конкурентам, престиж фирмы.

В зависимости от коммуникативных целей – информирование, установление и поддержание деловых контактов, убеждение партнеров и инвесторов, оценивание результатов экономической деятельности предприятия и работы персонала, формирование позитивного имиджа и репутации компании, оказание влияния на общественное мнение, противодействие негативному влиянию конкурентов – агенты бизнес-дискурса руководствуются разными коммуникативными стратегиями: информативной, позитивной самопрезентации, регулятивно-директивной, аргументативно-убеждающей и манипулятивной.

Аргументативно-убеждающая стратегия – одна из доминирующих в системе бизнес-коммуникации, поскольку она нацелена на убеждение слушателя в правильности мнения автора и формирование у него необходимой позиции. В аргументации используют два типа аргументов: логический (доказательство) и психологический (внушение). Т.В. Анисимова выделяет рациональный (характерный для всех видов деловой риторики) и эмоциональный типы аргументов [Анисимова, 1998, с. 234]. А.А. Тертычный добавляет к этому списку «ценностный аргумент, который включает ссылки на оценки и нормы (идеологические, правовые, культурные, религиозные)» [Тертычный, 2000, с. 3]. Среди риторических приемов выделяют также иллюстративный, образный (сравнение, метафора) и оценочный.

Экспериментальная часть.

В результате анализа материала исследования среди *логических* аргументов бизнес-дискурса выделяем:

– прием *ссылки на источник информации (факты, законы, постановления, документы, авторитеты, общественное мнение, исторический прецедент)*, например, для убеждения в искренности и правдивости информационного сообщения адресант использует

ссылки на регулятивные документы: *By way of background, Cargill Meat Solutions Corporation implemented the **USDA Pathogen Reduction HACCP regulation in January 1998 and the USDA Standard Sanitation Operating Procedures («SSOP's»)** in 1997 (Cargill Information Letter // <http://www.gurrente.com>), для подтверждения собственного мнения говорящий использует данные из компетентных источников: *Despite the worldwide economic recession, microprocessor unit shipments for the industry were up 6% in 2009, according to Mercury Research – illustrating how essential computing has become in our lives* (Letter from CEO // <http://www.walmart.com>);*

– прием ссылки на статистические данные, например: *Our gain in net worth during **1998** was **\$25.9 bn.**, which increased the per-share book value of both our Class A and Class B stock by **48.3%*** (Berkshire Annual Letter // <http://www.oppapers.com>);

– прием цитирования общеизвестных аксиом и максим, например: *He said, and I quote: «**The greatest challenge facing mankind is the challenge of distinguishing reality from fantasy, truth from propaganda**»* (Cargill Presentation // <http://www.cargill.com>);

– прием определения (логическая операция для пояснения значения термина), например: *The term «liquidity», as used by GM, is the amount of cash readily accessible to meet the company's immediate or very near-term obligations* (GM BP 2009-13 // <http://www.gm.com>);

– прием сравнения, например: *In fact, 66 million GM cars and trucks are this country's roads today, 44 million more than Toyota* (GM BP 2009-13 // <http://www.gm.com>);

– прием противопоставления (за счет противительного союза *but*, частицы *not* и антитезы), например: *We understand that acting responsibility is not just the right thing to do, **but** the smart thing to do for our business* (McDonald's AR 2008 // <http://www.mcdonaldsoffice.eu>); *We are focused on quality, not quantity* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>); *We **entered** 2009 in one of the deepest recessions in our history, and **ended** it with broad-based demand for our products across all regions and market segments* (Letter from Wal-Mart CEO // <http://thor.intel.com>);

– прием иллюстрации, например: *Several other competitors such as **Revlon, Inc., a firm that sold cosmetics primarily through retail stores, were larger than Mary Kay in terms of sales and had more resources; Accessories such as samples, makeup mirrors, cosmetics bags and travel kits were sold primarily as hostess gifts, business supplies or sales aids*** (Mary Kay BP // <http://www.dsef.org>);

– прием *экземплификации*, например: *For example, we continue to seek additional ways to enhance energy efficiency in our restaurants* (McDonald's AR 2008 // <http://www.mcdonaldsoffice.eu>).

Среди *эмоциональных* аргументов в бизнес-дискурсе выявляем:

– прием *суггестии* или *внушение* (за счет прямых и синонимических повторений, параллелизма, намеков и аллюзий), например: *For Coca-Cola Enterprises, 2007 was a year of transformation, a year of progress, a year of growing momentum; We are committed to providing choices, assuring quality and safety, delivering great taste, and sourcing in an ethical manner* (McDonald's AR 2008 // <http://www.mcdonaldsoffice.eu>); *In the last six months of 2008, housing price declines accelerated, foreclosures rose, credit markets froze, job losses skyrocketed, and consumer confidence tumbled* (GM BP 2009-14 // <http://www.gm.com>); *As we expand our portfolio, it is our responsibility to have in place a world-class system that puts the right product and package in consumers' hands at the right time and price* (аллюзия на известную поговорку *in the right place at the right time*) (Coca-Cola AR 2007 // <http://www.cokecce.com>);

– прием *апелляции к чувствам и эмоциям*, например: *You need to be proud. One of the things that bothers me is that it appears to be a sport <...> of beating people who are down... I did this because I believe in the company* (The Chrysler Five Year Plan // <http://www.allpar.com>);

– прием *апелляции к позитивным и негативным мотивам* (выгода – вред) – (прагматический топос), например: *Specifically, we're focused on enhancing shareholder value by driving three important priorities: growth, leverage and returns* (Walmart AR 2010 // <http://walmartstores.com>);

– прием *апелляции к ощущениям*, например: *One of the fastest growing hotel brands, we offer convenience and comfort at great value* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>);

– прием *апелляции к удовольствию* (эмоциональный топос), например: *We like to make sure that our guests have fun when they stay with us* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>);

– прием *апелляции к положению в обществе* (этический топос), например: *We'll show that we respect individuals and always put our customers first* (Walmart AR 2010 // <http://walmartstores.com>);

– прием *диалогизации и интимизации изложения* (создание когнитивного диссонанса у адресата – необходимости о чем-то узнать путем постановки вопроса), например: *So what are the customers telling us what they need to be successful? For established businesses they need support to drive cost productivity (no surprise) to remain competitive in an increasingly global world* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>).

Среди *оценочных* аргументов в бизнес-дискурсе типичными тактическими приемами являются следующие:

– прием *логического оценивания*, например: *These led to good growth in revenues and profit for IHG and we continued to make excellent progress against our long-term strategic priorities* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>);

– прием *субъективного оценивания*, например: *We've made excellent progress this year, strengthening our brands and using our scale advantage to drive market share and improve margins* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>);

– прием *ссылки на правовые нормы*, например: *Under The Trade Practices Act 1974 there are certain conditions or guarantees implied into all consumer contracts* (Consumer Affairs & Fair Trading // <http://www.consumers.tas.gov.ua>).

Образные аргументы бизнес-дискурса включают прием аналогии (фигуральный аргумент):

а) *метафорический перенос*, например: *All of these growth strategies come together in the opportunity we call «smarter planet». It describes the infusion of intelligence into the way the world actually works* (IBM 2009 AR // <http://www.ibm.com>);

б) *метонимический перенос*, например: *The company's role in creating «green» technology and high-paying jobs will increase substantially as a result of implementing the Plan; GM's financing arm, GMAC, cannot effectively access the secondary markets today* (GM BP 2009-13 // <http://www.gm.com>);

в) употребление *эпитетов*, например: *We have developed best-in-class marketing and technology to support our hotels and drive increment revenues* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>);

г) употребление *образной лексики*, например: *GM is woven into the fabric of America. It has been the backbone of U.S. manufacturing. The auto industry remains a driving engine of the U.S. economy* (GM BP 2009-13 // <http://www.gm.com>); *Marketing and footwear under our own banner involves considerable business risk and fundings* (Breeze Technology, Inc. // <http://www.businessplans.org>);

д) употребление *образной фразеологии*, например: *When I wrote to you a year ago, the global economy was experiencing profound disruption. Many companies and entire industries were pulling in their horns, hoping to ride out the storm* (IBM 2009 AR // <http://www.ibm.com>); *...to ensure products we sell are safe and have the quality to stand the wear and tear of families' busy lives* (Walmart AR 2010 // <http://walmartstores.com>).

К *паралингвальным* средствам влияния на читателя / слушателя для бизнес-дискурса относятся:

– *графические средства* (капитализация, курсив, жирный или готический шрифт, кавычки, подчеркивание, специфический спеллинг, графосимволы, логотипы), например: *With our business, advertising and publishing experience, it is our goal to capture at least half of this market of information seekers, with our publication, MONEY MAKING MAGIC!* (Ел. ресурс: <<http://www.sten.com>>); *The company expects that first-quarter 2009 cash outflows would be materially worse than even the Downside Scenario* (GM BP 2009-13 // <http://www.gm.com>); *Don't ask for exceptions ... be exceptional* (Mary Kay CEC // <http://mkf.aithforce.com>); *The environment of Mary Kay is soooo very different tan Corporate America* (Mary Kay CEC // <http://mkf.aithforce.com>); *Our high temperate solutions portfolio principally consists of: Zytel® HTN, Rynite® PET, and Zenite® LCP and Termx® PCT* (DuPont Press Conference // <http://uk.news.dupont.com>);

– *звуковое оформление* сообщения (интонация, эмфатическое ударение, звуковая аббревиация), например: *And the strategy works!* (IHG AR 2010 // <http://www.ihgplc.com>); *B4* (before), *C* (see), *IC* (I see), *G2G* (Got to go), *O3* (out of office), *U* (you), *W8* (wait), *2* (to, too, two), *4* (for, four).

Инвентарь тактических приемов стратегии аргументации современного англоязычного бизнес-дискурса, их корреляция с зонами влияния на когнитивно-психо-эмоциональную сферу человека представлены в таблице 1.

Зоны влияния человека	Тактические приемы	Языковые средства
рационально-логическая	– ссылки на источники информации;	факты, законы, постановления, документы, авторитеты,
	– ссылки на	общественное мнение,

<p>волевая / психо-эмоциональная</p>	<p>статистику; – цитирование аксиом и максим; – определение; – сравнение; – противопоставление; – иллюстрация; – экземплификация; – суггестия; – апелляция к чувствам и эмоциям; – апелляция к позитивным и негативным мотивам; – апелляция к</p>	<p>исторический прецедент; цифры, статистика; аксиомы, максимы; фразовый уровень; предлоги <i>like, than</i>; противит. союз <i>but</i>, частица <i>not</i>, антитеза; прилаг. <i>such</i>, отн.местоим. <i>as</i>; причаст. <i>for example, for instance</i>; прямые и синонимические повторы, параллелизм, намеки, аллюзии; Эмотивная лексика;</p>
<p>морально-аксиологическая</p>	<p>удовольствию; – апелляция к положению в обществе; – диалогизация и интимизация;</p>	<p>лексика с позитивной и негативной семантикой; ассоциативная лексика; лексемы <i>respect, front, center</i>, пор.числ. <i>first</i>;</p>
<p>эстетическо-образная</p>	<p>– логическое оценивание; – субъективное оценивание; – ссылки на правовые нормы; – метафорический перенос; – метонимический перенос; – эпитеты; – образная лексика; – образная фразеология;</p>	<p>вопросительные предложения; качественные прилагательные с нейтральными коннотациями; качественные прилагательные с эмотивно-экспрессивными коннотациями; названия правовых актов; метафора; метонимия; эпитеты;</p>

	– графические средства; – звуковое оформление	образная лексика; образная фразеология; капитализация, курсив, жирный и готический шрифт, кавычки, подчеркивание, специфический спеллинг, графосимволы, логотипы; интонация, логическое ударение, звукосимволы
--	--	--

Таблица 1. Языковые средства реализации приемов стратегии аргументации САБД и их корреляция с зонами влияния человека.

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что современный англоязычный бизнес-дискурс в основном формируется по принципам кооперации и вежливости, а аргументативно-убеждающая стратегия является одной из доминирующих в системе бизнес-коммуникации. Выявлен максимально полный инвентарь тактических приемов, которыми оперируют агенты современного англоязычного бизнес-дискурса в своей повседневной речевой практике. Исследованы лексико-синтаксические, стилистические, паралингвальные языковые средства, вербализирующие тактики влияния на мнение адресата. Тактические приемы соотнесены с зонами влияния человека: рационально-логической, волевой / психо-эмоциональной, морально-аксиологической и эстетическо-образной. Диверсификация приемов свидетельствует о том, что они являются мощным инструментом непосредственного воздействия на реципиента бизнес-сообщения, понимание которого и овладение которым дает возможность как противостоять адресату, так и осмысленно влиять на него в нужном направлении.

Перспективы исследований.

В перспективе – изучение языковых средств репрезентации информативной, регулятивно-директивной, манипулятивной стратегий и стратегии позитивной самопрезентации в современном англоязычном бизнес-дискурсе.

Литература

- Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика. М., 1998.
- Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи (риторический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
- Астафурова Т.Н. Лингвистические аспекты межкультурной деловой коммуникации. Волгоград, 1997.
- Данюшина Ю.В. Многоуровневый анализ англоязычного селевого бизнес-дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб., 2003.
- Иссерс О.А. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
- Карнеги Д. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1989.
- Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М., 2000.
- Маллога Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. М., 2008.
- Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.
- Хабарова Н.А. Тексты аннотаций: прагмалингвистический подход. Днепропетровск, 2012.
- Яшенкова О. Стратегії і тактики мовленнєвого спілкування в діловій сфері // Мовні і концептуальні картини світу. К., 2003. № 9.
- Bargiela-Chiappini F. Business Discourse: Old Debates, New Horizons. [Электронный ресурс]. URL: www.google.com.ua/#q=bargiela+chiappini+business+discourse+1999
- Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. New York et al., 1975. Vol. 3.
- Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, NY, 1983.

ДИСКУРС-ЭКСПЕРТИЗА МЕДИЙНЫХ КАМПАНИЙ ЛОББИРОВАНИЯ: КЕЙС-СТАДИ¹

Е.В. Савич

Ключевые слова: дискурс лоббирования, медийная кампания лоббирования, референтная дискурс-картина, прагматическая дискурс-картина, адресация.

Keywords: discourse of lobbying, media lobbying campaign, referent discourse-picture, pragmatic discourse-picture, addressation.

Создание теорий частных дискурсов является задачей прикладной и исключительно актуальной в обществе, где информационные потоки вли-

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект 14-23-01001 «Базовые модели коммуникаций бизнеса и городской власти в Минске и Санкт-Петербурге: компаративный анализ».

ают на социальное поведение и отношения не только индивидов, но и целых групп. Прикладная лингвистика сегодня – это по сути лингвистика дискурса, направленная на выявление закономерностей ситуационной «жизни языка». Чем точнее и детальнее описана закономерность, тем больше возможностей воплотить это добытое лингвистами знание в технологию, оптимизирующую социальные практики, и тем больше возможности использовать это знание в качестве эталона для обучения и экспертизы. Так, наличие описанной инвариантной структуры медийной кампании лоббирования делает возможной экспертизу материалов СМИ на предмет оценки их лоббистского потенциала. Результаты экспертизы, в свою очередь, могут дать участникам лоббирующего процесса точное представление о том, в каком направлении развиваются (конструируются) отношения «лоббирующая группа – государство», и скорректировать их в рамках текущей или следующих информационных кампаний. В данной статье представлены результаты экспертизы одной заявленной информационной кампании по продвижению интересов бизнеса в Беларуси. Кампания посвящена проблеме наделения частных медицинских центров Беларуси правом выдачи листков временной нетрудоспособности.

Отношения с государством могут рассматриваться не только как социально-политическое, но и как *коммуникативное явление* [Белоусов, 2004; Минченко, URL_a; Тихомирова, 2002; Шестакова, 2008]. Современные технологии лоббирования насчитывают более десятка технологий, и каждая сопряжена с речевой деятельностью либо прямо (выступление, обсуждение, кампании в СМИ, конференции, торжественные встречи, звонки, письма, телеграммы, митинги и забастовки, электронные слухи), либо косвенно (при подкупе должностных лиц и при личных дружеских визитах) [Минченко, URL_b], следовательно, можно говорить о таком феномене как *дискурс лоббирования*. Кроме того, активное использование СМИ для проведения кампаний лоббирования [Burrell, 2001; Thompson, 2007; Zetter, 2008] дает основание для выделения такого явления, как *медийный дискурс лоббирования*, которое по сути своей является собственно лоббированием через СМИ и обеспечивает коммуникацию между всеми заинтересованными субъектами лоббирования – индивидом, социальной группой, группами давления и государством [Савич, 2008]. Исследования данного типа дискурса позволили выявить его прототипическую категориальную структуру и раскрыли универсальную последовательность коммуникативных действий, ведущих к созданию не только общественного мнения, но к установлению определенных общественных отношений, отношений «индивид – группа – государство», а также, в конечном итоге, к продвижению четко сформули-

рованного социального интереса на государственном уровне [Савич, 2012].

Согласно авторской теории медийного дискурса лоббирования [Савич, 2012], информационная кампания по продвижению социальных интересов характеризуется четкой *адресованностью* (адресат и адресант дискурса, а также их взаимодействие являются одновременно и реальными субъектами лоббирования, вписанными в содержание материалов кампании); *полиэтапностью* (кампания представляет собой макротекст, который сам по себе есть последовательность трех типов дискурсий (текстов), каждая из которых конструирует разное по форме и по содержанию адресант-адресатное взаимодействие); *полиинтенциональностью* (как целостность макротекст соподчинен единой цели защиты и продвижения интересов той или иной группы, эта цель имплицитована и предстает как результат последовательной реализации целей составляющих кампанию дискурсий); а также *полисубъектностью* (адресат и адресант медийного лоббирования являются комплексными субъектами, эксплицирующими различный состав в зависимости от типа дискурсий, составляющих макротекст). Как видно, центральной категорией кампании по продвижению того или иного социального интереса в СМИ является категория *адресации*, а основной коммуникативной стратегией – стратегия *изменения* идентификации, атрибутивности и предикации адресата, адресанта и характера адресации как на уровне вербальной манифестации, так и на уровне семантической референции. Именно благодаря транслируемой в ходе кампании динамичной трансформации картины мира индивида в картину мира активного группового субъекта, заинтересованного в определенных социальных изменениях, конструируется общественное мировосприятие и, соответственно, мнение относительно лоббируемого интереса, а также активная позиция и собственно деятельность субъектов лоббирования.

Итак, рабочими категориями для проведения дискурс-экспертизы материалов двух заявленных медийных кампаний лоббирования стали категории *протяженности*, *фокусности* и *адресации*. Непосредственное внимание при анализе уделялось не столько описанию формальных языковых и речевых средств манифестации динамики адресации в макротекстах кампаний, сколько реконструкции (на основе наблюдения за языковыми и речевыми манифестациями) сначала элементарных семантических структур, составляющих кампанию текстов, а затем целых дискурс-миров, конструируемых этими структурами (подробное описание и обоснование процедуры функционально-синтаксического и пропозиционного анализа медийных кампаний лоббирования можно найти в [Са-

вич, 2012, с. 11–44]). Обратимся к материалам выбранной для экспертизы кампании.

Кампания лоббирования права частных медицинских учреждений на выдачу листов временной нетрудоспособности в интернет-пространстве представлена 30-ю публикациями, которые датированы 2013-2014 годами. При этом явно видна временная локализованность материалов вокруг двух информационных поводов: 16 из них опубликованы в период с 31 января по 20 марта 2013 года, 14 материалов – с 8 по 18 июня 2014 года. Информационным поводом для первого этапа (2013 год) явилось заявление ряда официальных лиц Минздрава Беларуси о намерении официально разрешить коммерческим медицинским центрам выдавать листки временной нетрудоспособности. Информационным поводом второй волны публикаций (2014 год) стал официальный отказ Минздрава и правительства от данной инициативы.

Двадцать семь СМИ участвовали в кампании в качестве непосредственных физических адресантов. Оба этапа кампании отражены в публикациях двух информационных порталов: naviny.by и TUT.by. Остальные медиа осветили на своих страницах лишь один из перечисленных поводов. «Белорусская деловая газета» за период с 8 февраля до 14 марта 2013 года разместила на своем сайте два материала, посвященных лоббируемому вопросу и не опубликовала информацию о поводе 2014 года.

Анализ семантических структур текстов кампании дает возможность реконструировать из материалов 2013 и 2014 годов разные *референтные* картины взаимодействия субъектов, заинтересованных в надлении коммерческих структур здравоохранения правом выдавать больничные листы. Под референтной картиной мы понимаем тот образ реальности, который дискурс СМИ конструирует через описание референтов социального контекста, то есть собственно транслируемую ситуацию сообщения. Кроме того, анализ материалов кампании демонстрирует наличие разных *прагматических* картин, то есть образов адресант-адресатного взаимодействия в рамках непосредственной ситуации общения.

В публикациях 2013 года референтная картина реконструируется следующим образом:

- идентификация субъекта «государство» проводится как обезличенно («у нас в стране», «врача контролируют», «в судах медикам назначали» и т.д.), так и посредством большого количество прямых номинаций, при этом он предстает не только как институциональный коллективный субъект (Минздрав, Минтруда и соцзащиты, Фонд социального страхования, Министерство труда, Совета Министров), но также и в персоналиях (министр здравоохранения Василий Жарко, начальник

Главного управления организации медицинской помощи Министерства здравоохранения Беларуси Иван Рыжко, председатель комитета по здравоохранению Минского горисполкома Виктор Сиренко, заместитель начальника главного управления организации медицинской помощи Людмила Жилевич, первый заместитель министра здравоохранения Беларуси Дмитрий Пиневиц, Александр Лукашенко). Данный субъект принимает на себя роль заботливого покровителя по отношению к индивиду (*«инициатива была вызвана многочисленными обращениями граждан и частных организаций об улучшении доступности и качества медицинской помощи», «это очередной шаг по обеспечению доступности медицинской помощи для населения», «Как сократить очереди в поликлиниках, Минздрав думает давно», «Здесь мы в первую очередь думаем о пациенте.»* и т.д.), прогрессивного и инициативного строителя социального пространства (*«предлагает узаконить ряд прогрессивных нововведений, которые помогут частично облегчить жизнь государственной медицине», «поддерживает предложение», «прорабатывает вопрос», «осуществлена корректировка соответствующих нормативных правовых актов»* и т.д.), а также строгого судьи по отношению к частным медицинским центрам (*«медицинские центры, по мнению министра здравоохранения Василия Жарко, почему-то не спешат высказаться за такое решение», «Мы хотим, чтобы частные клиники зарабатывали деньги не только консультированием. Если ты взял клиента, то доведи его до выздоровления. А сегодня получается так: пациент приходит в частный центр, получает консультацию, а дальше идет в поликлинику за больничным.»*, *«частные клиники, как и госучреждения, будут строго контролироваться»* и т.д.). Последние, не будучи персонифицированы, предстают как субъекты проблемные (и для государства, и для пациентов) и ограниченные в возможностях (*«нет сведений об истории болезни пациентов», «коммерческие клиники не имеют возможности постоянного наблюдения больного», «пациенты приходят туда нерегулярно»* и т.д.);

- удивительно единство СМИ в трансляции именно такой картины мира. Различна лишь степень прорисовки деятельности субъекта «коммерческие клиники», которая, впрочем, по отношению к возможности получения права выдачи листков временной нетрудоспособности исключительно вербальна (только комментируют инициативу государства, заявляют, что *«существующая система снижает доступность медицинской помощи, а также приводит к увеличению нагрузки в обычных поликлиниках и безосновательному расходованию бюджетных средств»*) и гипотетически интеллектуальна (они будут думать о том, как организовать свою деятельность, если акт будет принят). Об инициа-

тивах самого частного сектора здравоохранения ни в одном материале не сказано. Единственное описание их физической деятельности не предполагает активной позиции – *«многочисленные медицинские центры ждут разъяснений Минздрава»*. Иная деятельность данного субъекта, направленная на взаимодействие с другими субъектами лоббирования (индивидами, государством, другими клиниками, общественными организациями и др.), в дискурсе не присутствует;

- индивиды, пациенты частных медицинских учреждений, также не описываются в текстах как носители активной позиции в отношении обсуждаемого вопроса, лишь единожды упоминается о «многочисленных обращениях граждан ... об улучшении доступности и качества медицинской помощи», но развития и уточнения данная тематическая позиция в кампании не получила. В большинстве контекстов индивидуальные субъекты являются объектом заботы государства и бенефициантом (тоже объектом) деятельности государственных и негосударственных учреждений здравоохранения и ни разу не номинируются через имя собственное или же нарицательное в единственном числе, сема «индивид» вписана в коллективные существительные «пациенты» и «граждане»;

- необходимый для дискурса лоббирования референт «лоббируемый интерес» подан в материалах данного этапа кампании через категорию виртуальности – наделение частных клиник правом выдавать больничные констатируется в будущем и совсем не однозначно, в основном через модальность условности (*«как будет работать система, пока сложно сказать»*), *«выдача больничных листков будет лицензируемым видом деятельности»*, *«прежде чем разрешить коммерческим медицинским организациям выдавать больничные, необходимо решить некоторые юридические нюансы»*, *«также будет разработан новый документ — постановление Минздрава о порядке получения разрешения негосударственными организациями»* и т.д.). Интересно, что через вписанное в тексты отношение различных субъектов к инициативе Минздрава реконструируются две противоречивые картины социального контекста. Согласно одной из них, *«вопрос о выдаче негосударственными организациями здравоохранения листков временной нетрудоспособности практически решен»*, однако инициатива Минздрава *«пока не находит поддержки со стороны частных медцентров»*, которые *«лечить будут, а вот документами о временной нетрудоспособности не снабдят»*, что для пациентов есть *«целая проблема...»*. Без ссылок на источники мнения часть материалов 2013 года утверждают, что *«представители негосударственных медцентров высказывали опасение, что не справятся с валом визитов за больничными. К тому же, это потребует набора дополнительных сотрудников для контроля, учета и регистра-*

ции». В соответствии с другой картиной, *«пока нет полной ясности относительно инициативы Минздрава»* и *«пока официальное решение не принято – комментарии не будет»*, но в принципе частные клиники вполне приемлют данную инициативу (*«После нововведения ситуация значительно упростится. И для нас, и для пациентов»*, *«Выдача листов нетрудоспособности значительно упростит процедуру лечения многим нашим пациентам»*), их даже *«не пугают» «небольшие трудности, неизменно сопровождающие любое начинание»*. Все мнения, составляющие данную картину, персонифицированы.

Таким образом, реконструированная ситуация сообщения не включает какое бы то ни было взаимодействие между заинтересованными в расширении прав частной медицины участниками социального поля. Единственным игроком здесь является государство. Оно инициирует, разрабатывает, продумывает и контролирует. Обыватели и частные клиники – ждут. Ждут больше информации, предчувствуют большую ответственность и, в любом случае, прогнозируют облегчение ситуации с получением больничных листов для пациентов. Противостояние государства и частных медцентров имплицировано через разницу в подаче информации об отношении коммерческой медицины к инициативе Минздрава, в реальной же деятельности оно не выражено и создает вялый фон для отношений *«государство – пациенты»*.

Прагматическая дискурс-картина материалов 2013 года выглядит так:

- практически вся цитация в материалах принадлежит многочисленным представителям государства. Лишь дважды в публикациях этого периода СМИ упоминают мнения частных клиник относительно возможного нововведения: один раз это мнение анонимно (*«...делится представитель администрации одного из столичных медцентров»*) и по окраске скептически (*«Я всерьез опасюсь...»*, *«Некоторые коллеги высказали мнение, что опасно давать больничный»*), в двух других материалах оценка инициативы персонифицирована, принадлежит директору медицинского центра «ЛЮДЭ» Владимиру Горбачеву, и по окраске нейтральна;

- ни одного мнения пациентов в текстах данного этапа кампании не упоминается. Интерес пациентов как тема (семантический актант) хотя бы одного материала не прописан. Жанровый и риторический анализ публикаций также исключает физического индивидуального читателя СМИ из числа вписанных в дискурс коммуникантов. Функциональная роль читателя – быть информируемым. Он наблюдает за коммуникативными потоками представителей государства и представителей частных

клиник, которые не предполагают друг друга в качестве собеседников. Их дискурсии между собой не пересекаются (нет взаимной обращенности, нет взаимной референции), а просто сосуществуют в одном пространстве публикации по воле автора. При этом сам автор, будучи назван, больше никак себя содержательно не проявляет ни как индивид, ни как представитель СМИ. Лишь в двух из 16 публикаций редакция TUT.by и «Белорусская деловая газета» констатировали свою вовлеченность, в остальных случаях информация обезличена и лишена эмоциональной окраски.

Таким образом, ситуация общения, реконструируемая из материалов первой волны кампании, выглядит как ненаправленный монолог власти, цель которого заключается в проговаривании своей главенствующей позиции по отношению к другим субъектам общественно-политического поля. Поскольку категория взаимодействия с этими «другими» в дискурсе отсутствует как в референтном, так и в прагматическом аспектах, наблюдаемый дискурс можно отнести к дискурсу самолюбования.

В публикациях 2014 года референтная картина совершенно иная, нежели в материалах предыдущего этапа кампании:

- *«государство»* теряет свое центральное положение в конструируемом дискурсом социуме. Внимание смещается на констатацию результата деятельности государственных институтов – отказ от инициативы, заявленной год назад. Идентификация властных структур, причастных к такому решению, проводится исключительно через институциональные коллективные субъекты (Минздрав, Минэкономики, правительство, Совет министров). При этом эксплицируется совместная направленная друг на друга деятельность этих ведомств (они поддерживают друг друга: *«Правительство Беларуси солидарно с Минздравом в том, что наделение частных медицинских центров правом выдачи листков о временной нетрудоспособности – преждевременное решение.»*, *«На правительственном уровне поддержана позиция Министрства здравоохранения Беларуси»*, *«Правительство “прислушалось” к мнению Минздрава»*). Больше нет массовой персонификации власти, на смену индивидуальным институциональным субъектам с именами пришли анонимы (*«эксперты»*, *«источники, близкие к медицинскому кругу»*, *«собеседники агентства»*, *«экономисты»*, *«налоговики»*), которые берут на себя задачу обоснования отрицательного решения вопроса. Вербализованы также взаимоотношения «государство – частные медцентры» (*«Минздрав не намерен разрешать коммерческим медицинским центрам выдавать пациентам листки временной нетрудоспособности»*), устами анонимов выражается недоверие коммерческим центрам

со стороны государства («Только бы очень смелый чиновник дал добро на делегирование в такой ситуации [недавний смертельный случай с пациенткой одной из частных клиник Бреста, получивший широкую огласку] новых полномочий частным медцентрам», – считают собеседники агентства»), «Никто не уверен, что после того, как коммерческим структурам разрешат заниматься выдачей больничных, количество взяток сократится» – с иронией заметил собеседник агентства»). Государство более не позиционируется как защитник и выразитель интересов индивида;

- появляется субъект «врач государственной клиники», который имеет имя и профессионально ассоциирован с медициной (председатель Белорусской ассоциации врачей Дмитрий Шевцов, заместитель главного врача по медицинской экспертизе и реабилитации 19-й минской поликлиники Галина Пышник). Именно ему предписана роль поддержать решение правительства и аргументировать его тем, что частные медицинские учреждения имеют ограниченные ресурсы («Чтобы выдавать больничные листы, они должны обслуживать определенное количество населения, а кроме этого, оказывать полный комплекс медицинских услуг, от А до Я. Однако в большинстве своем они занимаются лишь диагностикой и некоторыми видами лечения», «кое-где даже терапевты в штате не числятся», «Чтобы иметь возможность выдавать больничные, в каждой государственной поликлинике имеется пакет серьезных документов. Подготовлены специалисты, которые отвечают именно за этот вопрос. В коммерческих центрах пока такого нет»);

- роль выразителя и защитника интересов пациентов переходит в текстах этого этапа к субъекту «коммерческие клиники (бизнес-союзы)», который в текстах представлен одной персоной, учредителем медицинского центра «Экомедсервис» Владимиром Коявой, и совокупным «мы» («бизнес-союзы ратовали за разрешение выдачи листков нетрудоспособности организациями, оказывающими платные медицинские услуги», «Страдают пациенты: это логично, чтобы человек получал все “бумажки” в том месте, где лечится. Это полный нонсенс, что человек, который решил отказаться от бесплатной медицины, и готов платить за медицинское обслуживание, все равно должен обращаться в поликлинику, выискивать очередь к участковому терапевту»). Это «мы» позиционирует себя в качестве критика государства («По мнению Владимира Коявы, “данная политика государства нарушает принципы равных условий хозяйствования в сфере здравоохранения”»), но также его союзника («Мы же как раз хотим создать внебюджетный сектор здравоохранения, чтобы разгрузить госсектор») и ценного советника-реформатора («Мы уже около 15 лет разрабатываем платформы ре-

форм здравоохранения, и к нашему мнению понемногу прислушиваются»), который работает на результат («в ближайшем будущем нам удастся изменить ситуацию»)). Данный субъект поддерживает оппозицию «частные клиники – коммерческие клиники», зеркаля обвинение первых в коррумпированности («Уже не одного врача посадили за то, что он продавал больничные, и все они – врачи государственных поликлиник, потому что частные медцентры не имеют права выдавать больничные»);

- индивидуальные пациенты частных медицинских клиник как самостоятельный субъект в текстах публикаций 2014 года не проявлен. Как и в материалах 2013 года у них нет активной позиции в отношении обсуждаемого вопроса. Они являются бенефициантами государства и его подчиненными (запрет принес им неудобства, они *«по правилам обязаны обращаться за больничными в поликлиники по месту жительства»*).

Таким образом, взаимодействие государства и бизнес-структур стало референтным в дискурсе данного этапа кампании. Оно не несет враждебного характера, но и иной детализации не имеет. Просто констатируется как факт, протяженный во времени (15 лет) и относительно результативный (имеет место диалог). Взаимно враждебными показаны отношения частных и государственных клиник, впрочем, враждебность эта сугубо вербальная (обвинения в коррупции и недостаточно хорошем качестве обслуживания пациентов), ни одного факта противостояния в текстах не описано. На фоне этих взаимоотношений из картины ушел собственно лоббируемый интерес: факт запрета на выдачу коммерческими медицинскими учреждениями больничных листов констатируется, оценивается (как вполне обоснованный) и принимается. Деятельность по дальнейшему продвижению данной инициативы остается в пресуппозиции.

Прагматическая дискурс-картина материалов 2014 года выглядит так:

- авторами выраженных в текстах мнений являются конкретные персоналии. Это представители частных и государственных клиник. Их коммуникативные стратегии абсолютно зеркальны – взаимная критика, выраженная в эмоционально нейтральном ключе. Все представленные в текстах негативные оценки обезличены, тем самым снимается возможность конфликтного развития взаимодействия данных субъектов;

- как и в текстах первого этапа кампании, в материалах 2014 года пациенты не стали адресантами. Сложно реконструировать и их адресатную роль, поскольку подавляющее большинство материалов написаны с использованием безэмоциональной лексики, терминологизированы

и полны отсылок к официальным документам. Адресатами становятся профессиональные субъекты, для которых такая институциональная интертекстуальность и интересубъектность премлема. Как и в текстах 2013 года, физический индивидуальный читатель лишь наблюдает за коммуникативными потоками представителей государственного сектора и представителей частных клиник, которые на этот раз пересекаются (взаимообращены и взаимореферентны).

Таким образом, ситуация общения, реконструируемая из материалов второй волны кампании, выглядит как направленный диалог. Выделить в нем инициатора общения не представляется возможным, поскольку все коммуникативные шаги уравновешены: критика запрета – обоснованиями, обвинения в коррупции и профессиональной ограниченности – аналогичными обвинениями.

Проведенная реконструкция содержания заявленной кампании фактически дискредитирует ее как таковую. Ее *протяженность* (январь 2013 – июнь 2014 года) формальна, по сути кампания дискретна. Нет ни периодичности, ни тематической связности. *Фокус* рассмотрения проблемы не сопоставим в текстах двух проанализированных этапов кампании. Единственное, что их связывает – предмет лоббирования. Но в текстах фокус смещен с предмета на контекст лоббирования, который в материалах подается с позиций разных субъектов. В результате конструируемая кампанией реальность представлена в двух отличных друг от друга картинах разных авторов. Такая кажущаяся полисубъектность и полиинтенциональность вполне соответствуют характеристикам медийного дискурса лоббирования, но в данном случае лишают кампанию динамики *адресации*. Из числа субъектов лоббирования и, соответственно, адресатов и адресантов кампании изначально исключен индивид и та социальная группа, интересы которой представляет лоббируемая инициатива. Реконструированный адресант и адресат первого этапа кампании – государство. Данный факт исключает возможность отнесения этих материалов к дискурсу лоббирования, поскольку (даже согласно здавому смыслу) государство в нем должно быть адресатом. Трудность в реконструировании субъектов лоббирования в качестве адресантов и адресатов второго этапа кампании еще больше усугубляет ситуацию с невозможностью идентифицировать данный дискурс как дискурс лоббирования.

И, тем не менее, потенциал лоббистской кампании в данных материалах присутствует, ведь проведенный анализ демонстрирует динамику конструируемой картины мира. Если взять этот факт за точку отсчета и принять как данность то, что кампания все-таки лоббирует некий интерес, то мы реконструируем:

- технологического субъекта лоббирования – СМИ;
- базисного субъекта лоббирования, в интересах которого проводится кампания – коммерческие медцентры;
- лоббируемый интерес – реализация взаимодействия/диалога между государством и частными медицинскими учреждениями в соответствии с Комплексом мер по достижению показателей развития малого и среднего предпринимательства в областях и Минске на 2013-2015 годы;
- информационный повод – инициатива по предоставлению коммерческим клиникам права выдавать больничные листы.

Для завершения интенции лоббирования в такой кампании не хватает лишь еще одного этапа с проявленным в качестве целевого адресата субъектом «государство» и понятным институциональным групповым адресантом, который, согласно логике лоббирующей информационной кампании, должен четко заявить о конкретном требовании, способствующем легитимации и регулированию взаимодействия «государство – частные медицинские центры».

Литература

- Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация: основы теоретического моделирования: автореф. дис. ... канд. п. наук. Екатеринбург, 2004.
- Минченко Е.Н. Следуй чиновничьему ритуалу. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stratagama.org/lobbizm.php?nws=10845387451199103266>.
- Минченко Е.Н. Современные тенденции в технологиях лоббизма. [Электронный ресурс]. URL: www.stratagama.org/lobbizm.php?nws=10851438839772354655.
- Савич Е.В. Медийный дискурс лоббирования // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Минск, 2008.
- Савич Е.В. Медийный дискурс лоббирования: опыт анализа. Минск, 2012.
- Тихомирова Е.Б. Лоббизм как специфическая форма коммуникаций с общественностью // Вестник МГУ. 2002. № 3.
- Шестакова О.В. Информационный лоббизм: проблемы теоретической концептуализации и практики: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
- Burrell M. Lobbying and the Media: working with politicians and journalists. Thorogood, 2001.
- Thompson S., John S. Public affairs in practice. London and Philadelphia, 2007.
- Zetter L. Lobbying: the Art of Political Persuasion. Harriman House Ltd., 2008.

ГЕТЕВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБРАЗ ГРЕТХЕН В ТРАДИЦИЯХ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ (К 265-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ГЕТЕ И К ГОДУ КУЛЬТУРЫ)

М.С. Черепеникова

Ключевые слова: Гете, Фауст, Гретхен, синтез искусств.

Keywords: Goethe, Faust, Gretchen, the synthesis of arts.

Одним из ключевых направлений рецепции гетевского наследия в мировой культуре стало творческое восприятие бессмертного литературного образа Гретхен, многократно воплощенного в музыке, в живописи и в контексте всемирной художественной словесности. Многожанровые градации и коннотации данного образа, понятого в парадигме синтеза искусств, заслуживают более пристального филологического исследования. Гретхен – символ «вечно женственного», «магнетическая сила» [Эккерман, 1988, с. 549], воплощение любви, нежности и сострадания, без которых извечная борьба добра и зла, созидającego интеллекта Фауста и отрицающего импульса Мефистофеля представляла бы собой безжизненное столкновение полярностей. Структура трагедии «Фауст», содержащей знаменитые «Песни Гретхен» – целостные лирические шедевры, наполненные яркими живописными образами, способствует поэтико-музыкальному и художественному прочтению данной темы, вдохновившей многих композиторов (Шуберт, Вагнер, Верди, Шуман, Берлиоз, Малер); художников (Доре, Делакруа, Шеффер, Тиссо, Альма-Тадема, Врубель, Дали); писателей и поэтов (Байрон, Бальзак, Д'Аннунцио, Валери, Мак-Орлан, Булгаков и т.д.).

Культурно-философские и литературно-художественные аспекты фаустианства, частью которого является образ Гретхен, исследованы в работах К.А. Свасьяна, А.А. Аникста, Н.Н. Вильмонта, В.М. Жирмунского, А. Лиштанберже, С.В. Тураева, Г.В. Якушевой, В.А. Пронина, И.Н. Лагутиной, Д.В. Фомина и многих других литературоведов и искусствоведов. Значение литературно-философского образа Гретхен в архитектонике гетевской трагедии и жанровый потенциал синтеза искусств, заложенный в концепте «вечной женственности», требуют более внимательного изучения в контексте традиций мировой культуры.

Воплощения литературного образа Гретхен в изобразительном и музыкальном искусстве связаны с особенностями его развития и с его жанровыми потенциалами в структуре драмы Гете «Фауст». Маргарита как персонаж впервые появляется в сцене «Улица»: именно на улице встречаются главные герои пьесы, ведомые Мефистофелем, выполняющим в данных картинах функцию неосознаваемого персонажами рока. Символичен тот факт, что Маргарита выходит на улицу из собора после исповеди. Генрих Фауст оказывается там после посещения кухни ведь-

мы, где он обрел вторую молодость с помощью колдовского эликсира. Момент первого появления Маргариты и сцена ее выхода из церкви отражены в графике и живописи П. Корнелиуса (1811), Э. Делакруа (1828), Л. Альма-Тадемы (1857), В. Коллера (1870), Ш. Лизен-Маейра (1880-е) и многих других художников. Подтекст произведения демонстрирует полярные символы искусственной физической молодости героя и естественной чистоты и непосредственности героини: «Она, как дети малые, невинна» [Гете, 1976, с. 99] – говорит о Гретхен Мефистофель. Фауст, очарованный видением Елены Троянской в волшебном зеркале, заранее подготовлен духом зла к встрече с «образцом женщины» – «*das Muster aller Frauen*» [Goethe, 1981, s. 245]. Планируя свидание Фауста с Гретхен, Мефистофель поясняет и интригует: «...Ты женщин всех образчик / Увидишь скоро во плоти... Глотнув настойки, он Елену / Во всех усмотрит непременно» [Гете, 1976, с. 98] – «*Du siehst, mit diesem Trank im Leibe, / Bald Helenen in jedem Weibe*» [Goethe, 1981, s. 245].

Так на сниженном уровне, через саркастический тон духа отрицания вводится ключевое понятие «вечно женственного» – «*Das Ewig-Weibliche*» [Goethe, 1981, s. 580], пока выраженное лишь в бытовом денотате «каждой женщины» («*in jedem Weibe*») [Goethe, 1981, с. 245]. Ключевой лейтмотив «вечно женственного» прозвучит в духе симфонии, в торжественном стиле крещендо в финале второй части пьесы. Насмешливые, но тонкие по внутреннему содержанию, замечания Мефистофеля говорят о том, что именно земной и простой образ Гретхен (а не заоблачная и идеальная ипостась Елены) олицетворяет собой истинный архетип «женственности» в произведении. Фауст еще не знает этого, восхищаясь зеркальной иллюзией – видением Елены Прекрасной, он восклицает: «*Das Frauenbild war gar zu schön!*» [Goethe, 1981, с. 245] («Этот женский образ был так прекрасен!»). Наиболее известным художественным изображением «Видения Елены Фауста» является иллюстрация Гюстава Доре, показывающая, как пристально главный герой трагедии всматривается на кухне ведьмы в женственное и светлое отражение жизни в зеркале, щедро украшенном рамой с атрибутами разложения и смерти. Вольную символическую интерпретацию темы фаустианского искушения создал польский художник конца XIX века Ф. Жмурко в картине «Видение Фауста».

Гете, опубликовавший первую часть «Фауста» в 1808 году, создал литературную аллюзию к финалу законченной в 1832 году второй части трагедии с ее знаменитым философским концептом – «*Der schöne Augenblick*» («Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»). Фауст не осведомлен о развитии событий, но по воле автора он несет в своих эмоциональных репликах лейтмотивные коды трагедии. Мефистофель надеется

выиграть заключенное с Богом пари в борьбе за душу Фауста, однако он почти предрекает свое будущее крушение в словах о Гретхен, сказанных с сарказмом и с досадой: *«И у меня над нею власти нет»* [Гете, 1976, с. 99]. Позволив Генриху встретиться с Маргаритой, он открывает цепь будущих несчастий героев, но невольно готовит собственную гибель, так как все его козни и темная власть бессильны перед изначальной верностью и любовью обычной женщины как части целостной природы. В статье «Размышление и смирение» (1817) Гете «приводит отрывок из первой части «Фауста», созданный в 70-е годы XVIII века, где природа изображается в образе ткачихи, создающей из множества подвижных нитей задуманный ею узор» [Лагутина, 2000, с. 116]. Так сила «Образа» Елены («Bild» - с нем. «образ», «картина») уступает власти и значению «Образца» Гретхен («Muster» - с нем. «образец», «рисунк», «модель», «узор») и передает ему свою символическую нагрузку в литературно-философском контексте двух частей произведения.

В первой части лишь намечен акт эманации образа в образец, мифа в обыденную жизнь, страданий жизни в залог спасения и возвышения. Вторая часть, посвященная древнегреческому мифу Елены Прекрасной, разворачивает эту сложную метафору-эманацию, ведущую к небесному триумфу земной Маргариты. Ее имя, онтологически восходящее к одному из древних титулов вышедшей из моря богини любви и красоты Афродиты – покровительницы Елены и Париса, раскрывает внутреннюю символическую нагрузку (в том числе и «морскую» специфику в образе Галатеи, дочери Нерея), выявляющуюся на уровне латентных архетипов произведения. Образ морской богини является доминантным в триптихе современного немецкого художника П. Струка «Классическая Вальпургиева ночь» (1975), находящемся в музее Гете в Дюссельдорфе. В музыке глубинная связь образов Гретхен и Елены впервые была отражена в опере «Мефистофель» (1868) итальянского композитора и поэта-либреттиста Арриго Бойто, доверявшего исполнение двух ключевых женских ролей одной актрисе.

Меньшая популярность второй части драмы по сравнению с первой во многом обусловлена сложностью скрытых интертекстуальных игр зрелого Гете – пантеиста и «олимпийца», обращающегося с высоты своей эпохи к античному наследию Гомера и к архетипам средиземноморского мифа. Первая часть «Фауста» проще вписывается в парадигму традиций европейского театра: это античная трагедия рока под одеждой средневековой легенды. Фауст подобен преследуемому фуриями преступному и несчастному Оресту. Гретхен, имеющая прототипы в образах мучениц христианских легенд [Krogmann, 1928, s. 40], подобна и жертве рока Эдипу, стойко приемлющему свою ужасную судьбу; и

жертвам преступной страсти Федры и Медеи, впадающим в безумие. В рамках всей трагедии героиня не лишена черт чистой и целомудренной Ифигении – жрицы, пытающейся соединить враждующие стороны и смягчить волю непреклонных богов. Эти аллюзии связаны с тем, что гетевский «Фауст» формируется в период «веймарского классицизма», а некоторые его сцены появляются в Италии [Аникст, 1983, с. 22], в процессе работы автора над завершением собственной версии античной драмы «Ифигения в Тавриде».

В сцене «Вальпургиева ночь» Фауст с ужасом узнает черты Гретхен в призраке Медузы Горгоны. Трагическая нота кульминационного символического видения отражена в картине французского художника П. Даньяна-Бувре («Маргарита на шабаше», 1885) и в ксилографии немецкого скульптора, графика и драматурга Эрнста Барлаха, создателя иллюстраций к «Вальпургиевой ночи» (1923). Картина и гравюра, объединенные осевой позицией образа Гретхен, абсолютно различны по манере исполнения. Академизм и импрессионизм французского автора не разрушают женственности образа гетевской героини. Близкий к экспрессионизму немецкий художник «...намеренно лишает героиню изящества и обаяния, превращает ее лицо в застывшую маску страдания» [Фомин, 2003, с. 249]. При этом Барлах глубоко понимал роль Маргариты в трагедии, о чем свидетельствует одно из его писем 1893 года: «Гретхен – художественное произведение этой земли, женщина, какую ее сотворил Создатель, второй такой, судя по моему опыту, создать невозможно» [Barlach, 1968, Vd. 1, s. 194].

Доминанта образа Гретхен в первой части трагедии задает символично-философскую пружину всей драмы. Вторая часть гетевского «Фауста» более экспериментальна, она предвосхищает модернистскую и постмодернистскую эстетику диалога текстов и культур. Это полифоничная рефлексия-симфония, размышляющая об этических проблемах первой части под античными масками эстетического дискурса. Возвышение и трансформация образа Гретхен, достигшего преобразования в атмосфере религиозного экстаза-хорала, актуализирована австрийским композитором Густавом Малером в восьмой симфонии («Симфония тысячи», 1906). Композиция этого произведения подчеркивает, что главным героем трагедии Гете является именно Маргарита. Выходя за рамки традиционного понимания трагедии, Гете приближает вторую часть «Фауста» к медитативности элегического жанра, соединяя ее кульминацию со смыслом финала первой части за счет художественных средств поэмы, гимна и хорала, создавая эпическое по своему размаху и напряженности полотно целостной драмы. Присутствующее в произведении Гете экспериментальное переплетение жанров и выразительных форм,

напоминающих народные мотивы, церковные песнопения, баллады, элегии, экфразисы античных фресок и батальных картин, закладывает мощный потенциал синтеза искусств, притягивающий к «Фаусту» писателей, композиторов и художников.

Опираясь в работе над трагедией на фаустиану И. Шписа, К. Марло, Г.Э. Лессинга, Я.Р. Ленца, Ф.М. Клингера, Гете превзошел предшествующих авторов, сделав женский образ равноправным по сравнению с традиционными фигурами антагонистов: чернокнижника и вызванного им злого духа. Имена двух женских персонажей пьесы Маргариты и Марты (лишь подчеркивающей особую роль главной героини) не случайно начинаются с мефистофелевской буквы «М». Это знак латентно выраженного единства начал и жесточенности дальнейшей борьбы за главенство, за власть над буквой и духом, о которых так много рассуждал Фауст в тиши своего кабинета. Успех гетевской трагедии «Фауст», новаторство великого немецкого поэта по сравнению с другими интерпретаторами фаустианской темы и открытость произведения будущим литературным прочтениям во многом связаны с системой трех драматургических полюсов-концептов, олицетворяемых персонажами пьесы: Фауст – дух, поиск и движение, Мефистофель – материя, косность и энтропия, Гретхен – земной баланс сил, взаимообогащение и примирение противоположных начал. Три взаимодействующих и противоборствующих концепта, не замкнутые в стабильный смысловой треугольник, составляют наиболее сложный и богатый символический подтекст авторского театрального решения. Архитектоника предшествующих литературных обработок народной легенды о докторе Фаусте, сохраняя приключенческий сюжет и назидательный характер решения темы договора с дьяволом, пыталась вывести эту историю на уровень философского обобщения (Лессинг, Клингер). Гете с помощью различных женских образов трагедии, по своему дублирующих этические и эстетические полюса восприятия (Маргарита и Марта – первой части, Елена и Форкиада – второй части трагедии), создал структурную основу для легенды, подхваченной последующими поколениями писателей.

Женские образы фаустианского мифа в литературе XIX – начала XX века развивали Дж. Байрон, О. де Бальзак, Дж. Леопарди, Г. Д'Аннунцио, Л. Андреев, М. Горький, Г. Майринк, Г. Гессе, Т. Манн и многие другие авторы. В контексте исследования образа Гретхен интересны писатели, которые вслед за Гете реализовывали элементы идеи «вечно женственного», имевшиеся у Данте, Петрарки и итальянских поэтов «сладостного нового стиля», воспевавших идеальную женственность как путь к божественному прозрению и творческому озарению. Итальянские авторы, базирующиеся на этой литературной традиции,

наиболее глубоко восприняли гетевскую модель. Композитор и поэт-либреттист А. Бойто впервые в европейской музыкальной традиции через восприятие двух частей гетевского «Фауста» реализовал все этапы развития и трансформации образа Маргариты. Ш. Гуно, в своей опере «Фауст» опиравшийся на первую часть гетевского шедевра, затронул ее лирические и трагедийные линии как элементы законченного произведения. Итальянский поэт и писатель Г. Д'Аннунцио в своем романе «Наслаждение» (1888), несущем мощный экспериментальный заряд синтеза искусств, продолжил диалог с гетевской моделью образов Елены и Гретхен. Главный герой романа «Наслаждение» Андреа Сперелли – Фауст эпохи декаданса, стремится соединить во внутреннем эстетическом пространстве образы двух своих возлюбленных: светской львицы-красавицы Елены и набожной скромницы Марии. Беспечная игра судьбами двух женщин приводит героя к моральному краху и психологическому тупику. Подобная литературная модель сочетания женских образов: «ангела» – Паолины (ипостась Гретхен) и бездушной светской красавицы Феодоры (ипостась Елены), присутствовала в романе Бальзака «Шагреневая кожа» (1831). Гетевские мотивы и фаустианская линия произведения подчеркивается темой мистической сделки с судьбой.

Авторам XX–XXI веков стала близка потенциально открытая и развивающаяся мифологема ученого и мыслителя, искателя, путешественника во времени и в пространстве, сталкивающегося и примиряющегося с сотворенной вселенной через понимание и осознание важности ее женских ипостасей. По словам исследователя Гете Г.В. Якушевой, «введение образа Маргариты, темы «вечно женственного» и страдающей любви» [Якушева, 1998, с. 96] подчеркивают близость многих авторов XX века (П. Мак-Орлан, П. Валери, М. Булгаков, М. Заринь) к гетевской модели фаустианства. Во второй части трагедии роль женских образов актуализирована в символической сцене, олицетворяющей процесс схождения Фауста к Матерям – матрицам и первоидеям мироздания. Активные и медитативные элементы «вечно женственного» начала в образе Гретхен формируют концептуальную предпосылку спасительного финала драмы, онтологически связанного с дидактикой трагического исхода, неизбежного для непримиримого духа поиска, выходящего за этические рамки. Французский писатель П. Мак-Орлан в романе «Ночная Маргарита» (1925) перенес образ Гретхен и тему договора с дьяволом на почву богемного Парижа начала XX века. Наиболее глубоким русским прочтением гетевской модели спасительного женского начала стал роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Булгаковская героиня как представитель «новой, активно мыслящей и энергично действующей ипостаси «вечно женственного» [Якушева, 1998, с. 102], берет

на себя многие динамичные, мужские, фаустианские функции, отраженные в мотивах договора, путешествия на шабаш, бала («Рыцарский зал» в «Фаусте»).

Наиболее яркое воплощение в живописи нашли сцены, связанные с моментами первой встречи Фауста и Гретхен, картины их свиданий (Г. Доре, У. Шеффер, П. Корнелиус, Дж. Тиссо, Л. Альма-Тадема, В. Коллер), кульминационные моменты молитв Гретхен, кающейся в церкви, у городских ворот и в тюрьме (Т. Баркер, Э. Майзель, Дж. Тиссо, А. Фоглер, В. Каульбах, Дж. Лэйвери, Ф.К. Купер). В графике и картинах знаменитых живописцев и художников-иллюстраторов находил отражение не только драматизм сцен трагедии, но и внешний облик Маргариты, сложившейся во многом из черт Фридерики Брион (1752-1813) – музы «Зазенгеймских песен» Гете [Krogmann, 1928, s. 104]. К созданию портрета гетевской героини обращались: Г.Ф. Керстинг, Э. Делакруа, А. Крелинг, М. Врубель, С. Дали, В.А. Носков, Г.А. Гончаров и многие из вышеперечисленных художников. Триптих М. Врубеля подчеркнул ключевую позицию героини в архитектонике драмы Гете через центральное положение образа Маргариты, изображенной на фоне цветущей природы. Боковые элементы триптиха с фигурами Мефистофеля и Фауста в дублирующемся интерьере тесного готического кабинета раздвинуты воздухом открытого пространства с доминантой светлого женского начала. Созданный С. Дали графический портрет Гретхен пронизан линиями-лучами, идущими от центрального лика. Подобное решение несет в себе аллюзии на рисунок Гете, изобразившего в схожей манере явление Фаусту Духа Земли.

Основным поэтическим, психологическим и философским портретом Маргариты в архитектонике первой части Фауста являются «Песни Гретхен»: «Король из Туле», «Пропал покой...» («Гретхен за прялкой»), две молитвы Маргариты (сцены «На городском валу» и «Собор») и ее песня в начале сцены «Тюрьма». Вторгаясь в динамику диалогов и активных сценических действий, эти короткие медитативные монологи героини концентрируют в своей символике все фабульные кульминации и предвосхищают дальнейшее развитие событий драмы. К музыкальному воплощению «Песен Гретхен» («Gretchens Lieder»), составляющих важнейший смысловой базис трагедии «Фауст», обратился ряд композиторов XIX века (Шпор, Цельтер, Шуберт, Шуман, Вагнер, Верди). Для Шуберта, Вагнера и Верди обращение к поэтическому наследию Гете ознаменовало период творческого становления, поиска жанрово-эстетических приоритетов, уникального мелодического языка и собственного стиля в музыке.

Одним из основоположников традиции музыкальной интерпретации гетевских «Песен Гретхен» являлся Ф.П. Шуберт. Шедевром его первого сборника произведений стала песня «Гретхен за прялкой» (1814), блистательно отразившая жанр монолога в песенном творчестве композитора. Данный эпизод «Фауста» ранее перекладывал на музыку композитор К.Ф. Цельтер, входивший в круг близких друзей Гете. Поэт писал композитору: «Самый чистый, самый высший вид живописания в музыке – это тот, который применяешь ты. Задача состоит в том, чтобы вызвать у слушателя такое настроение, которое создает стихотворение. Тогда воображение само бессознательно создает образы, вызванные к жизни текстом» [Гольдшмидт, 1960, с. 114]. Шуберт смог приблизиться к лирической тональности внутренней исповеди влюбленной девушки: «*Как бьется сердце, / Как рвется грудь! / Куда мне деться? / К нему прильнуть!*» [Черепенникова, 2013, с. 60] (здесь и далее перевод автора статьи). Музыка чутко следовала за переливами настроения героини, в своих размышлениях переходящей от отчаянья к надежде, от мрачных возгласов («*К нему, к нему, / Иль как в гробу / Забитой быть – / Совсем не жить!*») [Черепенникова, 2013, с. 60], к искреннему обожанию и светлому самоотречению («*Как он прекрасен, / Возвышен он! / А взор так властен / И так умен!*») [Черепенникова, 2013, с. 60].

Шуберт вернулся к образу Маргариты при создании песни «Молитва Гретхен» (1817), тональность которой впоследствии нашла развитие в его шедевре «Ave Maria» (1825) [Deutsch, 2002, р. 53], и в «Сцене из «Фауста» (1814). Молитва Деве Марие из сцены «На городском валу» запечатлена немецкими художниками В. Каульбахом и А. Фоглером. Психологические портреты Маргариты за прялкой и в соборе отражены в творчестве последнего прафаэлиты Ф.К. Купера.

В полной мере красота шубертовской песни раскрылась на примере произведения «Король из Туле» (или «Фульский король», 1816). Баллада «Der König in Thule», написанная Гете в 1774 году под влиянием идей Гердера (одного из первых учителей поэта в области эстетики и теории литературы), была включена в предварительный вариант великой трагедии («Пра-Фауст»-«Urfaust», 1772-1775). В окончательной версии первой части «Фауста» (1806) баллада представляет собой своеобразный «Танец Любви» Гретхен («Tanz der Liebe») [McKay, 1997, р. 72] и микро-квинтэссенцию всей трагедии. Маргарита, встретившая Фауста на улице, еще не осознает ни проснувшегося в ней великого чувства, ни грозящих ей опасностей, но в народной песне, исполняемой ею в одиночестве, присутствуют все основные мотивы дальнейшего сюжета. Оппозиция «Любви» («Liebe») и «Смерти» («Tod») характерным образом выражена в мотиве «гроба» («Grab») и

«любви до гроба» (*«Gar true bis an das Grab»*) [Goethe, 1981, s. 251], прочно связанном с идеей «верности», «чести», «правдивости» («*treu*»). Те же мотивы и идеи выражены в других песнях и молитвенных монологах Маргариты, для которой априори не существует иных форм любви, кроме любви жертвенной, отдающей себя без остатка: «*О, как хочу я / Его обнять, / Жизнь в поцелуе / Ему отдать!*» [Черепенникова, 2013, с.60].

Форма народной песни с древнейшим мифологическим сюжетом повлияла на композиторов, чувствовавших автономность и самоценность данной баллады: «*Король из Туле свято / Любовь и верность чтит. / От Милой, смертью взятой, / Он кубок получил. // ...Средь рыцарей над морем, / Король испил глоток / И бросил кубок с горя / В бушующий поток. // Лишь кубка колыханье / Оборвала волна, / Король пал без дыханья: / Он жизнь испил до дна*» [Черепенникова, 2013, с. 12]. Использование словесной формулы: «*Жил-был один король...*» – «*Es war ein König in Thule*» [Goethe, 1981, s. 251] приближает гетевский текст к индоевропейской форме сказки, к жанрам скандинавских саг и баллад, исполнявшихся бардами-сказителями древних скандинавов и германцев. Женский образ подчеркивал охранительную функцию песни, сберегающей важную часть европейского исторического наследия, изучавшегося Гердером, Гете и Шлегелем, чьи работы сформировали впоследствии эстетические приоритеты Шуберта и Вагнера.

Создатель «Фауст-увертюры» (1840) – Р. Вагнер, в юности мечтавший о литературной славе, увлекался творчеством И.-В. Гете, Э.Т.А. Гофмана и К. Гоцци – «источником, весьма богатым замечательными сюжетами для опер» [Лиштанберже, 1997, с. 42]. Две вагнеровские «Песни Гретхен» входят в состав раннего произведения композитора – «Семь пьес к «Фаусту» Гете» (1832). Музыка и композиция цикла демонстрируют возвышенную природу любви Гретхен, развивают темы идеала в столкновении с действительностью, антиномии искушения и искупления. Благодаря музыкальному решению сложной архитектоники гетевского литературного образа Гретхен Вагнер подошел к открытию собственной эстетики, связанной с драматургическими лейтмотивными решениями.

Текстуальную основу «Песен Гретхен» избрал для своего раннего вокального цикла «Шесть романсов» (1838) Дж. Верди – почитатель творчества Данте, Шекспира, Мандзони, Шиллера и Гете. В двух песнях-романсах Гретхен на слова итальянского поэта и переводчика Л. Балестры («*Perduta ho la pace*» и «*Deh, pietoso, o addolorata*») [Mila, 2012, p. 70] намечаются тенденции эмоционального и торжественного стиля, впоследствии реализованного композитором в образах героинь

своих опер «Аида» и «Травиата» [Gal, 1975, s. 89]. Изначальное тяготение к образу Гретхен привело Верди к сотрудничеству с либреттистом А. Бойто, являвшимся одним из наиболее глубоких итальянских исследователей гетевского «Фауста» и заложенного в нем принципа синтеза искусств. Именно Бойто отразил в своем поэтическом и композиторском творчестве финальную песню Гретхен (сцена «Тюрьма»), приблизив ее к средиземноморским народным мотивам в своей опере «Мефистофель».

Литературный образ гетевской Гретхен получил столь широкое распространение в традициях мировой культуры благодаря тому, что сам Гете, тяготевший к жанровым экспериментам, стремился к музыкальной и художественной интерпретации своих произведений. Музыкальное искусство, как наиболее эмоциональное и абстрактное, одним из первых откликнулось на гетевскую модель «вечно женственного». Затем последовали иллюстративные формы рецепции образа Гретхен в изобразительном искусстве, чему способствовал новый интерес художественных школ XIX века к эстетике средневековья. Параллельно развивался литературный диалог с динамическими и медитативными формами доминантного женского образа гетевского «Фауста».

Процесс рецепции единого литературного образа различными видами искусств создал благодатную почву для развития тех направлений европейской музыки и живописи, которые находили в эстетике трагедии Гете элементы, созвучные новым, формирующимся тенденциям своей стилистики. Песенная, медитативная доминанта образа Маргариты нашла отражение в камерных и оперных жанрах европейского музыкального романтизма; его лейтмотивная, драматическая линия обогатила новые, синтезированные формы европейского театра; философская сложность и глубина гетевского концепта «вечно женственного» актуализировалась в симфонических и полифонических тенденциях.

Успешному воплощению женской доминанты трагедии Гете в изобразительном искусстве способствовала простота и архетипичность внешней динамики действия, сочетающаяся с внутренней метафорической и символической глубиной текста, с его мифологическими, фольклорными и мистическими мотивами. Тема художественного портрета Гретхен отразилась в широкой палитре произведений, созданных в манере академизма, импрессионизма, экспрессионизма, модернизма и сюрреализма. Психологизм, контрастность, страстность, структурная полифония образа гетевской Маргариты привлекли к творческому диалогу с гетевским литературным наследием поэтов, писателей и драматургов разных стран мира. Данный образ, понятый в динамике этиче-

ских, социально-философских и исторических аспектов развития цивилизации, продолжает интересовать современных деятелей культуры. Заложенные в произведении Гете элементы синтеза искусств, поддерживаемые концептом «вечно женственного», демонстрируют свой мощный художественный потенциал в контексте традиций мировой культуры.

Литература

- Аникст А.А. Гете и «Фауст». От замысла к свершению. М., 1983.
Гете И.-В. Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1976. Т. 2.
Гольдшмидт Г. Франц Шуберт: Жизненный путь. М., 1960.
Лагутина И.Н. Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы. М., 2000.
Лиштанберже А. Рихард Вагнер как поэт и мыслитель. М., 1997.
Фомин Д.В. Поэзия Гете в иллюстрациях Эрнста Барлаха // Гетевские чтения 2003. М., 2003.
Черепенникова М.С. Традиции литературной гетеаны. М., 2013.
Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Ереван, 1988.
Якушева Г.В. Фауст и Мефистофель вчера и сегодня. М., 1998.
Barlach E. Die Briefe. 1888-1931. In 2 Bdn. München, 1968.
Gal H. Brahms, Wagner, Verdi: Drei Meister, drei Welten. Frankfurt, 1975.
Goethe J.W. Faust// Goethes Werke in 12 Bd. Berlin und Weimar, 1981. Bd. 4.
Deutsch O.E. Schubert: Memoirs by His Friends. Oxford, 2002.
Krogmann W. Untersuchungen zum Ursprung der Gretchenragödie. Wismar, 1928.
Mila M. Verdi. Milano, 2012.
McKay E.N. Franz Schubert: A Biography. Oxford, 1997.

ВОПРОС О СТАТУСЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА

В.А. Черванева

Ключевые слова: мифологический текст, структура текста, традиция, язык фольклора.

Keywords: mythological text, text structure, tradition, folklore language.

Язык фольклорных произведений имеет свою специфику и свой особый статус, который делает его феноменом, не сводимым ни к устно-разговорной бытовой речи, ни к письменно-литературному языку. Это особая подсистема в системе русского национального языка. Дискуссии

о сущности этого феномена в науке продолжают, но основные положения уже определены в трудах ведущих ученых-фольклористов.

Особое внимание при рассмотрении этой проблемы уделяется вопросу о типологических отношениях фольклора и устной речи [Адоньева, 2004; Артеменко, 1977; 1988; Евгеньева, 1963; Никитина, 1993; Неклюдов, 1999; 2002а; 2002б; 2010; Оссовецкий 1952; 1958; 1975; Толстая, 1989; Чистов, 2005; Bartminski, 1973 и др.]. Основоположники лингвофольклористики А.П. Евгеньева и И.А. Оссовецкий выдвинули положение о языке фольклора как об аналоге литературного языка в системе диалекта, поскольку язык произведений устного народного творчества обладает свойствами обработанности и в этом плане он противопоставлен разговорно-диалектной речи [Евгеньева, 1963, с. 17; Оссовецкий, 1952, с. 97]. Эта обработанность, по их мнению, проявляется в ориентации исполнителей фольклора на общезыковые явления, в отказе от узлокальных элементов и в употреблении специфических, свойственных только фольклору, художественно-языковых средств.

Е.Б. Артеменко в своих основополагающих работах [1977, с. 3-27; 1988, с. 11-23] развила данный тезис – о языке фольклора как обработанном феномене – и прояснила характер этой особенности. Не отрицая факторов, указанных А.П. Евгеньевой и И.А. Оссовецким, исследовательница показала, что сущность обработки, о которой идет речь, заключалась, прежде всего, в преодолении константных свойств диалектной речи как речи разговорного типа, а именно свойств конситуативности и спонтанности. Все развитие и обработка фольклорно-языкового строя шли по пути преодоления черт, обусловленных устной формой фольклорной коммуникации и ее непосредственным (контактным) характером. Принципы построения разговорно-речевого континуума в фольклоре были переосмыслены и подверглись существенному преобразованию – для успешного осуществления трансмиссии фольклорного текста в традиции, а также под эстетическим углом зрения.

Эстетические и коммуникативные задачи фольклорного процесса обусловили выработку особых принципов языковой организации фольклорных текстов, которыми руководствуются исполнители фольклора в процессе создания и воссоздания текстов и которые в значительной степени отличаются от принципов построения спонтанной разговорной речи. Специфика указанной языковой организации проявляется, прежде всего, в механизме фольклорного текстообразования.

Сущность этого механизма состоит в том, что фольклорный текст не воспроизводится исполнителем (носителем фольклора) по памяти в готовом виде (как это имеет место в случае воспроизведения авторского литературного текста), тем более не создается каждый раз заново путем

индивидуального отбора элементов из системы коммуникативных средств диалекта, а воссоздается, синтезируется, «монтируется» в процессе исполнения из элементов разного уровня, предписанных традицией, по модели, свойственной определенному фольклорному жанру [Артеменко, 1977, с. 26; 1988, с. 23-26, 1993; 2001; 2006а; Неклюдов 2002а; 2002б; 2010, с. 253-254].

Как указывает С.Ю. Неклюдов, «до своего изложения фольклорный текст присутствует в традиции скорее как “идея текста” или как конфигурация возможностей его построения (то есть не на фенотекстовом, а на генотекстовом уровне)» [Неклюдов, URL]. Порождение же фольклорного текста происходит по принципу: «обобщенный типизированный концепт-инвариант – его текстовая вариативная языковая / речевая реализация» [Артеменко, 2006б, с. 6-7]. Народный исполнитель владеет моделью текста каждого жанра и, используя этот семантический каркас (концепт комплексного типа), заполняет его лексическим материалом, опять же – не произвольно, а в соответствии с нормами традиции, носителем которой он является.

Нетрудно заметить, что процесс воссоздания фольклорного текста во время исполнения аналогичен процессу речи, когда говорящий, руководствуясь своими коммуникативными потребностями, производит отбор и синтез элементов языковой системы, необходимых ему для создания высказывания. Эта особенность впервые была отмечена П.Г. Богатыревым и Р.О. Якобсоном в их программной статье «Фольклор как особая форма творчества» (1929). Рассматривая социальную природу фольклора (фольклор как коллективное творчество), они использовали сосюрговские понятия «langue» (совокупность языковых привычек коллектива, необходимых для обеспечения понимания речи) и «parole» (индивидуальный, отдельный речевой акт) и определили сущность различия между фольклором и литературой, которое, по их мнению, состоит в том, что для первого явления характерна ориентация на langue, а для второго – ориентация на parole. Существование фольклорного произведения, его трансмиссия, сохранение в традиции предполагает усваивающую и санкционирующую его группу, т.н. *предварительную цензуру коллектива*, сама устная форма бытования обеспечивает перманентную коррекцию содержания и формы фольклорного текста и его постоянную обработку [Богатырев, Якобсон, 1971].

Современная фольклористика рассматривает фольклор как систему элементов, находящихся друг с другом в определенных парадигматических и синтагматических отношениях, имеющих специфические правила употребления, стереотипы, известные носителям традиции, то есть как феномен, который по своим сущностным характеристикам аналогичен

языку, находится ближе к языку, чем к речи. И описанный механизм фольклорного текстообразования обеспечивает адекватную трансмиссию фольклорного текста, является условием воспроизведения социума во времени [Адоньева, 2004, с. 6-7; Неклюдов, 2010, с. 253].

Коммуникативная природа текстообразования в фольклоре проясняет характер структурированности фольклорного текста и характер его обработанности по сравнению с устной разговорной речью спонтанного типа. Воссоздание текста народной словесности по моделям, предписанным традицией, следование образцам традиции придает фольклорно-языковому строю свойство предуготовленности и вербальной самодостаточности, что сближает «язык фольклора с другой обработанной сущностью – письменной формой литературного языка, делают первый аналогом второй и оба их – компонентами одного противочлена в оппозиции разговорной (в том числе диалектно-разговорной) речи. Поэтому тексты устно-поэтических произведений, особенно песенно-стихотворных, стоят ближе к текстам письменно-литературного языка, чем к разговорно-речевым образованиям...» [Артеменко, 1988, с. 13].

При рассмотрении проблемы соотношения устной и письменной речи критерий структурированности сообщения наиболее значим, и очевидно, что уровень этой структурированности будет выше в любой письменно зафиксированной форме, чем в устном изложении [Гаспаров, 1978, с. 74-80; Неклюдов, 1999; Толстая, 1989]. Известные в науке градации текстов по шкале «устности-письменности», обратим внимание, помещают фольклорный текст между текстом устного типа и письменного. Ср. типологию текстов, предложенную С.М. Толстой: «идеальный» устный — фольклорный — эпистолярный — «идеальный» письменный [Толстая, 1989]. В дихотомии «устная / письменная речь» язык фольклора, безусловно, ближе к речи письменной – не в плане формы бытования, а в плане структурной организации.

Тексты мифологической прозы (рассказов о контактах человека с миром сверхъестественного) заслуживают особого внимания при обсуждении этой проблемы.

Общим местом в фольклористических работах стало утверждение о слабой структурированности этих текстов, невыделенности их из потока повседневной речи, существование их в рамках диалога [Зиновьев, 1974, с. 40; Разумова, 1993, с. 6; Левкиевская, 2008]. Кроме того, наличие в традиции большого количества жанровых разновидностей мифологических текстов (былички, поверья, предписания, запреты, описания ритуальных практик, приметы и др.) и их бытование по преимуществу в комплексном виде, предполагающем сочетание различных речевых форм в рамках одного высказывания на мифологическую тему, привело

ряд исследователей к мысли о «нефольклорности» мифологических текстов (по крайней мере некоторых их разновидностей) и необходимости их изучения методами этнографии, но не фольклористики.

Так, остается дискуссионным вопрос о принадлежности поверий к фольклорным речевым жанрам. Например, И.А. Разумова относит пове­рья к разряду этнографической информации и выводит подобные тексты за рамки фольклора [Разумова, 1993, с. 7]. Подобного же мнения придерживается и Л.Н. Виноградова, указывая, что «тексты поверий едва ли можно признать самостоятельным фольклорным жанром» [Виноградова, 2004, с. 13]. Е.Е. Левкиевская, напротив, характеризует пове­рье наряду с быличкой как фольклорные речевые жанры, в которых реализуется мифологический текст-инвариант [Левкиевская, 2007]. С.Ю. Неклюдов рассматривает пове­рья (тексты о верованиях), а также экспликации тех или иных обычаев, часто в сочетании с инструкцией (позитивной или негативной – предписанием или запретом), как факт фольклорный, а не этнографический [Неклюдов, 2011; 2012] и обосновывает свое мнение тем, что подобные тексты, выражая народную интерпретацию того или иного этнографического явления, как правило, не отражают реальную этнографическую ситуацию и подлинное мифологическое содержание обряда, обычая и т. п. Содержащаяся в этих текстах этнографическая и мифологическая информация предстает, таким образом, в «пересеманти­зированном» [Путилов, 1994, с. 122] виде в соответствии с системой фольклорных кодов, отражает ментальную сторону традиции в «наив­ном» осмыслении ее носителей (так называемое «фольклорное знание»).

Разделяя точку зрения тех исследователей, которых признают за мифологическими текстами статус фольклорных и предполагают релевантность методов фольклористического анализа для их изучения, подтвердим это мнение рассмотрением, во-первых, плана содержания текстов этого типа и, во-вторых, анализом структурной организации мифологического нарратива.

Вопрос о «фольклорности» мифологических текстов возникает при анализе их содержания в связи с неоднозначностью его «коллективного» характера. Если тексты традиционного фольклора (песни, сказки, обрядовые тексты и т.п.) можно без тени сомнения называть «устным народным творчеством», а значит, человека, транслирующего их, – исполнителем, а не автором с присущими ему «авторскими правами» (см., например, об этом рассуждения А.Б. Мороза [Мороз, 2008, с. 34]), то вопрос об «авторстве» (вернее, «безавторности») мифологических текстов решается не столь бесспорно. Конкретные рассказы о контактах человека с персонажами «низшей» мифологии (домовыми, лешими, русалками, «ходячими» покойниками, «снежным человеком»), «барабаш-

кой», НЛО и др.) чаще всего (по крайней мере тексты-мемораты – нарративы от 1-го лица) представляют собой повествование о личном уникальном опыте человека. Ср.:

Сплю я, железо под столом. Луна в окно. Заходит [сын, который не так давно умер], во всем военном. Говорит: «Здравствуй, мама». А подойти не может. И вошел оттуда, где все заперто. Я его перекрестила, так он стал маленьким, ниже табуретки, упал и пропал (Чер., № 7)¹.

Муж у меня умер. Так легла я спать уже. Здесь стоит ящик, здесь кровать, здесь в избе курицы (притулья не было). Слышу: колокольчики тук-тук-тук – едут. Гляжу: Коляха мой входит. В синей рубашечке, в сапогах – ну, как ходил (Зин., № 385).

Однако, несмотря на то что многие из этих текстов являются нарративами личного опыта, модели интерпретации описываемых явлений в них не индивидуальны, а присущи традиции, для таких рассказов характерны устойчивость и повторяемость мотивов. К сфере «коллективного» в их содержании относятся реализованные в тексте мифологические модели. Например, мотивы о посмертном «хождении» умершего мужа к оставшейся в живых жене настолько устойчивы и повсеместно распространены, что их можно встретить практически в любой локальной традиции (см., например, *Зин., № 384-385, 391, 395-397; Чер., № 8-9, 20-21, 23, 24, 26, 43; Пух., № 554, 572, 575, 581, 591, 595, 599; Полесье, гл. 12, № 90-124*).

Эти мотивы имеют настолько высокую степень повторяемости и воспроизводимости (несмотря на, казалось бы, личный характер их содержания), что трудно отрицать их принадлежность к сфере фольклора. Кроме того, эти тексты делают фактом традиции и общий, коллективный характер используемых в них объяснительных схем: например, интерпретация действий «ходячего» покойника как обусловленного неправильным, с точки зрения традиции, поведения по отношению к нему оставшихся в живых родственников, в частности их чрезмерной тоской (*Зин., № 384, 391, 396; Чер., № 9, 20, 22, 26; Пух., № 554, 582, 594; Полесье, гл. 12, № 153-168*).

¹ Материалом анализа послужили тексты из сборников: *Былички и бивальцины Воронежского края* / Сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж, 2009. (Пух.); *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. СПб., 1996. (Чер.); *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири* / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987. (Зин.); *Народная демонология Полесья*: Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / Составители: Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М., 2012. Т. II.

Далее отметим, что тезис о более слабой структурированности мифологических текстов по сравнению с жанрами с высокой степенью жесткости структуры (сказка, песня, былина) не отменяет действия в их отношении описанного выше механизма текстообразования, присущего фольклору и составляющего специфику его системы.

Характер трансмиссии традиционной информации, составляющей содержание мифологических текстов, является специфически фольклорным – устным и коллективным, что обуславливает вариативность формы транслируемого текста при известной устойчивости содержательных констант – сюжетов и мотивов (как известно и как было рассмотрено выше, текст фольклора, в отличие от литературного текста, существует не в уникальной, единственно возможной форме, а в виде набора вариантов, репрезентирующих инвариант).

Степень вариативности сообщения колеблется в зависимости от жанра – существуют жанры с большей или меньшей степенью жесткости структуры. Наиболее жесткая структура наблюдается в ритмизованных текстах – песенно-стихотворных (песня, былина). Народной прозе (например сказкам) присуща бóльшая степень вариативности формы выражения, хотя содержательная структура текста при этом также весьма устойчива (вспомним открытую В.Я. Проппом синтагматическую организацию сказочного текста как последовательности 31 функции [Пропп, 1998]).

Отмеченная исследователями «слабая структурированность» мифологического текста проявляется в значительной степени вариативности в выборе языковых средств, заполняющих смысловую матрицу текста, но не является отсутствием структуры как таковой. Хотя быличковый нарратив приближается к речи повседневной коммуникации, он не становится, однако, текстом спонтанного типа. Транслируемая в мифологическом тексте традиционная информация и традиционная форма этой трансляции обуславливает принадлежность мифологических текстов к области фольклорных явлений, делает их фактом фольклора.

Литература

- Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб., 2004.
- Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура и проблемы ее изучения. Афанасьевский сборник. Воронеж, 2006а. Вып. IV.
- Артеменко Е.Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации. Воронеж, 1977.
- Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж, 1988.
- Артеменко Е.Б. Принципы организации народнопесенных текстов: былинное текстообразование // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 3.

- Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. 2001. № 2.
- Артеменко Е.Б. Традиция в мифологической и фольклорной репрезентации (Опыт структурно-когнитивного анализа) // I Всероссийский конгресс фольклористов. М., 2006б. Т. II.
- Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. М., 1971.
- Виноградова Л.Н. Былички и демонологические поверья: границы фольклорного текста // Живая старина. 2004. № 1.
- Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика I: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1978. Вып. 442.
- Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях 17–20 вв. М.-Л., 1963.
- Зиновьев В.П. Жанровые особенности быличек. Иркутск, 1974.
- Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // Кирпичики: фольклористика и культурная антропология сегодня. М., 2008.
- Левкиевская Е.Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.
- Мороз А.Б. Заметки «инквизитора»: к вопросу об этике полевой работы // Живая старина. 2008. № 1 (57).
- Неклюдов С.Ю. Вариант и импровизация в фольклоре // Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи. СПб., 2002а.
- Неклюдов С.Ю. Авантест в фольклорной традиции. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/avantext.html#1>
- Неклюдов С.Ю. Звучащее слово в фольклоре // Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Историческая поэтика фольклора: от архаики к классике. М., 2010.
- Неклюдов С.Ю. Традиции устной и книжной культуры: соотношение и типология // Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.
- Неклюдов С.Ю. «Факт фольклорный» и «факт этнографический» // Фольклористика и культурная антропология сегодня. М., 2012.
- Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. 2002б. № 3.
- Неклюдов С.Ю. «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография. К 90-летию со дня рождения К.В. Чистова. СПб., 2011.
- Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Оссовецкий И.А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3.
- Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5.
- Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958.
- Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа). М., 1998.
- Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
- Разумова И.А. Сказка и быличка. Петрозаводск, 1993.
- Толстая С.М. Устный текст в языке и культуре / Text ustny — Text Oral. Struktura i pragmatyka — problemy systematyki — ustronosc w literaturze. Wrocław, 1989.
- Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005.
- Bartminski J. O języku folkloru. Wrocław; Warszawa, 1973.

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОЛОНХО И ТУВИНСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

М.Т. Гоголева

Ключевые слова: олонхо, эпические традиции, тувинские сказания, генетические связи, мотивы, формулы, художественно-изобразительные средства, общность.

Keywords: Olonkho, epic traditions, Tuvan legends, genetic links, motif, formulae, expressive means, commonality.

Как известно, в своем фундаментальном труде «Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо» И.В. Пуховым были установлены черты типологического и генетического сходств в эпическом стиле олонхо и алтайских, шорских, хакасских эпосов [Пухов, 2004]. Исследование по праву считается важным вкладом в фольклористику, имеющим непреходящее значение в сравнительном изучении эпосов. Наш интерес к тувинским героическим сказаниям объясняется задачей приобщения дополнительных материалов к изучению проблемы генезиса олонхо в контексте эпического наследия алтае-саянских народов. В качестве материалов выбраны: олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского, «Строптивый Кулун Куллуштуур» И.Г. Тимофеева-Теплоухова, «Джырыбына Джырылыатта» П.Я. Ядрихинского, тувинские героические сказания «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо и «Боктут-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная. Историко-этнографический анализ текстов тувинского эпоса, предпринятый Л.В. Гребневым, показал продуктивность сочетания подходов филолога, историка и этнографа [Гребнев, 1960]. По свидетельству С.М. Орус-оол, тувинские героические сказания сходны с эпосами хакасов, алтайцев и шорцев в стадийном и сюжетно-композиционном планах. Центральные темы – героическое сватовство богатыря с выполнением трудных задач хана-тестя и борьба богатыря с чужеземными ханами характерны для эпической традиции алтае-саянских народов [Тув. гер. сказ., 1997, с. 21]. Тувинский эпос, как и олонхо, считается архаичным, в нем много мифологических мотивов и фантастических элементов, но в целом содержание сюжетов отражает более поздний период общественно-экономических отношений, чем в якутском эпосе. Эпический мир более реалистичен, также приближены к реальности этнографические картины, поступки отдельных персонажей.

В сравнительном изучении олонхо с тюрко-монгольскими эпосами накопление сведений, отражающих факты консервации элементов эпи-

ческой традиции и отдельных языковых явлений в эпосах родственных народов, остается актуальным в обосновании генетических связей олонхо, особенно в определении характера и времени формирования элементов эпического стиля. Типологические схождения в поэтике героического эпоса олонхо и тувинских героических сказаний, обусловленные свойствами самого жанра, обнаружены в общеизвестных моментах:

- устойчивость основных сюжетных линий. К примеру, борьба богатырей за справедливость на земле и продолжение своего рода, всего людского племени;
- эпическая неторопливость развертывания событий, их предопределенность, заданность типов героев;
- статичность типичных художественно-образительных средств: стихотворный размер, формульность языка, фантастичность, гиперболность как выражение эстетики героического и т.д.

Сходства, указывающие на возможные общие истоки эпосов, рассмотрим более детально. В стиховой организации текстов олонхо и тувинского эпоса особое внимание на себя обращает варьирование количества слогов в эпических тирадах. Стиховедами выделены варьирующие ритмические конструкции. «При анализе взаимосвязи стиховой структуры с ритмом напевов сказаний становится вполне очевидным, что семислоговый стих и восьмислоговая вариация являются в *тоол* нормативным ядром стиховой формы, при этом допускается расширение стиха до десяти – двенадцати и сжатие до шести – четырех слогов» [Тув. гер. сказ., 1997, с. 48]. Если в тувинском эпосе говорится об удлинении или стяжении музыкальных времен в зависимости от количества слогов, то еще И.В. Пуховым было подмечено аналогичное варьирование количества слогов в эпическом стиле олонхо [Пухов, 1975, с. 12-62; 47, 48].

Признаки генетической общности обнаружены в большей степени в языковом оформлении текстов, приемах передачи эпической образности, конструкции отдельных формульных сочетаний.

В зачине тувинских сказаний присутствует постоянная формула якутского олонхо *Былыргы дьыл мындаатыгыр, Эрдэтээнни дьыл энэригэр*, то есть в *стародавние, ранние времена*:

*Эртенгиниң эртезинде,
Бурунгуунун мурнунда,
Сүт-Хөл кара шалбаа,
Сүмбер-Уула сүүр тей турар шагда...
Раньше раннего,
Древнее древнего [времени],
Когда озеро Сют-Холь было черной лужицей,*

[А гора] Сумбер-Ула была остроконечным холмиком... [Тув. гер.сказ., 1997, с. 22].

Текст в переводе на якутский язык не выглядит чужеродным:

*Эрдэтээни эрдэтигэр,
Былыргаангы былырыгар,
Үүт Куөл хара чалбах,
Сүмбэр Уула чочур томтор эрдэбинэ ... (здесь и далее перевод на якутский язык наш. – Г.М.).*

Также обнаруживается довольно высокая степень полного или частичного совпадения структуры и семантики слов в эпической строфе:

*151-156 Эвилеңнээн-чөвүлөңнээн
Оттуг карактыг, оглум,
Кай бар чор сен?
Кайыын келдин?
Узун чоруктуг,
Узак сагыштыг, оглум? - деп... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 122].
Учтивый, вежливый,
С огоньком в глазах,
Куда ты едешь, сынок? –
Спросил [человек]... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 123].
В переводе на якутский язык выделены схожие конструкции:
Итэбэтэр-собүлэһиннэрэр,
Уоттаах харахтаах уолум,
Хайа диэки бардыг эн?
Хантан кэллин?
Уһун суоллаах,
Бһраах соруктаах уоланым...*

Наиболее часто в тувинском эпосе встречаются сочетания «черная земля», «большое стойбище», «белая юрта», «железные пути», «желтая степь», «синее небо» и т.д. [Байсклан, 1987, с 43]. Хотя вышеприведенные примеры и встречаются в олонхо, но для стиля якутского эпоса более характерны пространные развернутые эпитеты, придающие своеобразие эпическому миру олонхо.

Некоторые мифологические образы также ясно свидетельствуют о наличии общих корней. Например, совпадение имен отцов трех небесных шаманок в олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивый Кулун Кул-лустуур» и тувинском эпосе «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо не может быть просто отнесено к случайности:

1735 Владелец табунов
 С огромными кучами навоза
 Юрюнг Айыы Тойон,
 Окинув их взором, сказал:
 «Дочь Бйй Тойона,
 Ытык Ылбальдьын-шаманка!
 Дочь Кюн Тойона,
 Кюегель Нухал-шаманка!»
 [Строптивный Кулун Куллустуур, 1985, с. 323].

В другом месте этого же олонхо говорится о семи небесных шаманках, это – дочери Солнца, Месяца и других небесных объектов: Юргэл (созвездие Плеяды), Чолбон (планета), Арангас сулус (созвездие Большой Медведицы), также дочери мифических Божества Орла и Кэнэн Айыы [Строптивный Кулун Куллустуур, 1985, с. 320]. В тувинском эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная присутствует мотив оживления мужа-богатыря небесными женщинами-дочерьми *Хюн-хана*, *Ай-хана* и *Дэр-хана* (дочери Солнца, Месяца и Неба) – [Тув. гер. сказ., 1997, с. 431]. Видимо, это – очень древний мотив, так как в якутской народной сказке «Ючюгяй Юеддойээн и Кусаган Ходьугур» точно таким же образом дочери Солнца, Месяца и Юргэлэ проводят обряд оживления Ючюгяй Юеддойээнэ, женами которого они являются.

В пользу генетических связей свидетельствуют и упоминаемые в эпосах этнографические детали.

2395 На противоположной стороне Столбовой Горы,
 Имеющей письма, –
 Эти писаря властного Рока
 Раскрыли небесную книгу судеб...
 [Строптивный Кулун Куллустуур, 1985, с. 338].

Книга судеб, так называемая книга *Судур*, постоянно присутствует в сюжете алтае-саянского эпоса. Происхождением своим она обязана книге *Сутра* в ламаистской традиции. В олонхо небесная книга судеб – это архив, имеющий разные формы. Более подробная информация об этом представлена в статье М.Т. Гоголевой и Р.Н. Анисимова [Гоголева, 2013].

Коновязь в якутской культуре до сих пор имеет особое культовое значение, близкое бурят-монгольскому символу домашнего очага, обозначаемое одним и тем же словом *сэргэ*, но со свойственными якутскому быту чертами. Образ коновязи сформировался под влиянием традиционных верований народа, идущих с древнейших времен, и потому так вырази-

тельны изображения мифических существ на верхушке эпического столба, например, в этом отрывке из олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур»:

*1672 Оглянулся он назад –
Стоит он, оказывается, привалясь
К подножию переднего столба коновязи,
Украшенного резным соколом,
Окрашенного львиной кровью,
С изображением ексеку-птицы,
С бар-зверем на верхушке
[Строптивный Кулун Куллустуур, 1985, с. 322].*

Коновязь у тувинцев, судя по текстам сказаний, относится к сакральным атрибутам быта, об этом свидетельствуют ее девятигранная форма и эпитет *алдын-золотой*, хотя описания, относящиеся к коновязи-*баглааши* скудны, немногословны:

*2193 Демир аътты
Алдын чигжир баглаашта
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 152].
Железный конь
[С поводом] вокруг коновязи из чистого золота...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 153].*

Борьба богатырей изображена схожими средствами, как в тувинском эпосе, так и в олонхо. В эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная находим строки:

*1530 Бугалаштыр хыйыртап көөрге,
Удур хыйыртааи,
Соора-саара шелгилежип чоруй,
Кап-шак сегиржип алгаи,
Үш айның тозан хонук доктаал чок
Бөөлдежип, тырыкылдажып келирде...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 366].
Как быки, глядят исподлобья –
Друг на друга глядят исподлобья,
Так и эдак ухватят, дернут друг друга –
И вот “кап-шак!” – схватились.
Девяносто дней – три месяца – без перерыва
Вертят, крутят друг друга...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 366].*

Сходство приемов изображения поединка обнаруживается в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивный Кулун Куллустуур» в

гиперболичном отсчете времени, использовании парных сочетаний, сравнении богатырей с быками и др.

*Медлить больше не стали они,
Друг против друга встали они.
Рогатины боевые подняв,
Будто рогами друг друга разя,
Сишбаются два быка ...*

*Истоптали
Талую землю они,
Искрошили
Мерзлую землю они...*

[Ньургун Боотур, 1975, с. 40].

*4032 С криками, воплями стали [друг друга]
перекидывать,*

С гиканьем, ревом стали [друг друга] подбрасывать.

Как с кобылою конь, бились они

Тридцать дней и ночей одного месяца,

Шестьдесят дней и ночей двух месяцев,

Девяносто дней и ночей трех месяцев,

Сто двадцать дней и ночей четырех месяцев,

Сто пятьдесят дней и ночей пяти месяцев...

[Строптивый Кулун Кулустуур, 1985, с. 374].

Схожие мотивы находим в сюжетах эпоса «Хунан-Хара» и якутского олонхо.

Конечно же, тувинские героические сказания были созданы и получили свое развитие на основе иной реальности, чем олонхо, и по своей художественной системе и бытованию в корне отличаются от якутского эпоса. Тем интереснее кажутся параллели в традиционных общих местах.

Эпос «Хунан-Хара»	Олонхо
<p><i>1. Архаический мотив чудесного рождения</i> У престарелых родителей родился <i>железный сын</i> – будущий богатырь: 265 Белин көөрге, Видно его туловище – Шой-биле бүткен, Сплошь чугунное Хөрээн көөрге, Посмотришь на</p>	<p><i>1. Архаический мотив чудесного рождения</i> В олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» богатырь Юрюнг Уолан выручает из погибельной глубины <i>железного человека</i>: Видит – кованый, звонкий пред ним, Как трехзубая острога, Адъарай железный стоит,</p>

<p>грудь - Каң-биле бүткен... Весь из стали... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 66].</p> <p>2. Быстрый рост богатыря: 380 Бир хонгаш Бир харлыг мен – деп. Ижи хонгаш Ижи харлыг мен – деп... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 70]. Одни сутки прошли: «Год мне!» – говорит. Двое суток прошло: «Два года мне!» – говорит</p> <p>3. Воспитывают богатыря две прислужницы – шивишкин. 378 Ижи шивишкин кадайга Азырадыр силер [Тув. гер. сказ., 1997, с. 70]. Двум шивишкин Велели вскармивать малыша [Тув. гер. сказ., 1997, с. 71].</p> <p>4. Наречение именем – важный эпизод в сюжете 1340 Ашак-даа тургаш, Аьтын, бодун Уш долгандыр Шиншип көрүп-көрүп туруп-тур. «Оок, мен-не болзумза, уругларым, Арзылаң-Кара аттыг Хунан-Кара-моге дизе Кандыгыл, мооңар?» - деп... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 114]. Старик поднялся, Коня и самого [мальчика] Трижды кругом обошел, Внимательно осмотрел.</p>	<p>Раскатисто говорит... [Ньургун Боотур, 1975, с. 150].</p> <p>2. Быстрый рост богатыря: 1474 Бу оёолоро үс хонон Үстээх оёо саға Өнөрсүйэн үүннүлэр, Биэс хонон Биэстээх оёо саға Бэччийэн бардылар... Дети эти На третий день Как трехлетние стали, На пятый день Как пятилетние Довольно окрепли [Ядрихинский, 2011, с. 89].</p> <p>3. Старуха Симэхсин – постоянный комический персонаж в олонхо, умеет предсказывать Старуха древняя Симэхсин Тревогу великую подняла [Ньургун Боотур, 1975, с. 296]</p> <p>4. В олонхо придается большое внимание воспитанию богатыря, его наречению, снаряжению. Его имя часто состоит из двух элементов, один из которых – имя коня. 1455 Албан-дьяах аата Арабас манган халлаантан Илэ-бодо айыллан түспүт Тыллаах-өстөөх, Дыллыа манган аттаах Дьырыбына Дьырылыатта буоллун... [Ядрихинский, 2011,</p>
--	---

«Я бы, дети мои,
Назвал его Хунан-Кара-моге,
Имеющий Арзылан-Кара»...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 115].

5. Гибель природы вследствие борьбы богатырей

Шөл черге баарга,
Даг апаар,
Даг черге кээрге,
Шөп бооп-даа,
Огру чаагай
Оанга кээрге,
Дөң дөстөк кылдыр... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 218].

Попадут в край степной –
Он горным становится,
Попадут в край горный –
Степным становится,
А попадут
В край равнинный привольный –
Так истопчут его, оказывается,
Что в кочках-буграх [он] стано-
вится...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 219].

6. Говорящий конь-помощник

1125 Оон кара кулун
Тура дүжүп-даа турган иргин ий-
ин.
Хайыралдыг эки ээ
Бооп-шыдаар-дыр» деп
Тура дүшкен иргин ийин...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 104].
Затем черный его жеребенок
Вдруг стал.
«Хорошим любимым хозяином
Ты сможешь мне быть!» -
Став, сказал...[Тув. гер. сказ.,
1997, с. 105].

7. Борьба с чудовищами

с. 88]
Имя ее славное –
С желто-белого неба
Наяву спущенным,
Словами говорящим
С молочно-белым конем
Джырыбына Джырылыятта будет,
решили
[Ядрихинский, 2011, с. 89].

5. Гибель природы вследствие борьбы богатырей

4246
Тон дзулуу мууһу
Тобуктарын харабар дылы
Тобулу нуоралаатылар,
Чэннээх сири
Дьилбэхтэригэр дылы
Дэлбэритг лээбилээтилэр...
[Ядрихинский, 2011, с. 232].
Лед замерзший
По чашки коленные
Сплошь проломили,
Землю обледеневшую
По ляжки толстые
В кусочки разложили...
[Ядрихинский, 2011, с. 233].

6. Говорящий конь-помощник.

В 160 строках песенного
монолога Мотыльково-белый
скаун, конь Юрюнг Уолана,
предостерегает своего всадника о
грозящей опасности
[Ньургун Боотур, 1975,
с. 140-141].

7. Борьба с чудовищами из Нижнего мира

Борьба богатырей олонхо с
многочисленными абаасы-
чудовищами. Борьба Ньургун

<p>Шулбунун көгү-сүнези Чок кылдыр... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 292]. 5359 Корень Шулбу Весь истребил, В ничто превратил ... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 293]. Чудовище <i>шулбу</i></p> <p>8. Разрешение конфликта в сто- рону победы над злыми силами. Великий пир 5434 Улуг найыр-курумну Тос хонуктуң ишгинде үргүлчүлөп... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 296]. Великое празднество-пир Девять суток продолжалось, ока- зывается... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 297].</p>	<p>Боотура с Уот Усугаакы – главный подвиг богатыря [Ньургун Боотур, 1975].</p> <p>8. Победа над злом. Всеобщий пир 8205 Уйгулаах түһүлгэ Уџараан көрбөтө, Барџа малааһын Баранары билбэтэ... [Ядрихинский, 2011, с. 434]. Пиру щедрому – Конца не видно, Тюсюлгэ богатому – Завершения не заметно... [Ядрихинский, 2011, с. 434].</p>
--	---

Якутский олонхосут также верил в особое сверхъестественное начало своего искусства, которое особенно сильно проявляется в момент исполнения, поэтому после того, как завершал сказывать, он пел отвлекающую песню – *кутурук салайар ырыа*. Об этом хорошо известно в Вилюйской эпической традиции, неукоснительно соблюдаемой олонхосутами региона, но в данном аспекте сказительство еще недостаточно освещено в отечественной фольклористике.

В рассмотренных нами эпосах обнаружены факты, свидетельствующие о наличии типологических и генетических связей между якутским героическим эпосом олонхо и тувинскими героическими сказаниями. Это проявляется не только в схожести эпических мотивов, но и в значительном уровне совпадений в использовании художественно-образительных формул, имен героев, художественных деталей.

Этнографический информант сравниваемых текстов имеет весьма схожие моменты, особенно когда речь идет о мифологических истоках эпических сюжетов. Генетические связи проявляются на разных уровнях воплощения эпической традиции: в сюжетно-композиционной

структуре, стихотворной основе, художественных средствах, языковом материале и особенностях сказительского искусства.

В архаическом пласте языка олонхо и тувинских героических сказаний сохранились общие черты, отдельные элементы, характерные для эпической стилистики народов Южной Сибири и Центральной Азии. Лингвистический аспект исследований может существенно расширить поле для дальнейших работ по изучению раннего этапа тюркской эпической традиции.

Литература

- Байсклан С.М. Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл, 1987.
- Гоголева М.Т., Анисимов Р.Н. Сведения о письменах в якутском героическом эпосе олонхо // Казанская наука. 2013. № 11.
- Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М., 1960.
- Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо / П.А. Ойунский. Якутск, 1975.
- Пухов И.В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. Якутск, 2004.
- Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. М.: 1975.
- Строптивый Кулун Куллустуур: якутское олонхо // Эпос народов СССР. М., 1985.
- Тувинские героические сказания: Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей. Новосибирск, 1997. Т. 12.
- Ядрихинский П.П. Бэдьээлэ. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутск, 2011.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРАЗЫ БАТЫРА И ЕГО БОЕВОГО КОНЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МУСТАЯ КАРИМА

А.М. Сулейманов

Ключевые слов: устно-поэтическое творчество, интертекст, мифологический эпос, Акбузат, самый бело-белый конь, Урал-батыр, свирепый бык, текстология, Хумай, Алып-Манаш, Алтай-Бучай.

Keywords: folklore, intertext, mythical epic, Akbuzat, white horse, Ural Batyr, raging bull, textual criticism, Humay, Aлып-Manas, Altai-Buchai.

Художественная литература на протяжении всей своей истории питается фольклором, который был и остается для нее арсеналом и почвой. В этом отношении башкирская литература не является исключением.

Мотивы башкирского фольклора, в частности, национального эпоса прослеживаются в произведениях, написанных уже раннем средневековье. Таковы любовные дастаны «Йусуф и Зулейха» широко известного в тюркском мире поэта Куль-Али (Кол Гэли), а также «Бузейгет» Бахауи. Такие башкирские поэты, как М.И. Уметбаев, Мифтахетдин бин Камалетдин бин Ишмухамет аль-Башкорди – Акмулла (XIX век), М. Гафури, Ш. Бабич, драматурги Ф. Туйкин, Ф. Сулейманов – Абдулкадир Инан, М. Бурангулов, Б. Бикбай, прозаики Х. Давлетшина, Дж. Кiekбаев, Кирей Мэргэн, Г. Ибрагимов, Я. Хамматов и др. (XX век), во многом обязаны башкирскому фольклору.

С фольклорными традициями связано и творчество народного поэта Башкортостана Мустая Карима, пришедшего в литературу в конце 30-х годов прошлого столетия¹. В поэмах «Тайна» [Карим, 1982, с. 244–250], «Улыбка» [Карим, 1995. с. 347–352] он опирался на традицию восточной сказки (прием создания эффекта комического и новеллистической неожиданности). Сказочное начало проявляется и в поэме об удалом и бесстрашном красноармейце-разведчике Ульмасбае («Ульмасбай») [Карим, 1995. с. 324–339].

Мустай Карим использовал фольклорные сюжеты². Почти каждое его произведение пропитано тонким народным юмором. В его прозе, а также в дневниках и воспоминаниях часто встречаются малые юмористические жанры фольклора, такие, как кулямасы-анекдоты и притчи-кикматы.

Некоторые образы и мотивы стихотворений, поэм, рассказов и повестей Мустая Карима отсылают к мифологическому эпическому кубаиру башкирского народа «Урал-батыр» (например, написанные в годы Великой Отечественной войны стихотворения «Я ухожу на фронт, товарищи!», «Мой конь», поэма «Ульмасбай» [Карим, 1995. с. 30–31, 35–

¹ Глубокому усвоению фольклора Мустаем Каримом, видимо, способствовали и детские впечатления от рассказов Старшей матери, далее его учеба на филологическом факультете Башгоспединститута им. К.А. Тимирязова (Уфа), где наряду с другими предметами преподавали и курс родного фольклора, а также близкое общение с известным башкирским фольклористом и сэсэнном Мухаметша Бурангуловым (1888–1966), обучавшемся в 30-е годы на заочном отделении того же учебного заведения. Мухаметш Бурангулов записал эпический кубаир «Урал-батыр» и всю жизнь обрабатывал его. Материалы эти не опубликованы, они хранятся в личном архиве фольклориста и в научном архиве Уфимского Института истории, языка и литературы.

² В этом отношении, в частности, особенно примечательна его повесть для детей «Таганок» [Карим, 1997, с. 159–229].

36, 324–339], а также повести «Таганок», «Долгое-долгое детство» [Карим, 1997, с. 230–466] и эссе «Башкортостан, который во мне» [Карим, 1999, с. 437–451], написанные им уже после войны). В повести «Таганок», адресованной детям, есть сцена единоборства мальчика по имени Габдулла со свирепым быком, которого боялись все жители деревни Буркутлы. Деревенский свирепый бык, набросившийся на мальчика, ассоциируется с образом огромного, как гора, быка, поддерживающего дворец свирепого царя Катила. С этим быком вступает в единоборство Урал-батыр, герой одноименного мифологического эпоса башкирского народа [БНЭ, 1977, с. 55–161, 365–372].

В других произведениях, перечисленных нами выше, приоритетное место занимает образ Акбузата, мифического богатырского коня Урал-батыра, персонажа не только кубаира «Урал-батыр», но и эпических кубаиров «Идел и Яик» [БНТ, 2006, с. 57–75], «Акбузат» [БНЭ, 1977, с. 162–205, 373–417], частично и эпоса-иртыка «Миняй-батыр и царь Шульген» [БНТ, 2004, с. 26–74] и его продолжения «Кунур-буга» [БНЭ, 1977, с. 243–262, 455–473], образующих целый цикл.

Акбузат встречается и в мифологическом эпосе «Заятуляк и Хыухылу» и в историческом кубаире «Идукай и Мурадым», в той части сюжета, где использован традиционный международный тематический мотив «благородные кони выходят из подводного царства» [БНЭ, 1977, с. 206–215, 418–427; БНТ, 2004, с. 183–201]. Кроме того, Акбузат – один из важных персонажей волшебных и волшеббно-героических сказок типа АТ 653 А (О трех женихах-соперниках, добывающих для царевны чудесные подарки) и АТ 437 (Царь-девица), какими являются сказки «Зайнулла и Красота», «Ахмат-жулик» [БНТ, 1976, № 87; БНТ, 1976, № 17].

В названиях многих башкирских народных протяжных песен – клички и масти лошадей («Акха-кула», «Кола атым» – «Саврасый конь мой», «Кара юрга» – «Черный иноходец» и т.д.). В репертуаре башкир сохранилась и песня «Акбуз атым менеп» – «Верхом на коне Акбузате», «Акбузат» [БНТ, 1974, с. 163–165, 167–168, 246]. Конь белой масти – Акбузат – встречается и в других песнях («Якшы ғына атка» – «Лучшему коню», «Аж куян» – «Белый заяц») [БНТ, 1974, с. 210, 260], особенно часто фигурирует в так называемых разных, то есть не имеющих специальной мелодии и исполняемых на любой мотив, песнях народа. На двух страницах тома «Башкирское народное творчество» 14 куплетов подряд начинаются со слова «Акбузат»: «Акбузатты күрмәнем, Күрһәм тотә белмәнем» – «Акбузата я не встречал, встретив же, поймать не сумел», «Акбуз аттар һирәктер» – «Акбузаты редки» и т.д. [БНТ, 1977, с. 147–148].

Хотя слово «Акбуз» обычно переводят на русский язык как «светло-сивый», в просторечии и в мифах башкир это синоним слова «белый»:

«Акбузат» – «Белый конь». А белый у башкир считается благородным цветом¹. И, действительно, Акбузат в мифах, эпосах, сказках и легендах оправдывает свое имя. Он становится верным помощником героя, способным самостоятельно совершать благородные поступки. Владая человеческим языком, этот конь помогает батыру мудрыми советами. Таким предстает он и башкирских народных песнях: «Акбузаткай ап-ак була, Йомро була баштары» – «Акбузатом [называется] белый-белый конь, имеющий круглую, то есть умную, голову». В эпосе «Урал-батыр» Акбузат может летать, как молния. Если «в огонь попадет – не сгорит, в воде не утонет, ветру не даст угнаться за собой». Когда он скачет, «камень на месте не улежит, воды вспенятся, забурлят, рыба не сможет плыть по волнам», ударит копытом – «гора Каф»² рассыплется. Там, где «пересек море Акбузат дорога поднялась», по ней «шли люди следом за ним» [БНЭ, 1977, с. 125, 335–336, 132, 343].

Акбузат и булатный меч, острый как алмаз, подвешенный на луке седла, – мерило настоящего батыра. Только тот, кто может удержаться в седле Акбузата и умеет владеть алмазным мечом, считается настоящим батыром. Такой батыр олицетворяет добро и борется со злом. Таким батыром оказался Урал. Готовые образы – носители высоких идей – Урал-батыр, его алмазно-булатный меч и Акбузат – вошли в произведения Мустая Карима.

Впервые образ Акбузата встречается в стихотворении «Я ухожу на фронт, товарищи!» (1941). Отец оседлал для новобранца Акбузата, и не просто Акбузата, а «самого горячего, самого белого» Акбузата.

*Оседлал отец , сплетав его гривы,
Самого горячего , самого-самого белого Акбузата*
(Подстрочник) [Карим, 1995, с. 30].

Короткого сообщения достаточно, чтобы образ егета-призывника, севшего на Акбузата и жаждущего наброситься на врагов, начинает ассоциироваться с образом Урал-батыра. Строка из стихотворения «Оседлал отец, сплетав его гривы» созвучна со следующими словами из эпоса «Урал-батыр»: у богатырского коня Акбузата «грива расчесана, как у девушки [волосок к волоску]» [БНЭ, 1977, с. 334]. Сплетенность и

¹ Ивана IV (Ивана Грозного) башкиры очень почитали и называли его не иначе как «Ак бей батша», то есть «Благородный царь» в знак уважения за то, что он сдержал свое обещание о признании веры, обычая и вотчинного права башкир на землевладение. Это выражено в его «жалованных грамотах», имеющих статус договора между Великим Московским княжеством и Историческим Башкортостаном при объединении их в 1557 году.

² Гора Кафтау – кораническая мифическая гора. Ошибаются те, кто считает, что это Кавказские горы.

расчесанность грив Акбузата в обоих случаях говорит о его ухоженности.

Мотив «украшение коня» присутствует и в другом мифологическом эпическом кубаире башкирского народа, а именно в эпосе «Кара Юрга» – «Черный иноходец». Кара Юрга обижается на своего хозяина за то, что тот обращается с ним не по-хозяйски. Свою обиду этот конь излагает таким образом:

*И весной едешь на мне верхом,
И осенью на мне верхом,
К голому колу привязываешь меня,
Пересчитываешь ребра мои (то есть бешь)...*

Конь может уйти от него, обидевшись на своего хозяина, как Акхак кула-Хромой саврасый, герой из другого одноименного эпоса башкир. Башкирская поговорка гласит: «Конь – крылья мужчины». Поэтому хозяин Кара Юрги торопится дать обещание никогда не обижать его, хорошо ухаживать за ним:

*О мой Кара Юрга!
О мой Кара Юрга!
Густые твои гривы
Украшу позументом, мой Юрга
Круглые-круглые копыта твои
Подкую, мой Юрга! [БНТ, 1998, с. 268].
(Подстрочный перевод авт.)*

Обещание хозяина украсить своего коня – это знак хорошего отношения к нему. И это условие того, что животное станет добрым и верным помощником своему хозяину. Мотив верности коня хозяину сближает стихотворение Мустая Карима и с кубаиром «Кара Юрга». Неслучайно в госпитале раненому молодому красноармейцу снится его боевой конь Акбузат, который рассказывает, как он тоскует по нему, чужих не допускает [Карим, 1995, с. 35–36]. Боевой конь Акбузат напоминает его тезку из эпических кубаиров «Урал-батыр», «Идель и Яик», «Акбузат», «Миняй-батыр и царь Шульген».

Все это так. Но для полноты ассоциации в этих двустопных первой строфы не хватает маленькой по форме, но по сути очень содержательной детали – меча: именно меч – главный атрибут батыра. Поэт, хорошо понимая недопустимость такого пробела и следуя поэтическому замыслу своего произведения, во второй строфе восполнил его. Конечно, в эпосе «Урал-батыр» – алмазно-булатный или «булатный меч, острый как алмаз», которого

«Долгие годы закаляло...

*Солнце на пламени своем.
И Огонь, способный расплавить весь мир,
Не сможет расплавить его [БНЭ, 1977, с. 336].*

Мать же воина перед отправкой его на фронт протягивает ему не простой меч, а «меч, наводящий ужас на врагов» («дәһшәт кылысын»), «вернувшийся с победой с крупных битв» [Карим, 1995, с. 30]. Этот меч напоминает алмазно-булатный меч Урал-батыра, переходящий в руки его верных потомков после смерти воина: сперва – к сыновьям, героям кубаира «Идель и Яик», потом – Хаубена, главного героя эпического кубаира «Акбузат», позже (по одной из версий исторического кубаира «Идукай и Мурадым») его получил Идукай, главный герой этого эпоса. «Меч, наводящий ужас на врагов» и «вернувшийся с победой с крупных битв», переданный матерью своему сыну-бойцу, ассоциируется с мифическим Алмазным мечом Урал-батыра, всегда приносящим своему хозяину удачу.

Герой Мустая Карима, уходя на фронт, обращается к своим родителям, отцу и матери, а также другим людям, называя их «товарищами» (это слово подразумевает весь народ), и дает обещание:

*Верь, отец мой, мой Акбузат,
Оседланный тобою, не споткнется,
А меч, омытый, мать, твоими слезами,
Окроплю я вражеской кровью [Карим, 1995, с. 30].*

Эпическому герою Урал-батыру характерна открытость: с кем бы он ни встречался, в какую среду ни попадал, он не скрывает своих намерений. Не робел он и перед грозным царем Катилом, хотя тот представлен в эпосе настоящим страшилищем:

*На троне, который несли рабы.
Словно взбесившийся верблюд.
Словно крови жаждущий медведь,
С налитыми кровью глазами,
Нахмурившись злобно.
Свирепый в гневе своем,
С затылком, как у кабана,
С ногами, как у слона,
Кумысом¹ налившийся, как саба²,
С противным, огромным животом,
Людей в гневе своем*

¹ Кумыс – национальный питательный напиток из кобыльего молока.

² Саба – цельно-кожаный сосуд для хранения кумыса.

*Заставляющий головы склонить
Появился падишах Катил...* [БНЭ, 1977, с. 285–286].

Перед царем, его вельможами и народом Урал-батыр смело объявляет:

*«Я отправился для того,
Чтоб невидимую Смерть сразить,
От кровожадного падишаха,
От людоеда-дива
Всех людей освободить,
Из Живого родника воду взять
И мертвых воскресить, –
Вот для этого я батыром родился!»*
[БНЭ, 1977, с. 288]
(Подстрочник)

Как бы туго ни приходилось, Урал-батыр сдерживает все свои обещания, за исключением последнего.

В вышеупомянутом стихотворении «Мой конь» [Карим, 1995, с. 1, 35-36], написанном в 1942 году в госпитале, поэт опять обращается к образу своего боевого коня Акбузата. Акбузат, который приснился ему, как и в эпосе, заговорил на человеческом языке. Он жалуется, как ему трудно без хозяина. «Три месяца... злые ветры стараются сорвать ленту, которой ты сплетал мои гривы», – говорит он. Однако при этом Акбузат уверяет, что ноги посторонних ни разу не наступали на его стремя.

Эпиграфом к стихотворению «Мой конь» служат слова, взятые поэтом из народной паримей: «Конь – крылья мужчины». Не оспаривая этих мудрых слов народа, в то же время поэт утверждает: «Конь без мужчины – не конь». Акбузат говорит: «Выздоровлявай быстрее, Тяжело мне без тебя, ...бывало так, когда ты наступал на стремя, воодушевлялся я сильно». В сводном кубаире «Большой «Урал-батыр» мифический Акбузат – верный помощник Урал-батыра, главного героя этого эпоса, которому также было тяжело после смерти хозяина.

В стихотворении «Мой конь» – архетипический сюжет, как и в легенде из эссе Мустай Карима «Башкортостан, который во мне». Ее герой – егет-башкир – по велению Владыки сшил Европу и Азию, и на месте «шва получилась гора несметных сокровищ» [Карим, 1999, с. 441]. Сюжет этой легенды тесно соприкасается с сюжетом эпоса и воспринимается как одна из версий «Большого «Урал-батыра». Такой ассоциации способствует и кархуз-сказание Старшей матери об

Акбузате, спустившемся с неба, потом вернувшимся обратно, после смерти хозяина.

В другом стихотворении («Когда болела мать» [Карим, 1995, с. 1, 177–179]) образ самого поэта-воина как бы сливается с образом Урал-батыра. Соседка матери увидела во сне поэта-воина, находящегося на передовой линии фронта, в белой рубашке верхом на Акбузате. По поверьям башкир, белая рубашка, увиденная во сне, олицетворяет надежду, а белая рубашка, надетая на тело, – осуществление надежд. Таким образом, сон соседки, выдуманный для успокоения матери поэта-фронтовика, символизирует надежду матери, страстно желающей увидеть сына вернувшимся с фронта живым и невредимым, хотя она и догадывается об обмане соседки.

Одно лишь упоминание Акбузата отсылает к образу эпического богатырского коня, олицетворяющего собой носителя только благородных идей. И это упоминание укрепляет надежду матери поэта.

В 1942–1944 годах, в самый разгар Великой Отечественной войны, Мустай Карим написал поэму «Ульмасбай» в духе возвышенного романтического историзма, традиционно характерного для народного героического эпоса. Герой поэмы – Ульмасбай – гордо заявляет о себе, что он никто иной, как потомок самого Урал-батыра, творившего только добро для человечества и всего сущего:

Урал батыр токомонан

Улмасбай атлы егет.

Я – есть из племени Урал-батыра

Егет по имени Ульмасбай» [Карим, 1995, с. 1, 324].

«Ульмасбай» значит «бессмертный». Думается, что, дав такое имя своему герою, поэт, во-первых, подчеркнул связь этого имени с именем отца главного героя эпоса «Урал-батыр», которого зовут «Янбирде». Традиционно исследователи склонны объяснять этимологию этого имени как «дающий жизнь». Видимо, Мустаю Кариму было знакомо такое толкование¹. В другой интерпретации –

¹ До сих пор авторы ряда статей и других трудов об эпосе «Урал-батыр», Янбирде – Янбирде, имя отца главного героя этого памятника, переводят на русский язык напрямую как «дающий жизнь», при этом вопрос «а как объяснить на русском языке имя Янбика, жены его?» оставляют обычно без ответа. По мнению Г.Б. Хусаинова, они оба «являются первыми людьми, демиургами, дающими жизнь новому поколению. Имена их соответствуют их носителям» [Хусаинов, 2003, с. 220]. А.С. Мирбадалева высказалась на этот счет как бы завулированно: «Здесь (то есть в “Урал-батыре”. – А.С.) прослеживаются отголоски легенд о всемирном потопе, о возрождении жизни на земле после потопа, о первой паре людей, положившей начало человеческому роду. Это отец и мать Янбике, давшие жизнь Урал-батыру и его брату Шульгену» [БНЭ, 1977, с. 12].

олицетворение всего рода или народа, как и Урал-батыр. В клятве героя стихотворения «Я ухожу на фронт, товарищи!» – аллюзия на образ Урал-батыра на белом коне и Акбузата с алмазно-булатным мечом в руках.

Образ Акбузата присутствует и в прозе Мустая Карима. В повести «Долгое-долгое детство» приводится рассказ Черного Юмагула [Карим, 1997, с. 238], и образ Акбузата помогает раскрыть в этом самом обыкновенном сельском труженнике, обычно скупом на слова, – фантазера и мечтателя. Причина метаморфозы – превращения молчуна в словоохотливого собеседника – страстное желание его скорее стать отцом и предчувствие, что вот-вот его ожидание сбудется. Следовательно, факт рождения сына у Черного Юмагула символизирует начало реализации чаяний простого сельчанина о счастливой жизни. Акбузат и есть символ надежды.

Чтобы скоротать время, проходящее в томительном ожидании рождения сына, он вьет аркан, якобы для того, чтобы в будущем сын, достигнув семнадцати лет, возраста егета, этим арканом поймал Акбузата. Если образ этого благородного коня олицетворяет мечту о счастливой жизни (недаром он Акбузата называет не иначе, как «ырыс толпары» – «тулпаром – крылатым конем – счастья») [Карим, 1997, с. 238], то аркан, который он вьет, символизирует то, что он знает или обязательно найдет способ достижения ее. Так выражается мысль о том, что счастье человек создает сам.

Рассказ-воспоминание «Белое чудо», как и вышеупомянутые произведения М. Карима, тоже созвучен с башкирским народным эпическим кубаиром «Урал-батыр». Этот рассказ посвящен Белому коню, любимцу всей семьи Каримовых. Как-то Муртаза, старший брат пятилетнего Мустафы, купил на базаре бело-белого жеребца. Вот как описал он позже свое детское впечатление от первой встречи

Такие объяснения этимологии имен родителей героя, путем прямого перевода только имени отца и подгонкой имени матери под это толкование, не выдерживают критики. Во-первых, если пойти по методу прямого перевода, то Йәнбикә – Янбике состоит из двух корней – йән – душа + бисә-жена (женщина). Во-вторых, Янбирде и Янбике и их сыновья не одни жили на земле, Урал-батыр и его брат Шульген, отправившись на поиски Живой воды, встречаются с другими людьми, целыми народами, побывав в разных странах. Урал-батыр например, обошел пять стран-земель. Об этом сказал и Хумай: «Пять стран я узнал: В одной я родился сам. Две увидел, когда странствовал я, Остальные же две Отправился повидать» [БНЭ, 1977, с. 317]. В-третьих, слово «йән» как приставка представляет собой сокращенную форму слова-приставки «Ейән-» основной части имени. По старинному обычаю башкир, такие имена как Ейәнбизе, Ейәнбика, Ейәнсура, Ейәнгол, Ейәнбәк и т.д. давали ребенку, если он родился в доме деда по матери.

с ним: *«Вдруг калитка распахнулась. Сначала мой Самый Старший брат Муртаза показался. Следом – белая-белая лошадь. Не шагом – приплясывая, вошла. Муртаза-агай коротко держит уздечку, но белый жеребец уже возле самого окна все же поднялся разок на дыбы. То ли от радости, то ли дичится еще. Странно вдруг стало мне – радость и страх. Можно подумать, что впервые увидел лошадь. Не по земле ступала – с облака сошла она, словно из сказки, которую рассказывала Старшая Мать. Смотри, какой богатырь мой Муртаза-агай, крепко за уздечку держит! Только вошел конь – осветилось все кругом, казалось, с пышного длинного хвоста, густой растрепанной гривы стекают на землю белые лучи.* Я обмер, замороженный. Но тут же расколдовался. Отбросил одеяло, соскочил с хике¹ и выбежал (а он в это время лежал больным. – А.С.) на улицу. *Страшно стало: если не выбегу, не удержу, конь улетит обратно»* [Карим, 1998, с. 289]. Впечаталения маленького Мустафы (как будто *«бело-белая лошадь ... с облака сошла»*, когда она вошла во двор *«осветилось все кругом, казалось, с пышного длинного хвоста, густой растрепанной гривы стекают на землю белые лучи»*) и опасение мальчика о том то, что, если не удержать коня, то он *«улетит обратно»* в небо, создают эффект романтико-возвышенной фантастики, характерной для волшебных сказок и мифолого-героического эпоса при описании небесного богатырского коня. А сравнение Самого Старшего брата Муртазы, крепко дежавшего за уздечку бело-белого коня, с богатырем напоминает эпического героя, укротителя коня. Ассоциации заданы замечанием мальчика *«Не по земле ступала – с облака сошла она, словно из сказки, которую рассказывала Старшая Мать»* в процитированном выше отрывке из рассказа «Белое чудо». Видимо, Старшая Мать, учитывая, что ее слушает малолетний ребенок, поведдала ему содержание варианта неизвестной нам версии сказания «Урал-батыр» как увлекательной сказки². И в известной нам версии его, записанной М.А. Бурангуловым от Габит-сээна Аргынбаева и Хамит-сээна Альмухаметова, Белый конь-Акбузат тоже спускается с неба.

¹ Хике – деревянные нары, где спят и готовят чай.

² Приведенный из рассказа-воспоминания «Белое чудо» отрывок говорит еще о том, как глубоко запало в душу маленького Мустафы рассказанное Старшей Матерью сказание о мифическом Урал-батыре и его боевом коне Акбузате, объясняя, почему всю жизнь поэт обращался к фольклору. Он помогал поэту выразить лучшие этические представления башкирского народа. Не зря, наверное, он Акбузата называет не просто белым конем, а именно «самым-самым белым», «бело-белым» конем (например, в стихотворении «Я ухожу на фронт, товарищи» и рассказе «Белое чудо»).

Богатый фантазией маленький Мустафа, увидев через окно коня белой масти, купленного Самым Старшим братом, про себя называет его Акбузом. В эпосе, услышанном им из уст Старшей Матери, тулпар – мифический крылатый конь Акбузат. Ребенок воспринял реального Акбуза как бы через призму мифического Акбузата. Эстетическое видение мальчика, как нам кажется, имеет важное теоретическое значение. Маленький Мустафа боится, что бело-белый конь – реальный Акбуз – может улететь обратно в небо. В известной нам версии эпоса «Урал-батыр» отсутствует цельный тематический мотив (мини-сюжет) *«Акбузат обратно возвращается в небо»*.

В пользу того, что в более полной, но не дошедшей до нас версии эпического кубаира «Урал-батыр» присутствовал цельный тематический мотив (мини-сюжет) *«Акбузат обратно возвращается в небо»*, говорят и алтайские эпосы «Алып-Манащ» и «Алтай-Бучай», имеющие ряд типологически сходных с башкирским эпосом моментов [ГСк., 1961, с. 21–67, 416–460]. Во всяком случае, чудесные богатырские кони в них, как и Акбузат Урал-батыра, до поры до времени находятся на небе в качестве звезд, в нужный момент спускаются оттуда на землю и становятся верными помощниками богатырей: один – Алтай-Бучая, другой – Алып-Манаша.

Богатырский конь Алып-Манаша чудесной золотой пеной восстанавливает свою силу и спасает своего хозяина. Вечномолодая супруга-вдова Урал-батыра в облике птицы-женщины жаловалась Хаубану (главному герою кубаира «Акбузат», представляющего собой продолжение кубаира «Идел и Яик», который в свою очередь является непосредственным продолжением с пропусками эпоса «Урал-батыр») на то, что по приказу Масем-хана его слуги подстрелили ее и, изрезав ее крылья, сбросили со скалы. Узнав об страшной беде Хумай, «Хаубан смазал ей крылья пеной изо рта Акбузата, и крылья у птицы зажили» [БНЭ, 1977, с. 414].

Такое сходство тематических мотивов алтайского и башкирского эпосов не может не наводить на мысль о том, что мы имеем дело либо с проявлением общего для них закона художественной универсалии, либо с генетически общими источниками. Поэтому вполне уместен вывод о том, что не только в версии эпоса «Урал-батыр», рассказанной Старшей матерью Мустаю Кариму в его детские годы, но и в его версии Габит-сэсэн и Хамит-сэсэн, записанной в начале XX века Мухаметша-сээном Бурангуловым, тематический мотив *«После смерти Урал-батыра и его сыновей Акбузат возвращается обратно на старое*

местонахождения на небе» присутствовал, но по какой-то причине выпал из общего сюжета, образовав лауну.

Рассказ-воспоминание о белом коне Мустая Карима наталкивает на гипотезу, которая при типологическом изучении эпических памятников алтайцев и башкир позволяет реконструировать мотив, выпавший из дошедшего до нас варианта эпоса: «если Акбузат, крылатый конь-тулпар Урал-батыра, ранее выполнявший роль звезды, спускается на землю, то чудесный конь Алып-Манаша», тоже спустившийся с неба, «превращается опять в звезду, потом возвращается на землю. Пребывание коня Алып-Манаша между небом и землей подводит к выводу о том, что в более полном, но, к сожалению, не дошедшем до нас, варианте эпоса «Урал-батыр» Акбузат мог проявить такую же способность» [Сулейманов, 2010], иначе говоря, исполнив свой земной долг, вернуться обратно на небо.

Итак, мотивы национального фольклора придавали произведениям Мустая Карима иносказательность. Благодаря этому его произведения приобретали смысловую глубину, доступную не всем читателям. Незнание национального фольклора становится причиной того, что некоторые переводчики переиначивают содержание произведений народного поэта. Так, например, случилось со стихотворением «Я ухожу на фронт, товарищи». В оригинале, как уже было сказано, отец оседлал для своего сына, уходящего на фронт, «самого горячего, самого-самого белого Акбузата», сплетя его гривы; мать же протягивает сыну «меч, наводящий ужас врагам», «вернувшегося с победой с крупных битв». В переводе М. Шехтера: отец оседлал «своего коня», мать вручила «дедовский клинок» [Карим, 1982, с. 12]. Из-за таких неточностей и упрощений традиционных фольклорных образов нарушается образная система стихотворения, в подтексте которой – ощущение героем самого себя как продолжателя дел Урал-батыра. Таким образом, даже в результате незначительного, на первый взгляд, переиначивания отдельных выражений, допущенных переводчиком, теряется эпохальная связь времен, что приводит к упрощению всего произведения¹.

¹Проблема перевода заслуживает отдельного и специального обсуждения и выходит за рамки задач нашей статьи. Здесь мы позволим себе ограничиться только вышеуказанными замечаниями. Тем не менее, к сказанному хочется добавить одно пожелание: при переводе произведений с оригинала на любой другой язык не мешало бы переводчикам интересоваться менталитетом и этническим типом мышления народа, творчество которого представляет автор. В противном случае и в художественном, и в идейном плане мы получим совершенно другое, искаженное, далекое от оригинала произведение.

Список сокращений

БНТ – Башкирское народное творчество.
БНЭ – Башкирский народный эпос.
БУБ – Большой «Урал-батыр»
Гск. – Героические сказания.

Литература

- Башкирское народное творчество: Песни. Уфа, 1974. Кн. 1.
Башкирское народное творчество: Песни. Уфа, 1977. Кн. 2.
Башкирское народное творчество: Сказки. Уфа, 1976. Кн. 1.
Башкирское народное творчество: Сказки. Уфа, 1976. Кн. 2.
Башкирское народное творчество. Уфа, 1998. Т. 3.
Башкирское народное творчество. Уфа, 2004. Т. 7.
Башкирское народное творчество. Уфа, 2006. Т. 8.
Башкирский народный эпос. М., 1977.
Большой «Урал-батыр»: Предисловие, составление сводного текста эпоса, дополнение белых пятен его по принципу художественной универсалии, послесловие и ответы на вопросы и замечания оппонентов // Ватандаш. 2013. № 1, 2, 3, 4, 5, 6.
Героические сказания. Горно-Алтайск, 1961.
Карим М. (Каримов М.С.). Стихи и поэма. М., 1982.
Карим М. (Каримов М.С.). Сочинения в 5-ти тт. Уфа, 1995. Т. 1.
Карим М. (Каримов М.С.). Сочинения в 5-ти тт. Уфа, 1997. Т. 3.
Карим М. (Каримов М.С.). Сочинения в 5-ти тт. Уфа, 1998. Т. 4.
Карим М. (Каримов М.С.). Сочинения в 5-ти тт. Уфа, 1999. Т. 5.
Хусаинов Г.Б. Духовный мир башкирского народа. Уфа, 2003.

АРХАИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ В ПОЭМЕ В. ИТИНА «КААН-КЭРЭДЭ» (К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «МАЛЫХ НАРОДОВ» В СИБИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920-Х ГОДОВ)

Т.П. Шастина

Ключевые слова: литературный регионализм, русская литература Сибири, журнал «Сибирские огни», мотив, этничность, Ойротия.

Keywords: regionalism in literature, Russian literature of Siberia, journal «Sibirskie Ogni», motif, ethnicity, Oirotia.

В междисциплинарных гуманитарных исследованиях новейшего времени литературные произведения, посвященные «малым народам»

России (Советского Союза), все чаще привлекаются для ответа на «загадку культурной чуждости», рассматриваются как исходная точка для построения русскими своих представлений о человеческой и национальной идентичности [Слезкин, 2008]. На языке обобщающих категорий раннесоветского проекта, названного Терри Мартином «империей положительной деятельности» [Мартин, 2011], «малые народы» – это «туземцы» и «нацмены» (представители национальных меньшинств). Народам «крайних пределов Севера» [Небольсин, 1849, с. 113] в 1920-е годы посвящается значительный массив художественных произведений в духе «великого кочевья», «большого путешествия» – символического травелога от отсталости к прогрессу [Слезкин, 2008, с. 329-343]. Но народы юга Сибири, исторически меньше интересовавшие русских с экономической точки зрения, в частности, коренные этносы Горного Алтая *ойроты*, *кумандинцы*, *телеуты*, включенные вплоть до 1948 года (года переименования Ойротской автономной области в Горно-Алтайскую) в «Официальный перечень отсталых национальностей» [Мартин, 2011, с. 236-237], записываются в категорию *экзотических, полудиких, малоисследованных, «литхудно»* (неологизм советского времени) практически не освоенных.

В 1926 году благодаря беспрецедентной работе журнала «Сибирские огни» (далее СО) по собиранию и возвращению литературных сил региона был создан Сибирский Союз Писателей. Его принципиальное отличие от существовавших в то время писательских организаций страны (ВАПП, РАПП) маркировалось шестым пунктом Платформы этого творческого союза, который гласил: «Значительное внимание союз должен уделить отражению жизни туземных народностей Сибири, использованию глубочайших родников их устного творчества» [СО, 1926, № 3, с. 229]. «Показ возрождения национальностей Сибири», значительность вещей, «посвященных тунгузам и алтайцам» были поставлены журналу в заслугу – практически единственную – столичной критикой [Никонов, URL]. Одной из «значительных вещей» об алтайцах, безусловно, была поэма «Каан-Кэрэд» В.А. Итина, возглавлявшего составленную В.Я. Зазубриным обойму молодых талантливых сибирских литераторов [СО, 1926, № 3, с. 222]. Поэма в прозе «Каан-Кэрэд», созданный В. Итиным на ее основе в 1928 году сценарий игрового фильма, журнальные публикации и отдельные произведения 1920-х годов, посвященные алтайцам (ойротам) как малому народу и их автономной области – Ойротии являются предметом рассмотрения в данной статье.

«Литхудная» (литературно-художественная) продукция признавалась в СССР «наиболее тонким и чувствительным орудием идеологии» [Вольфсон, 1929, с. 15]. Идеологически выверенная иерархия художе-

ственной литературы региона в 1920-е годы начиналась с «туземной Сибири» [Вейсберг, 1927, с. 4]. В этой тематической нише официально рекомендовалось описывать быт и религиозные представления туземцев, сравнивать постановку национального вопроса в царской России и в СССР, положение туземцев в дореволюционной России и в настоящее время. Сами же художники от «соприкосновения с первобытным искусством нацменьшинств, роскошью природы» ждали «новый, здоровый взлет вверх сибирского искусства» [Копылов, 1927, с. 7].

Во второй половине 1920-х годов сибирскими литераторами остро ощущалась неизбежность наступления «железного века» в Стране Советов (в прямом – индустриальном и переносном – идеологическом и милитаристском смысле этого «металлического» определения). «Позвериному» влюбленный в природу Сибири В.Я. Зазубрин, заканчивая на первом съезде сибирских писателей доклад «Сибирская литература 1917-1926 г.г.», решительно резюмировал: «Пусть рыхлая, зеленая грудь Сибири будет одета цементной бронью городов, вооружена каменными жерлами фабричных труб, скована тугими обручами железных дорог. Пусть выжжена, вырублена будет тайга. Пусть вытоптаны будут степи <...> Ведь только на цементе и на железе будет построен железный союз всех людей. Железное братство всего человечества» [СО, 1926, № 3, с. 224].

На фоне этого высказывания совершенно органично воспринимаются метафоры «стальная птица», «железный конь», обозначившие новые реалии советской действительности. Одной из них был самолет «Сибревком», в агитационных полетах которого принимали участие новосибирские писатели, в том числе сам В. Зазубрин и В. Итин. Сибирь, увиденная с высоты, поражала гигантскими размерами и разнообразием пейзажей, она действительно убеждала в правоте областников XIX века, которые предложили «концепцию сибирского ландшафта, воспринимавшегося прежде всего как целостность» [Анисимов, 2005, с. 55].). Поэтому Зазубрин и отмечал, что «...Кравков рисует Сибирь саянскую, Фраерман – амурскую, Далецкий – приморскую, Урманов – степную» [СО, 1926, № 3, с. 222]. Следуя этой логике, можно сказать, что Итин рисует Сибирь *горную, алтайскую* – он «сшибает в своих вещах старый и новый быт, на полудикарский быт сибирских туземцев опускает самолет – последнее достижение техники» ([СО, 1926, № 3, с. 222].) – речь здесь идет о поэме в прозе «Каан-Кэрэд».

На собраниях литературного кружка в Новосибирске (создан в октябре 1925 года, руководители В. Зазубрин, Н. Изонги, В. Итин) авторские читки этого произведения проходили с большим успехом. Позднее Е. Пермитин в автобиографической трилогии представит Итина на со-

браниях этого кружка «до девической застенчивости скромным», «человеком большой культуры» [Пермитин, 1986, с. 98]. К моменту публикации поэмы Итин был хорошо известен в Сибири как поэт и автор первой советской фантастической повести «Страна Гонгури». Кредо Итина соответствовало духу времени: «Глядя, одноглазый, поверх винтовки, на волны бешенства бурные, / Рассказывать неслыханные поэмы... [Итин, 1923, с. 49].

Такой «неслыханной поэмой» и стала его повесть «Каан-Кэрэдэ». Название Итин взял из алтайского фольклора: Каан-Кэрэдэ, Хан-Гариде, Хан-Хиредэ – царь птиц Орел в монгольских и алтайских сказках [Потанин, 1948, с. 392-394]. «С одной стороны, это страшная грозная птица, приносящая людям горе, с другой – птица выступает как символическое выражение мечты человека о полете в небо» [Кондаков, 1983, с. 84]. В основу сюжета были положены личные впечатления автора [Итин, 1925, с. 26-30], корреспонденции В. Зазубрина ([Зазубрин, 1990, с. 388-413], сведения о широко освещавшемся в прессе международном авиAPERелете Москва – Пекин – Токио, в котором участвовали писатели [Рихтер, 1926], журналисты, кинооператоры. Уже в первой заметке Итина «В борьбе со стихией» [Советская Сибирь, № 122, 1925] о полете «Сибревкома» намечается мотивный комплекс будущей поэмы. 1. Воздушный полет – это большой риск; авиаторы – люди героические. 2. Противопоставление комфортных европейских авиалиний сибирским «прыжкам» над неведомым пространством. 3. Земля с высоты выглядит совсем иначе.

Самолет «Сибревком», в числе пассажиров которого был В. Итин, прилетел в Ойротию 21 июля 1925 года [Город, 1998, с. 32-34]. Подробности ойротского митинга на импровизированном аэродроме не дошли до нашего времени, но их легко можно реконструировать по очерку В.Я. Зазубрина, наблюдавшего подобные акции на маршруте Новосибирск – Томск – Кузбасс: «Вечером на собрании ораторы говорили о международной буржуазии, о воздушной газовой войне, о борьбе с саранчой, о перевозке почты и пассажиров. Слова тусклые, как лозунги на выцветшем знамени. И все же гвоздями в сознании вязли и будущая война, и мирная работа, и авиаким» [Зазубрин, 1990, с. 400-401].

А. Коптелов, воссоздавая предысторию «Каан-Кэрэдэ», рассказывал о подобном митинге в соседнем Бийске, откуда «Сибревком» отправился в Улалу (столицу Ойротии) и далее в село Чемал, где при посадке сломалось шасси, и летчики вынуждены были задержаться на неделю. Мемуарист с высоты своих современных знаний об алтайской истории, культуре и фольклоре (уже с 1930-х годов Коптелов считался среди советских писателей лучшим знатоком Ойротии – Горного Алтая) заост-

рил внимание на деталях, поясняющих смысл названия и отдельных сцен поэмы: «Даже из дальних долин съехались алтайцы посмотреть «железного орла», который для них как бы олицетворял собою сказочную птицу Каан-Кэрэдэ. В те годы на Алтае еще был жив шаманизм. Там-сям можно было видеть поднятые на жердь шкуры лошадей, принесенных в жертву злему богу Эрлику. Но <...> с ним велась борьба. Ловкий пройдоха шаман Кондрашка Танашев, в поисках легкого заработка, изображал шаманские пляски на сценах театров Бийска и Барнаула. Один из камов (так на Алтае называли шаманов) примчался в Чемал и за деньги согласился пошаманить перед “небесными гостями”. Для писателя это зрелище явилось находкой» [Коптелов, 1961, с. 11].

Анне Гарф, работавшей в Горном Алтае над подготовкой алтайских сказок к публикации на русском языке, необходимо было для комментария представить камлание в деталях, но она была уверена, «если еще были на Алтае камы, то все они занимались общественно-полезным трудом... Ни один из них не согласился бы камлатъ» [Павел Кучияк, 1979, с. 56]. Чтобы воссоздать образность и этнопоэтику шаманской мистерии для столичного литератора, писатель Кучияк тогда взял в областном музее шаманскую одежду, шаманский головной убор и бубен и исполнил обрядовые пляски столь реалистично, что заставил окружающих поверить в происходящее. Но сам Кучияк писал, что в действительности шаманский культ изжит не был – «в Куюме (село в Чемальском районе, родина П.В. Кучияка и место смерти этнографа А.В. Анохина. – *Т.Ш.*) был «знаменитый» Туянин Сапыр, в 1928 году 336 голов лошадей, коров, овец и коз принес в жертву» [Павел Кучияк, 1979, с. 127].

Шаман становится одним из главных действующих лиц «ойротских» частей поэмы, символизируя собою не столько первобытность алтайцев – «малого сибирского народа», сколько присущую алтайской мифологии идею органического единства мира, противостоящую официально декларируемой «по звериному влюбленными в таежные просторы Сибири» (Зазубрин) публицистами идее технократического урбанизма.

Ойротии Итин посвятил третью («Белый круг») и четвертую («Путь шамана») части поэмы. Горный Алтай с первых строк произведения знаменует Россию и Советский Союз – «новую часть света», куда летчики попадают, пересекая воздушную границу страны со стороны Монголии. Горная панорама у Итина являет собою редкий тип развертывания этого пространства в травелогe – с востока на запад, как в свое время у Г.Н. Потанина [Потанин, 1879], из «чужого» в «свое». Новизна описана в образах только что законченного творения мира, когда остывала пена «древней титанической бури. Внизу <...> медленно текла зе-

леная бездна. Редкие оранжево-розовые облака жались к синим и сияющим вершинам, словно разорванные клочья одной и той же дымчатой субстанции мира» [СО, 1926, № 1-2, с. 61].

Суровым, сухим холодом Россия встречает роскошные, укомплектованные по последнему слову техники юнкерсы, по заданию фирмы-производителя совершающие рекламный кругосветный перелет. Первая остановка в России – на берегу Катуня, в Акмале (топонимы Акмал и Новоленинск выдуманы Итиным, Бийск же, Улала, названия сел вдоль Катуня – реальные, они необходимы для точной географической привязки сюжета). На фоне величественной горной долины и реки Катуня (где ветви лиственниц, словно руки, «окаменевшие от красоты Алтая»), Итин сталкивает три группы персонажей:

1. иностранцы (два экипажа и два пассажира – кинооператор-корреспондент *герр Грубе* и японский журналист *герр Фукуда*); в их числе – русский по крови Эрмий (Ермил) Бронев, главное действующее лицо алтайских сцен поэмы;

2. алтайцы – коренные жители акмальской долины с неизменным для алтайского травелога шаманом;

3. советские авиаторы – новые герои современности, красной нови [Никонова, 2012], прилетевшие на разбитом донельзя аэроплане на выручку повредившим машину уважаемым иноземцам, один из них – родной брат Эрмия – Андрей. Следует добавить, что автором весьма оригинально определена функция эпизодического персонажа с именем здравствующего партийного руководителя Ойротии – И.С. Алагызова, наделенного хорошо опознаваемой современниками портретной характеристикой вождя - «Был он мал ростом, улыбочив и прост» [Горький, 1988, с. 69]. Его присутствие в мире текста – своеобразный щит, которым закрываются довольно резкие реплики чуждых советской действительности персонажей: шамана Кунь-Коргэ (досл. – увидевший солнце – *Т.Ш.*) и бывшего царского офицера Эрмия. Итин интуитивно ощущает, что защита необходима. «Хоть и «Чеки у нас теперь вроде, как вовсе нет» [СО, 1926, № 1-2, с. 71], но дважды его Алагызов произносит фразу «А чего бояться? На медведя ходил – не боялся, а здесь чего бояться» [СО, 1926, № 1-2, с. 69]. Писатель словно предвидит и свою судьбу, и судьбы репрессированных И. Алагызова и В. Зазубрина.

На сюжетном уровне в поэме отчетливо просматривается требующееся идеологическое противостояние двух систем: «наша» (разбитый, с водопроводной трубой вместо лонжерона, аэроплан) превосходит «буржуазную» (комфортабельные юнкерсы). Но немцы и корреспонденты ко всему происходящему на земле абсолютно равнодушны, они вовсе не чувствуют себя побежденными.

Братья-авиаторы Андрей и Эрмий, которого принято было в предшествовавшей литературоведческой традиции обвинять в космополитизме [Коптелов, 1961; Кондаков, 1983], по человеческой сути одинаковы: оба влюблены в небо, а на земле – без ума от женщин; и в этой плоскости разворачивается лирический сюжет поэмы. Оригинальность его решения определяется параллельностью описания шаманского камлания и сближения Эрмия и Зои (столичный этнограф, эмансипированная особа, знающая язык и обычаи алтайцев – первые этнографические исследования в советский период в Горном Алтае начали в 1924 г. этнографы Л.Э. Каруновская и Н.П. Дыренкова).

Пока шаман подымается к 99-му небу, молодые люди падают в пучину инстинктов, мир двоится, все в нем превращается в собственную противоположность, ибо «здесь был совсем другой, подавляюще пре- красный мир» – мир гор и шаманских мистерий.

Мистериальное начало у романтика Итина несколько сглаживает присущую постреволюционной эпохе идеологию свободы нравов¹, довольно скоро, как это показано В. Зазубриным в рассказе «Общежитие» (1923 год) [Зазубрин, 1990, с. 144-145], превратившуюся в прямую угрозу вымирания народа от сифилиса. В ускорившемся времени «гуземцы» совершенно серьезно пытаются выторговать у летчиков «айрапланды» за табун лошадей. Зоя («светлокожая девушка, одетая в кожаную куртку и короткие синие штаны» [СО, 1926, № 1-2, с. 66], стриженная и в «мужской кепке»), легко сблизившаяся с Эрмием, совершенно искренне восклицает после случившегося: «Ты давно не был в России, для нас это «раскаиваться» смешно [СО, 1926, № 1-2, с. 80].

Экзотическое пространство и экзотические горцы, описанные с должной степенью этнографизма, вкупе с людьми экзотической профессии – авиаторами, сливаются в тексте в мощный поэтический импульс, позволивший Итину первоначально дать своему произведению жанровое определение «поэма». Поэма о том, что все имеет свою противоположность, о том, что самые древние архетипы могут свободно пребывать в изменяющейся действительности. Рационально это объясняет исследователь Зоя, говоря об алтайцах: «Это очень поэтический народ. Художник Чорос Гуркин говорил мне, что Каан-Кэрэдэ принес от светлого бога Ульгена первый шаманский бубен... Обычно, Каан-Кэрэдэ в алтайском эпосе – страшное крылатое чудовище. Алтайцы называют этим именем герб двуглавого орла и карточный туз. Вот еще называли ваш аэро-

¹ Подробнее см. об этом в разделе «Что дала Октябрьская революция работнице и крестьянке» сборника «Советская социальная политика 1920-1930-годов: идеология и современность» [Советская..., 2007].

план...а, может быть, сначала в самом деле приняли его за Каан-Кэрэдэ!... Ах, надо знать алтайский эпос, чтобы понять все это: аэроплан, современность и тысячелетие – «Каан-Кэрэдэ»! [СО, 1926, № 1-2, с. 67].

Сплав древности и современности В. Итин постарался позднее воплотить в другой экспериментальной форме: текст поэмы «Каан-Кэрэдэ» был положен в основу киносценария – совершенно нового литературного жанра, развитие которого весьма интересовало писателя. В предисловии к сценарию «Каан-Кэрэдэ» он указал на причины возникновения такого интереса: «В будущем киносценарий займет такое же место в литературе, как пьеса, написанная для драматического театра. Все выдающиеся произведения этого нового вида искусства будут издаваться до постановки. Только таким путем можно создать настоящий общественный контроль в кино. Идеологические установки станут достоянием критики до, а не после основных затрат на производство <...> Если не будет постоянного живого влияния в области идеологии, конструкции и технических приемов сценария, это новое искусство не сдвинется с места» [СО, 1928, № 4, с. 103].

Свой сценарий Итин напечатал первым из сибирских писателей, уточнив, что делает это в дискуссионном порядке. Он указал на своего единственного предшественника в этом жанре – И. Бабеля [Бабель, 1926]. Сценарий Итина – совершенно другое не столько по форме, сколько по содержанию произведение – и это понятно: 1928 год был трудным для «Сибирских огней», сложнейшие партийные и творческие дискуссии привели к уходу из журнала бессменного ответсекретаря В.Я. Зазубрина. Итин сам возглавил журнал, понимая, насколько ужесточились правила игры. В сценарии он сосредотачивается уже исключительно на идеологической составляющей. Задача – «противопоставить большим спортивным достижениям буржуазной авиации менее громкие, но более ценные достижения советских летчиков, производящих своими полетами переворот в сознании масс; противопоставить скучающим буржуазным “пассажирам” – “пассажиров” советских агитполетов, крестьян, алтайцев, для которых полет – новое крещение, “воздушные октябрины”, противопоставить призрачному миру Эрлика, экстатическим полетам шамана – победу человека над стихией» [СО, 1928, № 4, с. 104].

В первой части сценария (кадры 22-33) Горный Алтай – это, во-первых, точка на карте, азиатское пространство, сопредельное Китаю и Монголии; во-вторых, это горное пространство, над которым владецствует Белуха, и в третьих – это пространство экзотического народа, уровень развития которого символизирует шаман с бубном и страшные слухи о появлении царь-птицы Каан-Кэрэдэ.

В игровом фильме «Каан-Кэрэдэ» (Крылатый бог) (Ленинградская фабрика Совкино, реж. В.Б. Фейнберг, 1929), снятом по этому сценарию, никому в столицах не известный Горный Алтай был представлен через понятие «горцы»: «На Крымское побережье (это-Алтай!) в горы на гидроплане прилетели летчики (агитполет). Из-под тени кипарисов вышел шаман и предсказал гибель людям, осмелившимся летать. Тут прилетели иностранцы. Их повели в клуб. На клубной сцене “алтайцы” танцевали лезгинку. Зрительный зал был заполнен алтайцами с кинжалами у пояса» [СО, 1930, № 3, с. 125]. Предшественник же Фейнберга в освоении ойротской темы в кино А. Разумный принципиально снимал игровой фильм «Долина слез» (1924, сценарий Б. Мартова и В. Туркина) в Горном Алтае, тщательно выбирая натуру и следя за этнографической точностью деталей [Разумный, 1975, с. 63-65].

Возможности искусства кино, законы монтажной композиции позволяют Итину представить Горный Алтай как собственно художественное пространство, функция которого – объяснить замысел фильма и его название.

На наш взгляд, смысловые акценты сценария были скорректированы еще и под влиянием критической статьи В. Правдухина, опубликованной в первом номере «Сибирских огней» за 1928 год. Разбирая сборник прозы В. Итина, вышедший в центральном издательстве – книгу «Высокий путь» [Итин, 1927], критик в первую очередь отметил новизну и оригинальность тематики сибирского «мэтра», который нарушил «надоевшее единство места и времени», а также тщательность в работе над словом, выгодно отличающая его прозу от основного потока современной беллетристики, которая соблазнялась «пошловатенькой, поверхностной пеной словесности» [СО, 1928, № 1, с. 261], крепкость формы и «кинематографическую» хватку жизни. Критик назвал Итина романтиком («в новом значении этого слова»). «Человека писатель ощущает еще как частицу мировой громады. Ощущение, вконец забытое и чуждое для наших современников. Эти две стихии – социальная и космическая – у писателя чувствуются одинаково сильно... У многих людей уже давно умерло желание поднимать свои глаза вверх к звездам, к просторам, не связанным с их личными интересами...» [СО, 1928, № 1, с. 261] – добавим – как это делают алтайские шаманы.

Правдухин подчеркивает, что «Каан-Кэрэдэ» Итина – это повесть об авиации как о подлинной победе над огромным миром мертвой стихии, что писателю удалось передать новые ощущения, «связанные с взлетом человека над землей». Горный Алтай интерпретируется в статье как место встречи двух эпох: современной революционной и архаической. Это новое пространство, расширяющее культурный горизонт (мир). «Люди “архаи-

ческой эпохи”, сохранившиеся до наших дней, не мертвы. Мир един, мир связан одной цепью в своем поступательном движении» [СО, 1928, № 1, с. 262]. И братья Броневы, и алтайский шаман Кунь-Коргэн, и все население горной долины «охвачены экстазом и вдохновенным, трепетным поклонением перед величием открывающихся возможностей для человека» [СО, 1928, № 1, с. 262]. Основной акцент в оценке повести сделан на идеологически значимых моментах: а) завоевания современной эпохи доступны «архаическим» алтайцам; б) писатель «нащупывает новые и подлинные связи между людьми различных культурных ступеней, между людьми разных национальностей» [СО, 1928, № 1, с. 262]; в) повесть проникнута бодрыми, восходящими настроениями человека-борца.

Причудливым переплетением телесного и духовного, «нижнего» и «верхнего» в мире и в человеке в сюжете о Каан-Кэрэд – железной птице В. Итину удастся органически слить этническое и общечеловеческое, европейскую ученость и традиционные представления алтайцев, природное и цивилизационное, парадигматику сибирского текста и библейские аллюзии и воплотить это слияние в идее несущегося с «кинематографической» скоростью времени и предельно расширившегося пространства, любая точка которого становится достижимой. Вместо идеологически необходимого противостояния и размежевания «мир стал единым, связанным и нерасщепленным. Уничтожены расстояния: Европа и Ойротия – близкие соседи» [СО, 1928, № 1, с. 262]).

Литература

- Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX в.: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.
- Бабель И.Э. Блуждающие звезды. Кино-сценарий. М., 1926.
- Вейсберг Г.П., Пушкарев Г.М. Сибирь в художественной литературе. М.-Л., 1927.
- Вольфсон М.Б. Пути советской книги. М., 1929.
- Город любимый: Горно-Алтайск в документах и фотографиях. Горно-Алтайск, 1998.
- Горький М. В.И. Ленин // М. Горький. Собр. соч. в 8-ми тт. М., 1988. Т. 3.
- Зазубрин В.Я. Общежитие: роман, повесть, рассказы, очерки. Новосибирск, 1990.
- Итин В.А. Воздушный океан // Сибирь. 1925. № 5-6.
- Итин В.А. Высокий путь. Повести. М.-Л., 1927.
- Итин В.А. Солнце сердца: Стихи. Новониколаевск:1923.
- Кондаков Г.В. Духовное согласие. Русско-алтайские взаимосвязи советского периода. Горно-Алтайск, 1983.
- Коптелов А.Л. Вивиан Итин (1894-1945) // Итин В. Каан-Кэрэд. Новосибирск, 1961.
- Копылов И.Л. На перевале. К первой Всесибирской передвижной выставке. Новосибирск, 1927.
- Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.
- Небольсин П.И. Покорение Сибири: Историческое исследование. СПб., 1849.

- Никонов В. Сибирские огни // Литературная энциклопедия. Т. 10. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/>
- Никонова О.Ю. Осоавиахим как инструмент сталинской социальной мобилизации // Российская история. 2012. № 1.
- Павел Кучияк. Воспоминания. Дневники. Письма. Горно-Алтайск, 1979.
- Потанин Г.Н. От Кош-Агача до Бийска (отрывок из путевых заметок) // Древняя и новая Россия. 1879. № 6.
- Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии. М., 1948.
- Пермитин Е.Н. Жизнь Алексея Рокотова. Трилогия. Кн. 3. Поэма о лесах. М., 1986.
- Разумный А.Е. У истоков: воспоминания кинорежиссера. М., 1975.
- Рихтер З.В. 7 000 километров по воздуху. М., 1926.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера М., 2008.
- Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. М, 2007.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ГНЕЗДО РОДСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ» В ДЕРИВАЦИОННОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА И ЕГО ПЕРЕВОДОВ)

Т.Н. Василенко

Ключевые слова: деривация текста, родственные тексты, текстовая совокупность, гнездо родственных текстов.

Keywords: text derivation, derivative texts, text assembly, family of derivative texts.

В рамках данной статьи предполагается осветить некоторые вопросы трактовки понятия «гнездо родственных текстов» в деривационном аспекте исследования текстовых совокупностей, состоящих из оригинального текста, текстов переводов и текстов по мотивам в целях более полного описания коммуникативной природы отношений, возникающих между текстами в процессе их образования и функционирования.

В общей теории текста сформировалась новая область исследования, в центре внимания которой находится коммуникативная природа текста как элемента коммуникативного акта и (шире) коммуникативной ситуации. Наряду с исследованием взаимоотношений текста и окружающей его макросреды (культура, социальная сфера, природа), в рамках коммуникативного подхода к исследованию текста он изучается и в его отношении к другим текстам [Теория текста, 2010; Игнатовская, Чувакин, 2014; Филология и коммуникативные науки, 2015]. Вследствие этого возникает потребность более полного описания динамической приро-

ды взаимодействия текстов в рамках текстовых совокупностей, предполагающего выявление четких параметров, законов построения и функционирования последних.

Предпосылками возможности использования гнездового принципа систематизации на текстовом материале можно считать недостаточную разработанность понятия текстовой совокупности и механизмов взаимодействия текстов, составляющих ту или иную совокупность, а также унификацию понятийного и методологического аппарата лингвистики, позволяющего усматривать объяснительную силу того или иного понятия или метода не только в его «традиционном» применении», но и при исследовании единиц другого уровня. В нашем случае, речь идет об использовании понятия гнезда, традиционно применяемого в словообразовательных, лексикологических, синтаксических исследованиях, для более полного изучения взаимодействия текстов в рамках текстовых совокупностей.

Несмотря на сложную многоуровневую организацию текста, его двойственную природу (коммуникативную и собственно лингвистическую (языковую)), многие лингвисты полагают, что текст является высшим уровнем языковой системы. В связи с этим целесообразность использования гнездового принципа для систематизации и исследования закономерностей существования и функционирования на текстовом уровне объясняется «выравниванием понятийного аппарата» разных разделов лингвистики, которое заключается в том, что «в понятии, разработанном при изучении какого-либо одного уровня языка, начинают усматривать объяснительную силу по отношению к явлениям другого уровня: в результате этого выявляются новые свойства объекта и уточняются представления о нем» [Белешапкина, Шмелева, 1981, с. 43].

К гнездовому подходу в рамках словообразовательной системы языка обращались И.В. Альтман, Ш. Балли, Е.Л. Гинзбург, Е.А. Земская, Р.С. Манучарян, П.А. Соболева, А.Н. Тихонов и др. Большинство исследователей под словообразовательным гнездом понимает совокупность однокоренных слов, связанных формально-семантическими отношениями производности. При этом основным критерием объединения слов в словообразовательное гнездо может считаться как общность структуры, так и общность значения. Применение гнездового принципа систематизации на словообразовательном уровне позволяет проследить динамику словообразовательных значений слов, составляющих одно гнездо.

Гнездовой подход в лексикологии (О.С. Ахманова, З.В. Беркетова, Н.Ф. Рябова и др.) призван, с одной стороны, систематизировать определенным образом родственные лексические единицы в рамках лексической системы (синонимическое, антонимическое, этимологическое гнез-

да); с другой – исследовать связи и отношения (преимущественно, семантические), складывающиеся между лексемами-компонентами гнезда. Основным критерием для объединения лексем в одно гнездо признается большинством исследователей общность семантики. В данном случае речь идет об исследовании, основанном на гнездовом принципе систематизации, динамики семантических процессов, имеющих место в лексических гнездах.

Гнездовой принцип в лексикографии (О.С. Ахманова, Е.Л. Гинзбург, В.И. Даль, А.Н. Тихонов и др.) используется для систематизации лексических единиц. Гнездо в лексикографии предстает самостоятельной единицей словаря (словообразовательного и толкового) и компонентом словарной статьи, отражающим динамическую сторону связей и отношений родственных слов.

Реализацию гнездового принципа в области синтаксиса можно проследить на материале синтаксической деривации, рассматриваемой многими исследователями (В.А. Белошапкова и Т.В. Шмелева, Л.Н. Мурзин, В.С. Храковский, П.Л. Шищенко и др.) на уровне словосочетания и на уровне предложения. Гнездовой принцип в синтаксисе призван классифицировать и описать функционирование словосочетания и предложения в динамике изменения их смыслового и формального статуса, становящегося объектом исследования при деривационном подходе в рамках гнездового принципа систематизации материала. Отметим необходимость учета в такого рода исследовании текстовых и затекстовых факторов, во многом определяющих семантические и структурные изменения синтаксических единиц.

Несмотря на разнородность языкового материала в реализации гнездового подхода на разных уровнях языковой системы наблюдается определенная изоморфность и аналогичность структуры гнезда, способ его организации и функционирования. Сильной стороной гнездового подхода является отражение динамического взаимодействия и взаимозависимости содержания и формы, синтагматической и парадигматической сторон изучаемого объекта. А это, в свою очередь, позволяет исследовать тот или иной объект в динамике, в более полной мере познать механизмы и закономерности его развития и функционирования.

Исследование гнездовой совокупности текстов находится в русле текстодериватологии, занимающейся изучением деривационных отношений между текстами [Чувакин, 1998; Чувакин, 1999; Чувакин, Бровкина, Волкова, Никонова, 2000; Мельник, 2012; Трубникова, 2012]. Мы придерживаемся широкой трактовки понятия деривации, понимаемой как процесс / результат образования в языке любых вторичных знаков, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исход-

ные, или выведены из них путем применения определенных правил, операций [Кубрякова, Панкрац, 1998, с. 129]. Согласно этой точке зрения, «в качестве деривационных следует рассматривать любые связи, которыми объединяются первичные и, основанные на них, вторичные языковые единицы и которые типичны для отношений между исходными и производными знаками языка» [Кубрякова, Панкрац, 1982, с. 8-9], а также, между текстом оригинала как исходным и текстами переводов как производными сложно организованными знаками [Василенко, 2008].

Отметим также, что процессы деривации, лежащие в основе механизмов образования и пополнения гнезда на разных языковых уровнях, завершаются не только созданием вторичной, производной, единицы, но и возникновением особых деривационных отношений между исходными и производными знаками языка. Е.С. Кубрякова и Ю.Г. Панкрац указывают на то, что «деривационный процесс может рассматриваться как служащий установлению определенных отношений и связей между исходной единицей этого процесса и его конечным результатом, но также, что не менее существенно, между всеми компонентами процесса как частями некоего целого» [Кубрякова, Панкрац, 1982, с. 15], что особенно ценно при динамическом подходе к исследованию разного рода лингвистических объектов (в том числе текстов) в рамках гнездового подхода. Подобные отношения обнаруживаются как между единицами одного и того же уровня (например, на словообразовательном уровне между морфемами), так и между единицами разных уровней (например, для деривации слова нужны морфемы, для деривации предложения – слова и т.п.). Таким образом, деривационные процессы образования и пополнения гнезда, а также отношения деривационного характера, возникающие между исходной и производной единицами, во многом определяют суть понятия гнезда, лежащего в основе гнездового принципа систематизации.

В разработке понятия гнезда мы опираемся на определения данного понятия, выработанные в словообразовании, лексикологии, лексикографии, синтаксисе. Признавая довольно высокую степень универсальности гнездового принципа систематизации лингвистических объектов разного рода и обобщив определения гнезда, данные в различных областях лингвистики, попытаемся дать некое общее, унифицированное определение гнезда, применимое в том числе и к такому лингвистическому объекту, как текст. Гнездо может быть в общем виде определено как иерархически организованное, упорядоченное объединение лингвистических объектов разного рода и структуры (от слова до текста), связанных отношениями производности и характеризующихся семантическими и формальными изменениями производных единиц в сравнении с

производящей и друг с другом. В этом определении представлены основные признаки понятия «гнездо», а именно:

- наличие строго определенной структуры данного образования, предполагающей, в частности, выделение синтагматического и парадигматического уровней;
- наличие деривационных отношений, связывающих исходные и производные компоненты гнезда;
- наличие семантических и формальных изменений / сдвигов в производных единицах, выявляемых при сопоставлении их а) с производящей единицей и б) друг с другом.

Проведем ориентировку этих признаков гнезда на объекты текстовой совокупности. Если в словообразовательном и лексическом гнездах его (гнезда) структура определена довольно четко, гнездо, как правило, представляет собой замкнутое лингвистическое образование, то на текстовом уровне мы имеем дело с более разветвленной гнездовой структурой. Помимо этого, словообразовательные, лексические гнезда, с одной стороны, и гнезда текстов, с другой, различаются и с функциональной точки зрения. Так, в одном текстовом гнезде могут быть объединены текст-оригинал, его переводы на разные языки, киносценарий на основе одного из указанных текстов, сочинения, изложения и т.п. В деривационных отношениях, во многом определяющих взаимодействие компонентов гнезда, на словообразовательном, лексическом, синтаксическом уровнях задействованы непосредственно единицы соответствующих гнезд (слова, предложения), в то время как на текстовом уровне деривационные отношения в рамках гнезда проявляются не на уровне целых текстов, а на уровне их составляющих, более мелких единиц (в нашем исследовании – ситуационно-языкового единства). Формально-семантические изменения в словообразовательных, лексических гнездах осуществляются в границах только одной системы (словообразовательной, лексической). В текстовом гнезде формально-семантические преобразования производных текстов осуществляются на нескольких уровнях (пропозициональном, собственно синтаксическом (конструктивном), лексическом). К тому же в гнезде текстов имеет место тесное взаимодействие и взаимообусловленность преобразований семантики и формы. Таким образом, гнездо родственных текстов представляет собой структурированную, иерархически организованную совокупность текстов, обладающих общим содержанием, сформированную на основе отношений производности и характеризующуюся взаимодействием (преимущественно деривационного характера) текстовых компонентов на формально-семантическом и смысловом уровнях.

Устройство гнезда родственных текстов предполагает наличие исходного (производящего) текста и производных текстов. В нашем исследовании это оригинальный (исходный) текст новеллы «Le port» и тексты (производные) одного ее перевода на английский язык, трех переводов на русский язык, выполненные Ю. Корнеевым, М. Салье и Л. Толстым. Структура текстового гнезда предполагает построение синтагматического и парадигматического уровней. Синтагматические уровни текстовой совокупности позволяют выявить формально-семантические и смысловые отношения оригинального текста и каждого из текстов переводов, парадигматический уровень - формально-семантические и смысловые отношения текстов переводов между собой. В рамках синтагматического и парадигматического уровней выделяется более мелкая структурная единица – текстовый блок, позволяющая более детально описать взаимодействие текстов [Василенко, 2008].

Таким образом, логика и основная терминология дериватологического исследования могут быть использованы при исследовании текстов. Использование понятия «гнездо родственных текстов», применяемого при исследовании текстовых совокупностей, состоящих из оригинального текста, текстов переводов и текстов по мотивам, призвано способствовать решению актуальных проблем теории текста с позиции деривационного подхода.

Литература

- Белашапкина В.А. Деривационная парадигма предложения // Вестник МУ. Сер. 9. 1981. № 2.
- Василенко Т.Н. Гнездовой принцип систематизации текстов (на материале оригинального художественного текста и его переводов): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.
- Игнатовская А.В., Чувакин А.А. К проблеме взаимодействия текстов // Филология и человек. 2014. № 4.
- Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Деривация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
- Кубрякова Е.С. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. Пермь, 1982.
- Мельник Н.А. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13 (267). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 65.
- Теория текста. М., 2010.
- Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра. филол. наук. Барнаул, 2012.
- Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

Чувакин А.А. Гнездо родственных текстов: интерпретационный уровень // Текст: варианты интерпретации. Бийск, 1999. Вып. 4.

Чувакин А.А., Бровкина Ю.Ю., Волкова Н.А., Никонова Т.Н. К проблеме деривационной текстологии // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 2000. Вып. 4.

Филология и коммуникативные науки. М., 2015.

Источники

Мопассан Ги де. Порт // Ги де Мопассан. Новеллы. Свердловск, 1988.

Мопассан Ги де. В порту // Ги де Мопассан. Рассказы. Киев, 1955.

Толстой Л.Н. Франсуаза. Рассказ по Мопассану // Полное собрание сочинений. М., 1992. Т. 27.

Maupassant Guy de. Le port. [Электронный ресурс] URL: <http://un2sg4.unige.ch/athena/selva/maupassant/maupass>

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОТИВНОСТИ И ЭМОЦИОГЕННОСТИ РУССКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С.В. Коростова

Ключевые слова: интерпретация текста, условия и типы эмоциогенности, категория эмотивности.

Keywords: text interpretation, conditions and types of emotion-generativity, category of emotivity.

Процесс интерпретации текста предполагает определенное намерение идентифицировать интеллектуальные и эмоциональные составляющие языковой личности создателя текста с существующими в сознании интерпретатора концептуальной и языковой картинами мира. Создатель художественного текста оценивает в процессе вербализации замысла свое собственное переживание как приятное или неприятное и эмотивную ситуацию как хорошую или плохую для самого себя и для погруженного в нее героя, так как автор является наблюдателем и над самим собой, и над репрезентируемым и воплощаемым в художественном тексте миром.

Оценивая создаваемое им художественное пространство и время, автор соотносит его с объективной действительностью, которая выступает как субъективная внутренняя модель мира, сложившаяся в его сознании. Эта модель подвержена динамическим изменениям, связанным с репрезентируемой в тексте художественной моделью мира.

«Прошлое, настоящее и будущее, как и время вообще, - замечает Умберто Матурана, - принадлежат исключительно когнитивной области наблюдателя» [Матурана, 1996, с. 126]. Очевидно, наблюдатель – это одна из возможных смысловых позиций автора художественного текста (типичная для повествования от 3 лица), но не единственная. События, представленные в тексте, всегда так или иначе имеют отношение к собственной жизни писателя, к его чувствам и переживаниям. Именно поэтому автор одновременно может надеть маску участника описываемых ситуаций: в тексте от 1 лица – рассказчика или героя, в повествовании от 3 лица – псевдоавтора, повествователя или персонажа.

Проекция смысла в процессе познания эмотивно воспринимаемого фрагмента художественного текста актуализирует те эмотивно-оценочные неязыковые слои, которые являются элементами национально-ментальной концептуальной картины мира говорящих на русском языке. Кроме того, социо- и лингвокультурный опыт человека формирует знания о сценарии эмотивной ситуации и о стереотипе речевого поведения, которые программируются в сознании говорящего и активизируются при восприятии и интерпретации эмотивного художественного текста.

Традиционные для герменевтики категории «понимание» и «интерпретация» получили особый статус в процессе развития теории коммуникации и лингвистики текста. Понимание как поиск смысла и интерпретация как истолкование текстов, целью которого является понимание их смыслового содержания, определяют место и роль читателя, интерпретатора в художественной коммуникации. Последние работы в этом направлении свидетельствуют об активности коммуникативного и когнитивного аспектов изучения деятельности автора и интерпретатора, реципиента, адресата текста (Ю.Н. Караулов, Т.М. Дридзе, В.Б. Красных, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Б.С. Мучник, В.Б. Касевич, Ю.Б. Борев, Г.Н. Манаенко и др.).

Диалог в литературной коммуникации предлагается рассматривать как столкновение картин мира автора и интерпретатора, так как понимание художественного текста обусловлено множеством факторов социально-психологического и культурно-языкового характера, а также условиями бытия реципиента. Важным условием диалогического взаимодействия в литературной коммуникации является способность читателя декодировать, то есть распознавать и интерпретировать смысл созданного писателем текста. Эта способность определяется не только жизненным опытом, ценностными ориентациями, общей культурой интерпретатора, но и его эмотивной компетенцией, каузирующей эмоциональные реакции в процессе декодирования текста. На наш

взгляд, именно эти реакции выступают основным маркером успешности художественной коммуникации. Художественное переживание – это высшая форма художественной рецепции, и только такое восприятие текста превращает художественное произведение в факт сознания реципиента.

Можно ли говорить о том, что русский художественный текст предвосхищает эмоциональные переживания, эмоциональные реакции реципиента? Каковы условия эмоциогенности текста или его фрагмента? Отвечая на эти вопросы, прежде всего необходимо установить особенности смыслообразования при восприятии художественного текста.

С точки зрения психологии, смысл есть элемент когниции и аксиологизации окружающего человека мира. Существуют три плоскости существования смыслов: плоскость объективных отношений, плоскость психологического субстрата и плоскость образа мира. В плоскости объективных отношений между субъектом и миром находится жизненный смысл, то есть объективная характеристика места и роли объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни. В плоскости психологического субстрата смысла (неосознаваемых механизмов внутренней регуляции жизнедеятельности) существуют смысловые структуры личности – жизненные отношения, образующие целостную систему, регулирующие жизнедеятельность субъекта в соответствии с логикой жизненной необходимости. В плоскости образа мира в сознании субъекта, как замечает Е.В. Шелестюк, «существует личностный смысл – эмоционально окрашенная репрезентация объектов, явлений и событий либо их структурная трансформация в соответствии с мотивами, потребностями и ценностями субъекта (выделение сознанием того, что значимо для субъекта, осмысление места объектов в его образе мира)» [Шелестюк, 2008, с. 9-10]. Именно существование личностного смысла, отражающего пристрастность сознания реципиента по отношению к извлекаемому из содержания художественного текста эмотивно-оценочному смыслу, порождает эмоциональную индикацию, то есть отражение эмоционально-оценочных характеристик чувственного образа (А.Н. Леонтьев (1971, 1977), В.К. Виллонас (1976, 1983) и др.).

Эмоциогенным может быть само содержание текста, те факты реального мира, которые в нем отражены. Этот тип эмоциогенности не зависит от качества языковых единиц, составляющих текст. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации реципиента, объемом знаний о мире и его реалиях. В каждой конкретной эмоциогенной ситуации, то есть ситуации, вызывающей эмоциональную реакцию, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является

препятствием для репрезентации эмоционального состояния. Вопрос о восприятии эмоционального состояния говорящего в коммуникативной ситуации неотделим от эмоциональной компетенции, то есть знаний о способах выражения и означивания эмоций.

Исходя из теоретических положений концепции М.М. Бахтина, мы рассматриваем понимание текста как процесса, состоящего из отдельных актов или уровней, каждый из которых выполняет свою функцию: восприятие текста; узнавание текста и понимание его общего значения в данном языке; понимание его значения в контексте данной культуры; активное диалогическое понимание его смысла, совпадающее с его формированием [Бахтин, 1979, с. 361]. Таким образом, понимание текста предполагает выход за пределы его буквального прочтения, восприятия смысла знаков, и к нему можно отнести процесс истолкования, интерпретации с учетом ассоциативной связи с другими текстами и культурным контекстом.

Эмоциональное состояние реципиента есть результат действия «эффекта обманутого ожидания». Оценочная интерпретация событий, их идентификация как эмоциогенных в сознании говорящих создает условия для выражения эмоциональных состояний. Например, вызывает позитивное эмоциональное состояние реципиента отрывок из романа М.А. Шолохова «Поднятая целина», представляющий эпизод, когда дед Щукарь сварил для пахарей кашу, в которой потом была найдена лягушачья лапка: *...Быть может, на том дело и кончилось бы, если бы вконец разозленный бабами Щукарь не крикнул:*

- Мокрохвостые! Сатаны в юбках! До морды тянетесь, а того не понимаете, что это не простая лягушка, а вустрица!

- Кто-о-о-о?! – изумились бабы.

- Вустрица, русским языком вам говорю! Лягушка – мразь, а в вустрице благородные кровя! Мой родный кум при старом прижмие у самого генерала Филимонова в деничках служил и рассказывал, что генерал их даже натоцак сотнями заглатывал! Ел прямо на кореню! Вустрица ишо из ракушки не вылупится, а он уж ее отель вилочкой позывает. Проткнет наскрозь и – ваших нету! Она жалобно пишишит, а он знай ее в горловину пропихивает. А почему вы знаете, может, она, эта хреновина, вустричной породы? Генералы одобряли, и я, может, нарошино для навару вам, дуракам, положил ее, для скусу... (М. Шолохов. Поднятая целина, кн. 1, гл. XXXVI).

Интерпретатор текста ожидает от героя в подобной ситуации реализацию стратегии оправдания, извинения, однако Щукарь пытается доказать, что произошедшее событие не случайность, а намеренное действие, совершенное исключительно в благих целях. Правдоподоб-

ность данной ситуации художественного мира не нуждается в верифицируемости, в контексте изображенных писателем событий герой воспринимается интерпретатором как чувственный образ, вызывающий своим поведением эмоциональную индикацию.

Автор художественного текста прогнозирует ожидание читателя, реципиента. Эмоциогенным можно признать авторское предпочтение, которое он отдает тем или иным языковым средствам, а также приемам организации самого текста, тем или иным поворотам сюжета. Очевидно, что слово в линейном ряду, в тексте теряет свою определенность, «отдельность», оно может получить иной смысл в эмотивной ситуации, именно внутритекстовая мотивированность слова делает его эмоциогенным. Причем чем менее предсказуемы для читателя языковые средства или развитие сюжета, тем более эмоциогенным оказывается сам текст. Например, во фрагменте романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», где речь идет о митинге в Старгороде в честь пуска первого трамвая, реализуется эффект «непредсказуемости сюжета» и приобретают новый смысл шаблонные сочетания и известные лексические единицы: *Гаврилин начал свою речь хорошо и просто.*

- Трамвай постройте, - сказал он, - это не ешака купить.

В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера. Он оценил эту фразу. Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пытался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные... (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, гл. XIII).

При восприятии текста сознание реципиента, интерпретатора, его личностные качества, его жизненный опыт и знания взаимодействуют с информацией, которая поступает из разных уровней языкового пространства текста и подтекстовых структур. Вследствие активной роли реципиента, привносящего в художественный текст собственные представления о жизни и жизненных ценностях, становится возможным существование нескольких различных интерпретаций одного текста, что объясняется также разным уровнем готовности к пониманию и разными характеристиками языковых личностей. На основе интерпретации мы можем оценить степень и глубину понимания текста реципиентом.

Эмоциогенным может быть художественный текст, который подтверждает позитивные или негативные ожидания реципиента. Например, при чтении детектива читатель заранее настроен на аномативные с точки зрения коллективного сознания ситуации, которые при воспри-

ятии могут вызвать у реципиента эмоциональную напряженность и негативные эмоции страха, ужаса, злости и т.п. Однако необходимо учитывать, что восприятие текста всегда избирательно, оно зависит от психического и интеллектуального состояния интерпретатора, который может просто не заметить особые языковые средства, в частности тогда, когда для него важна сама текстовая информация.

Говоря об эмоциогенности языка, следует обратить особое внимание на эмотивы, то есть лексические единицы, фразеологические сочетания, отдельные части речи, синтаксические конструкции, основной функцией которых является выражение эмоций, но которые также могут служить маркерами эмоциогенности текста. Эмотивная оценка, как и сама категория эмотивности, отсылает нас к области коммуникативной семантики и когнитивной лингвистики, так как большинство языковых единиц приобретает способность выражать эмоции лишь в речи, обладая в системе языка лишь потенциальной эмотивностью. Эмотивный компонент коннотации или закрепляется в системе языка, или носит окказиональный, потенциальный характер и проявляется только в речи.

Эмотивом может быть не только аффикс, слово, фразеологизм или предложение, но и текст, включающий эмотивы других языковых уровней. Текст, обладающий признаками эмотива, эмоционален, так как эмоциональность есть выражение душевного переживания и чувств говорящего, автора текста. Прагматический потенциал эмотивных синтаксических единиц реализуется за счет общей эмоциональной направленности текста, который они составляют. Референтные границы эмотивных высказываний определены рамками отраженной в художественном тексте эмотивной ситуации, которая представляет собой тот самый код, благодаря которому происходит дешифровка, интерпретация эмотивно-оценочного смысла адресатом, реципиентом.

Прагматика эмотивных высказываний определена их функционированием в сфере адресата, «ты» - сфере, содержащей эмоции, оценки, взгляды говорящего на положение вещей, выражающей его отношение к миру и другим людям. Такой сферой можно признать художественную коммуникацию, отражающую авторскую картину мира. Динамическое коммуникативное пространство русского художественного текста предопределяет динамику смыслопорождения, возможность синтаксических трансформаций субъективно-оценочного характера.

Несмотря на относительную стабильность языкового значения, семантические сдвиги в творческом сознании автора влияют на когнитивную деятельность интерпретатора, меняя или устанавливая его ценностные ориентиры посредством актуализации одних смыслов и

нейтрализации других. Перспективными представляются исследования языковых проекций категорий эмотивности и эмоциогенности в русском перволичном и третьеличном нарративе. Прагматика художественного текста, тип авторизации, стиль авторского мышления определяют те эмотивно-оценочные смыслы, которые становятся доминирующими в произведении и которые эмоционально воздействуют на сознание читателя-интерпретатора, меняя его отношение к миру и сам окружающий его мир.

Литература

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Матурана Умберто. Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: ракурсы адресанта и адресата. Челябинск, 2008.

СЕМАНТИЗАЦИЯ И РЕФЛЕКСИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

М.Л. Кусова

Ключевые слова: семантизация, рефлексия, ребенок, слово, значение слова, детская речь.

Keywords: semantization, reflection, child, word, meaning of a word, the language of children.

Одним из аспектов изучения процесса формирования лексикона ребенка является процесс семантизации лексической единицы в детской речи и рефлексия ребенка в процессе освоения значения слова, что нашло отражение в работах таких исследователей, как Т.А. Гридина [Гридина, 2006], О.С. Колясникова [Колясникова, 2005], М.Л. Кусова [Кусова, 2013] и др. Однако данной стороне речевого развития ребенка уделяется меньше внимания: гораздо чаще лингвисты обращаются к описанию инноваций в детской речи (Т.А. Гридина, С.Н. Цейтлин), номинативным процессам (М.Л. Кусова), к освоению ребенком семной структуры слова [Плотникова, 2013], несмотря на то что рефлексия ребенка на слово имеет место уже в раннем возрасте, например: *Этот абажур называется лампочка; 2 г.* – и в дальнейшем

также присутствует. Комментируя речевой материал, заметим, что приведенное высказывание заимствовано нами из «Словаря современного детского языка» В.К. Харченко [Харченко, 2005]; в дальнейшем материалы этого словаря будут приводиться с пометой «В.Х.», материалы автора статьи – с пометой «М.К.».

Обращаясь к приведенному примеру, можем сказать, что в этом случае рефлексия ребенка определяется потребностью в точном словоупотреблении; но можно предположить, что потребность в точном словоупотреблении не единственный фактор, побуждающий ребенка к рефлексии в процессе освоения слова. Поэтому представляется актуальным остановиться и на определении условий рефлексии в детской речи.

Рефлексивные действия ребенка во всех возрастных группах, как отмечено ранее, обуславливают потребность ребенка в точном словоупотреблении. С.Н. Цейтлин отмечает: «Для того чтобы языковая единица была заимствована ребенком из языка взрослых, она должна обладать рядом существенных качеств: ребенку должно быть доступно ее содержание, что касается плана выражения, то он должен быть достаточно типовым и стандартным для того, чтобы единица могла быть вычленена из синтагматического ряда» [Цейтлин, 2009, с. 63]. Рефлексия ребенка в процессе освоения значения слова может вербализоваться как на уровне уточнения связи «слово – объект реальной действительности», так и на уровне связи «слово – его значение». Уточнение связи «слово – объект реальной действительности» обычно обеспечивается вопросом: Что такое? Кто такой?, а уточнение связи «слово – его значение» – вопросами: Как называется?, Что значит? Заметим, что вопросы, направленные на уточнение связи «слово – объект реальной действительности» в разных возрастных группах имеют разное речевое оформление. Можно сказать, что вопросы в виде Что такое?, Кто такой – инвариантны: их используют дети дошкольного возраста, принадлежащие к разным возрастным группам, младший, средний, старший дошкольный возраст: *А кто такой ректор?* (3 г., В.Х.), *Мама, кто такие животноводы?* (4 г., В.Х.), *Кто такой конькобежка?* (6 л., В.Х.). В среднем и старшем дошкольном возрасте рефлексия ребенка в связи с новым, непонятым словом может вербализоваться и конструкцией Не понял; а вопрос Как это называется? чаще наблюдается в речи детей старшего дошкольного возраста: *Как называются «волосы» у ослика? Волосенки?* (6 л., В.Х.), *А это как называется: канализация? (вместо комбинация, разговор происходит в магазине женского белья)* (6 л., В.Х.).

Ребенок уточняет значение слова, если у него нет представлений о явлении действительности, обозначаемом словом либо имеющиеся представления самому ребенку кажутся неполными: *А воробей – это кто, это сын голубя?* (4 г., В.Х.), *А что такое бор?* (4 г., М.К.), *А кто работает в киоске? Как называют тетю?* (6 л., В. Х.); если ребенок не владеет словом и осознает это: *Что такое бакен?* (4 г., В.Х.). Очевидно, что овладение семантикой слова значимо для ребенка, что процесс семантизации слова самим ребенком последовательно контролируется и анализируется. «Любые, в том числе самые обыденные, знания требуют языкового оформления <...> Каждый, кто общался с маленькими детьми, мог убедиться в том, какую роль в повседневном опыте ребенка играет имя предмета» [Фрумкина, 2007, с. 58]. Причем для ребенка важно, чтобы и взрослый также владел значением слова, определял его связь с явлением действительности, поэтому ребенок уточняет представления взрослого и значение слова в речи взрослого: *Не знаешь, что такое аппликатор? Это подгузник! Это тампак!* (4 г., В.Х.); *А у Саши футбол будет? Ну бегание такое по метрам (об уроке физкультуры)* (5 л., В.Х.).

Отметив, что слово является объектом рефлексии для детей разного возраста, также необходимо сказать, что дети разного возраста проявляют рефлексии по отношению к разным категориям и классам слов. Значение предметных имен существительных уточняют все дошкольники, а значение отвлеченных имен существительных ребенок определяет, начиная со среднего дошкольного возраста: *Инерция – это когда человек проснулся, а потом опять уснул* (4 г., В.Х.), *Вечность – это всегда, а всегда – это когда живешь, живешь...* (5 л., В.Х.), *Гонки – это где машины соревнуются, обгоняют друг друга* (6 л., М.К.). На пятом году жизни ребенок начинает обращать внимание на значение глаголов: *Это как «волноваться»?* (4 г., М.К.), наречий: *А что такое «напротив»?* (4 г., В.Х.), хотя специфику наречий далеко не всегда осознает, пытается отождествить наречие и существительное: *Что такое «зорко»?* *Птица такая?* (4 г., М..К.), уточняет значение неразложимых словосочетаний, в том числе фразеологизмов: *А когда говорят «два года назад»?* (4 г., В.Х.), *Я не понял, что «семь потов сойдет»?* (о фразеологизме «семь потов сойдет») (4 г., М.К.). Безусловно, семантика отвлеченных существительных сложна для ребенка, тем более сложен процесс определения их значения, поэтому ребенок при определении отвлеченных существительных чаще обращается к конкретным ситуациям: *Доброта – это когда бесплатно дают сладости* (4 г., В.Х.), *Клонирование – это такое понятие, когда ребенок рождается без любви, а просто в пробирке* (7 л., В.Х.), хотя иногда как отвлечен-

ное ребенок определяет конкретное существительное: *Мутант – такое изменение* (6 л., В.Х.).

В рефлексии детей разного возраста наряду с указанными ранее наблюдаются следующие отличия: рефлексия ребенка в возрасте до пяти лет связана со словом, употребленном «сейчас», то есть рефлексия наблюдается непосредственно в ситуации употребления данного слова. После пяти лет рефлексия ребенка может иметь отсроченный характер: ребенок может выявлять, уточнять значение слова, которое он когда-то слышал: *А что такое саботаж? Вчера в мультике говорили* (6 л., М.К.).

Рефлексия ребенка обуславливается также присущим ему стремлением проникнуть в правила соотнесения мира действительности и мира языка, понять, почему так называется. Поиск внутренней формы, учет мотивации там, где эта мотивация в системе языка отсутствует, – это отличительные особенности процесса формирования словаря в данном возрасте: *Почему говорят «голосовать»? Там же разговора не будет* (4 г., В.Х.). Иногда внутренняя форма слова доминирует при определении значения слова в языковом сознании ребенка даже в том случае, когда взрослый сформулировал для ребенка это значение: *(объяснили, что низколетающий самолет называется кукурузник). А что, он кукурузу возит?* (4 г., В.Х.).

Ранее мы говорили, что в детской речи разграничиваются реакции, связанные с потребностью уточнить представления о предмете (Что такое? Кто такой?) и представления о значении слова (Что значит?). Но в старшем дошкольном – младшем школьном возрасте уточнение представлений о предмете и значении слова происходит одновременно, что дает возможность говорить об усложнении рефлексии в процессе семантизации слова; при этом ребенок нередко вербализует собственную рефлексия: *Я забыл, как этот называется, который в лесу вылезает. А, леший, леший!* (6 л., М.К.), *На что упал? Что значит «навзничь»?* (7 л., В.Х.), обращаясь к взрослому для того, чтобы взрослый определил значение слова. Ребенок активно комментирует связь «слово – объект реальной действительности» и «слово – его значение».

При определении связи «слово – объект реальной действительности» ребенок нередко использует развернутое определение значения слова: *Лекало – это прямые линии чертит, чтобы кривые были* (4 г., В.Х.), *Солнце – главарь лета* (5 л., В.Х.), *Компас – это когда увеличивает изображение* (6 л., В.Х.), *Мох – это зеленая трава гладкая* (6 л., В.Х.). Р.М. Фрумкина отмечает, что при определении смысла слова ребенок обращается к связи слова с более широкой категорией и выделяет объект из множества других, идентифицируя его, сравнивает объ-

ект с другими, выделяя сходные и отличительные признаки [Фрумкина, 2007, с. 60]. Указанные связи мы наблюдаем в приведенных определениях значения слова: *солнце – главарь, мох – трава*, причем эти связи проявляются наиболее ярко в силу особых представлений ребенка о связи общего и частного. Иногда при определении связей объекта ребенок обращается к отрицанию: – *Луганск – это не город. – Почему? – Это Европа* (5 л., В.Х.). Безусловно, чаще наблюдается совпадение представлений ребенка и обыденных представлений взрослого, чем их отличия: *Конура – это у собаки домик* (3 г., В.Х.), *Замок – это блестящий такой дом* (6 л., В.Х.), *Вулкан – это гора такая* (6 л., В.Х.), что позволяет говорить о том, что в определении ребенком значения слова присутствуют признаки «классического» определения, построенного на связи определяемого объекта с иными.

Однако нередко детские определения удивляют взрослого своей яркой образностью, актуализацией в них связей, отсутствующих в реальной действительности и, с точки зрения взрослого, не совсем логичных: *солнце – главарь*; такие определения являются по сути своей контекстуальными, при их создании ребенок обращает внимание на субъективно значимые связи и отношения. Следовательно, рефлексия ребенка связана с отражением в значении слова объективно существующих и субъективно значимых связей и отношений. Следует лишь заметить, что по мере взросления ребенок все более последовательно опирается на первые. Анализируя предлагаемые детьми определения значения слова, отмечаем, что детские толкования значения слова обычно построены по модели развернутого определения, практически нет определений, основывающихся на антонимических и синонимических связях слов, хотя данный вид парадигматических отношений последовательно реализуется в детской речи.

Рефлексия ребенка при определении значения слова может быть связана не только с уточнением значения слова, но и с поиском слова для называния явления: *А это что за бочка с вагоном (о цистерне)* (6 л., В.Х.), *Купи мне круглый, красный с грязным (о гранате)* (6 л., В.Х.). Нередко развернутое определение значения слова ребенок осознанно использует как эвфемизм вместо названия предмета: *Купи мне кругленькое, сладенькое, с игрушкой* (4 г., М.К.), следовательно, рефлексия ребенка связана не только с новым явлением, но и с лексической единицей, его называющей.

Наряду с развернутым толкованием значения слова ребенок достаточно часто обращается к определениям, основанным на словообразовательных связях производного слова, воспроизводя в своем определении деривационные отношения между словами, связи между произ-

водным и производящим словом: *А кто доски носит, досочник?* (3 г., В.Х.). С.Н. Цейтлин отмечает: «В языковом сознании ребенка эти связи гораздо живее и часто бывают актуализированы, особенно при восприятии слов, которые являются для них малознакомыми или недостаточ-но укрепились в памяти» [Цейтлин, 2009, с. 59].

В рамках данной статьи мы не останавливаемся на проблеме ложной этимологии в детской речи: *Грузия от слова «грузы»?* (6 л., В.Х.): явление этимологической рефлексии достаточно полно описано в работах Т.А. Гридиной, С.Н. Цейтлин, мы обращаемся к рефлексии ребенка в процессе освоения слова и в связи с этим заметим, что дети разного возраста по-разному реагируют на словообразовательные связи слов. Дети младшего и среднего дошкольного возраста обращаются к деривационным связям слов для определения, уточнения значения слова, иногда для выявления самой лексической единицы, называющей то или иное явление: *Ну, та, которую зажигают (о зажигалке в ситуации, когда не знает, как данный предмет называется)* (3 г., М.К.), – *Мама, а это что такое? – Проигрыватель. – А почему проигрыватель?* (4 г., В.Х.), дети старшего дошкольного возраста используют эти связи, чтобы объяснить окружающим, почему так называется явление, причем нередко комментируют значение слова по собственной инициативе: *А почему мыло так называется? А я знаю! Оно делает пузырьки, оно мыльное, чистится* (5 л., В.Х.), *Дождь называется грибным, потому что он чистый. От грязного грибы не растут* (5 л., В.Х.).

Н.В. Галинова, М.Э. Рут, описывая процесс освоения лексики ребенком, отмечают, что «наряду с усвоением лексики идет и процесс самостоятельной вербализации нового знания» [Галинова, Рут, 2013, с. 80]. Полагаем, что именно процесс вербализации нового знания обуславливает инициативность ребенка в определении значения слова и сам характер определения значения слова: *Эту ракушку я назвал оваллица – ребенок комментирует название предмета овальной формы* (5 л., В.Х.). При этом ребенок обращает внимание именно на отношения между словами: *А чем отличается слово «мамка» от слова «мамуля»?* (6 л., В.Х.), допускает множественность мотиваций значения слова: *(разбирает название «банно-прачечный комбинат») Банно – от слова «банка» или от слова «баня»?* (6 л., В.Х.).

Таким образом: анализируя слово как объект рефлексии в детской речи, мы видим, что рефлексия ребенка реализуется в двух направлениях: это связь «слово – объект реальной действительности», «слово – его значение». Первоначально рефлексия ребенка в процессе освоения значения слова направлена на познание окружающего его мира, позд-

нее объектом рефлексии становится само слово как такое же явление действительности. Рефлексия ребенка обусловлена отсутствием у него представлений о явлении действительности, неполнотой представлений, что осознает сам ребенок, предположением ребенка, что неполными, неточными являются представления взрослого, вербализацией процесса познания действительности. Типичный способ рефлексии – определение значения слова. При уточнении представлений о связи слова и явления ребенок использует толкование значения слова, основанное на определении отношений общее – частное, на указании принадлежности/непринадлежности явления к определенному классу, группе, при определении связи слова и его значения ребенком чаще используется словообразовательное толкование.

Первоначально рефлексия ребенка связана с ситуацией поиска слова для называния явления, что наблюдается в младшем и среднем дошкольном возрасте, позднее – с демонстрацией его собственных представлений о значении слова. Ребенок младшего и среднего дошкольного возраста рефлектирует непосредственно в ситуации, связанной с «предъявлением» слова, в старшем возрасте рефлексия ребенка может носить отсроченный характер: он обращается к слову, услышанному достаточно давно.

Связывая проявления рефлексии в детской речи с возрастом ребенка, мы понимаем условность обозначенных границ, потому что проанализированные речения не представляют собой статистически значимого количества (лингвисты располагают досадно малым количеством записей детской речи), однако мы полагаем, что некоторые закономерности очевидны и о них можно говорить и на основе анализа имеющегося материала.

Литература

- Галинова Н.В., Рут М.Э. Из наблюдений за освоением лексики в детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2013. Вып. 11.
- Гридина Т.А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи. М., 2006.
- Колясникова О.С. Явление мотивационной рефлексии в детской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
- Кусова М.Л. Слово и его значение в детской речи // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2013. Вып. 11.
- Плотникова С.В. Развитие лексикона ребенка. М., 2013.
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2007.
- Харченко В.К. Словарь современного детского языка. М., 2005.
- Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

СПЕЦИФИКА ДЕФИНИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ОБЫДЕННОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ТЕРМИНОВ ИЗ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРЫ «ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ»)

А.Г. Балобанова

Ключевые слова: медицинские термины, профессиональная семантизация терминов, обыденная семантизация терминов, стратегия семантизации, дефиниционная стратегия.

Keywords: medical terms, professional semantization of the terms, ordinary semantization of the terms, the strategy of semantization, definitional strategy.

В настоящее время в лингвистике большое внимание уделяется проблемам изучения языка науки, в том числе терминологии. Основной акцент при этом делается на совершенствование системы терминов как элементов научной коммуникации, замыкающейся внутри профессиональной сферы. В условиях усложнения интеллектуальной деятельности человека, быстро развивающихся технологий, такой подход приобретает особую актуальность, так как имеется профессиональная (внутринаучная) потребность в строго терминированных и логических стратегиях рефлексирования над значениями языковых знаков, достоверно отражающих главные информационные характеристики предметов, событий и процессов реального мира. Хорошо развитая, упорядоченная терминология является инструментом научной, практической и учебной сфер профессиональной деятельности.

Не вызывает сомнений и то, что проблема терминологической грамотности актуальна не только для специалистов, но и для самых широких слоев населения. Именно этим обусловлен интерес к медицине как системе научных знаний и практической деятельности, целями которой является укрепление и сохранение здоровья людей, предупреждение и лечение заболеваний. Главной задачей данной статьи является выявление и описание специфики функционирования терминов в обыденном и профессиональном сознании, а именно – рассмотрение их семантизации непрофессионалами – абитуриентами и профессионалами – практикующими врачами.

В связи с такой постановкой проблемы отметим следующее. В современных лингвистических исследованиях понятие «семантизация» охватывает широкий и разнообразный спектр языковых явле-

ний, вследствие чего оно не определяется однозначно. В данной работе мы рассматриваем семантизацию как форму метаязыковой деятельности носителя языка, направленную на экспликацию мыслительного содержания, репрезентируемого словом в его (носителя) языковом сознании.

Под стратегией семантизации мы понимаем «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значений» [Ростова, 2000, с. 120]. Современные исследования позволяют говорить о следующих типах стратегий: *дефиниционная, описательная, ассоциативная, контекстная, мотивационная и отсылочная*. Предпочитаемый выбор стратегий обусловлен как свойствами лексических единиц – объекта толкования, так и ментальными особенностями «дефинирующего субъекта».

Конкретной задачей данного исследования, как было указано выше, является описание дефиниционной стратегии семантизации медицинских терминов, выявленной в результате лингвистического эксперимента, отражающего особенности реального функционирования медицинских терминов в сознании как рядовых носителей языка, находящихся на начальном уровне профессионализации, так и профессионалов.

В качестве испытуемых выступили 50 абитуриентов Новосибирского государственного медицинского университета и 50 слушателей курсов «Избранные главы терапии», которые проводились на кафедре терапии гематологии и трансфузиологии ФПК и ППВ на базе городской клинической больницы № 25 г. Новосибирска.

Аналізу были подвергнуты медицинские термины из понятийной сферы «Внутренние болезни». Информантам было предложено дать определение следующим терминам: *гастрит, пиелонефрит, тригонит, холангит, холецистит, цистит*.

Выбор этот вполне обоснован не только потому, что наибольшее число людей страдают заболеваниями внутренних органов, но и потому, что одной из крупнейших отраслей теоретической и практической медицины является направление «Внутренние болезни».

Согласно выдвигаемому нами тезису, толкование узкоспециальной терминологической лексики осуществляется посредством использования дефиниционной стратегии. Она позволяет обнаружить вариативность семантизирующего результата, проявляющегося в содержании толкования, а именно, в репрезентируемом денотате и наборе дифференциальных признаков.

При построении дефиниции информант стремится объяснить значение слова, оперируя признаками, на его взгляд, наиболее характерными для этого слова. Под дефиницией мы понимаем описание какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные, значимые его признаки. Среди дефиниций широкое распространение получили *классификационные*, определяющие понятие через родовые отличия.

При толковании терминов, относящихся к денотативной области «Внутренние болезни», были получены определения, структура которых подчиняется логике построения дефиниций, предполагающей наличие двух компонентов (полные дефиниции) с указанием ближайшего рода (класса) и видового отличия.

В первую очередь информантами выделяется родовой компонент как признак родовой принадлежности предмета. Приведем примеры.

Врачи – участники эксперимента – отметили, что *тригонит* – это *воспаление; заболевание. Гастрит* – это *заболевание; воспаление; процесс; поражение*. Абитуриенты указали, что *тригонит* – это *болезнь / заболевание; лекарство; воспаление. Гастрит* – это *заболевание / болезнь; воспаление; язва; поражение; нарушение; расстройство; вид заболевания*. Как видно из примеров, на этапе соотнесенности с денотатом вариативность семантизирующего результата у врачей представлена в минимальной степени, а у абитуриентов с достаточно широкой степенью абстракции.

Второй этап семантизации предполагает процесс дифференцирования, основанный на выделении существенных, уникальных свойств и качеств объекта.

Подавляющее большинство испытуемых, как врачей, так и абитуриентов, в первую очередь указали на *локализацию*.

Врачи дают следующее определение: *гастрит* – это воспаление *желудка; слизистой оболочки желудка. Пиелонефрит* – это воспаление *почечных лоханок; чашечно-лоханочного аппарата почек; лоханочной системы почек. Тригонит* – воспаление *мочепузырного треугольника; треугольника мочевого пузыря. Холангит* – воспаление *желчных протоков; желчевыводящих путей. Холецистит* – воспаление *желчного пузыря; слизистой желчного пузыря. Цистит* – воспаление *мочевого пузыря; слизистой оболочки мочевого пузыря*.

Абитуриенты определили, что *гастрит* – это заболевание *желудка; кишечника; ЖКТ; нарушение в пищеварительной системе. Пиелонефрит* – болезнь *почек; воспаление почечных чашек. Триго-*

нит – болезнь легких; воспаление мочевого треугольника; заболевания гортани. *Холангит* – воспаление нижних дыхательных путей; желчных протоков; хрящевой ткани; желчевыводящих путей; носоглотки. *Холецистит* – воспаление печени; желчного пузыря; мочевыводящих путей; желчевыводящих путей; заболевание печени; мочевой системы; железы. *Цистит* – болезнь печени; мочепускающих каналов; воспаление желчного пузыря; мочеполовой системы.

Приведенные примеры показывают, что наличие специальных знаний в области медицины позволило врачам точно указать на пораженный заболеванием орган / участок органа, в то время как абитуриенты из-за отсутствия необходимой подготовки при определении локализации не были едины в своем выборе.

В процессе анализа дефиниций было выявлено, что определение термина может быть этим исчерпано либо дополнено еще одним или несколькими существенными видовыми признаками.

Локализация болезни, которая может осуществляться на различных участках организма и изменяться в зависимости от течения болезни, объясняет разнообразие симптоматики. Поэтому она является следующим важным дифференцирующим признаком в ответах врачей. Например, *гастрит проявляется болями, диспепсическими расстройствами, изжогой и др.* Для пиелонефрита характерно то, что он *сопровождается т^о, тяжестью в области почек, повышением количества L, белка, бактерий в моче; основным симптом – изменение мочевого осадка.*

Стабильным оказался компонент *симптоматики* и у абитуриентов. В ответах информантов *гастрит* – это заболевание, *характеризующееся повышенным уровнем кислотности*; заболевание, *при котором наблюдаются острые боли желудка. При цистите возникает боль в мочепускательном канале.*

Ответы врачей показали, что клиническое мышление предполагает овладение различными категориями, прежде всего связанными с симптомами и синдромами. Представление о симптомах и синдромах внутренних болезней необходимо, чтобы поставить правильный диагноз и назначить эффективное лечение.

У абитуриентов представление о том, как выражается и проявляется заболевание, складывается, прежде всего, на основе жалоб больного.

Следующим по значимости видовым признаком для всех заболеваний в определениях врачей является *патогенез*.

У *гастрита* они указывают на *воспалительный* процесс; *воспалительное* заболевание; заболевание *воспалительного характера*. В определениях *пиелонефрита* клиницисты отметили, что это – *воспалительное* заболевание / процесс. *Холангит* – *воспалительный* процесс / заболевание. *Холецистит* – *воспалительный* процесс. *Цистит* – *воспалительный* процесс / заболевание.

Теперь обратимся к ответам абитуриентов. В определениях *гастрита* они отметили, что это заболевание, *при котором происходит разрушение его слизистой*; *воспалительное* заболевание. При *холецистите* поджелудочная железа *недостаточно вырабатывает ферменты*; *воспалительное* заболевание. *Цистит* – *паразитическое* заболевание.

Знания в области патологической физиологии, патологической анатомии, знания типовых патогенетических реакций, их течение и взаимодействие между собой позволили врачам дать описание патогенетическим процессам в вышеуказанных заболеваниях. У абитуриентов этот компонент несет в себе недостоверную информацию и встречается только в определениях *гастрита*, *холецистита* и *цистита*.

Следующим существенным признаком в ответах как врачей, так и абитуриентов является *этиология*. Врачи указали, что *гастрит* – это заболевание, *вызванное бактериями helicobakter pylori (прав. Pylori)*; заболевание, *возникающее при злоупотреблении жирной пищей*; *вызываемое многими факторами (алиментарными, средовыми, наследственными)*, в том числе, *инфекционными (H. Pylori)*; заболевание, *связанное с нарушениями диеты, стрессовыми ситуациями*. *Пиелонефрит* – это заболевание, *вызванное стрептококком*. *Тригонит* - *воспаление, вызванное гонококком и трихомонадой*.

Абитуриенты отметили, что *гастрит* – это болезнь, *возникающая из-за неправильного питания*; *возникает при плохом питании*; *вызванное бактериями*; *вызванное неправильным режимом и качеством питания*. *Пиелонефрит* – это *простудное* заболевание. *Цистит* – заболевание мочепускающей системы *из-за (простуды) охлаждения органов*. *Холецистит* - *простудное* заболевание.

Ответы специалистов показали, что раскрытие этиологии болезни имеет важное практическое значение для врача т. к. позволяет целенаправленно воздействовать лечебными средствами на причинный фактор болезни. Элементарные знания в области рациональной профилактики также позволили некоторым абитуриентам частично раскрыть причину внутренних заболеваний.

К перечисленным выше признакам информантами было еще добавлено *течение заболевания*.

Специалисты указали, что *гастрит* – это *острое или хроническое* воспаление. *Пиелонефрит* – *острое* воспаление; *хроническое* заболевание. Абитуриенты отметили, что *холецистит* – *острое* воспаление; *хроническое* заболевание.

К наиболее редким признакам в ответах информантах относятся – *прогноз* и *лечение*. Вызывает интерес тот факт, что в определениях врачей полностью отсутствует такой компонент, как *лечение заболевания*, тогда как у абитуриентов такие случаи были отмечены. Испытуемые-абитуриенты указали, что при *гастрите в период лечения из рациона исключается острая, соленая, жареная, жирная и т.п. пища*. В свою очередь, в определениях специалистов встретился прогноз: по поводу *гастрита* было указано, что это заболевание, *в целом, с неблагоприятным исходом*.

Сравнивая набор признаков, составляющих ответы врачей, с набором признаков, входящих в определения абитуриентов, можно обнаружить в них определенную общность. Самыми значимыми дифференцируемыми признаками заболеваний оказались *локализация, этиология, симптоматика, патогенез, течение заболевания*.

Представляется, что минимализм дифференцирующих признаков в определениях испытуемых объясняется уровнем их подготовки. Вполне понятно, что у абитуриентов это связано с отсутствием необходимой информации, а в сознании врачей, напротив, опознавательные признаки заболевания редуцируются, остается только основная, необходимая информация, которая и образует минимум дифференциальных признаков, вполне достаточный для узнавания заболевания и отличия его от других.

Также в результате эксперимента были получены определения, состоящие из одного компонента (неполные дефиниции), где указывался либо только родовой, либо видовой компонент.

Так, у абитуриентов указание только на родовой компонент встречается гораздо чаще, чем у врачей. Например, у *пиелонефрита* – 5 (10%); *тригонита* – 7 (14%), *холангита* – 7 (14%), *холецистита* – 4 (8%), *цистита* – 2 (4%). А в определениях врачей указание на видовой признак встречается чаще, чем у абитуриентов. *Гастрит* – 2 (4%), *пиелонефрит* – 2 (4%).

На наш взгляд, это вполне закономерно, потому что на начальном уровне профессионализации многие абитуриенты способны лишь отнести данный объект к какому-то определенному классу. Родовым компонентом в их определениях зачастую выступает дис-

циплинарная категория (*заболевание, воспаление, болезнь*), а врачи, напротив, не включают в дефиниции родовой признак, считая его несущественным, делая акцент на видовых признаках (*симптоматику и локализацию*).

Данные статистического анализа показали, что 100% абитуриентов дали толкование только одному термину - *гастрит*, в то время как врачи, кроме этого термина, дали 100% описание *циститу, холециститу и пиелонефриту*. 98% врачей дали определение *холангиту* и 50% описали термин *тригонит*. 86% абитуриентов справились с термином *цистит*, 74% дали определение *холециститу*, 70% испытуемых описали термин *пиелонефрит*. И только 34% опрошенных абитуриентов дали толкование терминам *тригонит* и *холангит*.

Полученные результаты позволяют говорить о существовании закономерностей осознания и дефинирования медицинских терминов. Информанты (как врачи, так и абитуриенты) стремились к логически выстроенному дефинированию обозначаемого словом понятия. В процессе толкования медицинских терминов врачи актуализировали профессиональную когнитивную систему, которая позволила им точно определить денотат и выявить существенные его признаки. Выбор дефиниционной стратегии абитуриентов также продемонстрировал наличие общей, достаточно известной рядовым носителям языка информации о денотате, благодаря чему они определили денотат как элемент общего класса и выделили дифференциальные признаки в структуре дефиниции.

Литература

Балобанова А.Г. Реальная семантика медицинских терминов (на материале толкований практикующих врачей). [Электронный ресурс]. http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1363

Балобанова А.Г. О дефиниционной стратегии семантизации медицинских терминов (на материале определений студентами терминов из понятийной сферы «Инфекционные болезни») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4 (60) Т. 3.

Голев Н.Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции; Общий очерк концепции в «Словаре обыденных толкований русских слов» // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2010.

Ростова А.Н. Стратегия толкования значения слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000.

О ВЛИЯНИИ ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ВЫБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

М.А. Бураков

Ключевые слова: национальная языковая картина мира, глагольная и адъективная схема эмоционального предиката, агентивная (номинативная) и пациентивная (дативная) форма субъекта, агенс, бенефициар.

Keywords: national language world view, verbal and adjectival pattern of the emotional predicate, agentive (nominative) and patient (dative) form of the subject, agent, beneficiary.

Последнюю треть прошедшего века и начало нынешнего можно смело назвать эпохой лингвистической семантики. Новейшие грамматические исследования, по словам Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, ставят перед собой «решение одной и той же проблемы: в какой мере и в каких случаях функционирование языковых выражений зависит от «объективных» свойств обозначаемой ими внеязыковой действительности?» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 7]. Однако поскольку основу этих «объективных» свойств составляют этнографические, психологические и культурологические особенности той или иной национальности, то в языковом плане обращается внимание на те признаки, которыми та или иная языковая общность отличается от другой, в особенности на трудно переводимые на другой язык выражения и сочетания. В этих исследованиях язык предстает в виде «магического кристалла», сквозь который каждая народность смотрит на окружающую действительность, по-своему воспринимая ее. Об этом говорят названия самих исследований: «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов». «Ключевые идеи русской языковой картины мира». «Лексический состав русского языка как отражение «русской души». «Фрагменты русской языковой картины мира». «Русская языковая модель мира» и т.п. «Реконструкция языковой картины мира, — подчеркивает Анна Зализняк, — составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики» [Зализняк, 2014, с. 2]. Такой подход к изучению языка является, несомненно, плодотворным, позволяющим объяснить особенности образования и функционирования каждого национального языка. В то же время абсолютизирование этноспецифического момента в семантических

исследованиях национальных языков рискует привести нас к отрицанию универсального характера языковой единицы как средства общения, свойственного в живом мире только человеку. На некоторых моментах такого абсолютизирования хотелось бы заострить внимание в данной статье.

Так, например, Анна Вежицкая приводит результаты исследования русского характера, проведенные в Гарвардском университете и, основываясь только на данных современного частотного словаря, выводит «три уникальных понятия русской культуры», отразившиеся в «смысловом универсуме русского языка»: *душа, судьба и тоска* [Вежицкая, 2011, с. 331]. На основании этого лингвист делает вывод о склонности русских к мистике, о фатализме «русской души», о пассивности русского характера. Противоположное мнение высказывают русские филологи Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, обращаясь, прежде всего, к фактам живой речи, к современной беллетристике и СМИ. В большинстве употреблений слова *судьба* в современной живой речи, подчеркивают русские языковеды, нельзя усмотреть ни мистики, ни фатализма, ни пассивности – ср. такие высказывания, как *Наша судьба в ваших руках; Народ должен сам решать свою судьбу; Ибо человек сам* – обращается А.И. Солженицын в сентябре 1994 года к студентам Ростовского университета, - *иногда замечая, иногда не замечая, - делает выбор и выборы, то мелкие, то крупные... И от выборов тех и других - решается ваша судьба*» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 489].

Столь же сомнителен анализ эмоциональных предикатов. Вооружившись мнением об особой по сравнению с западноевропейцами эмоциональности русских, исследователь предполагает, что глагольная схема эмоционального предиката содержит ментальное действие, а адъективная — никакого осознания не содержит. К примеру, континуальная форма английского предиката *Mary is worrying* ‘Мэри беспокоится (о чем-то)’ выражает, по мнению исследовательницы, переживание, сопряженное с процессом думания, тогда как адъективная типа *Mary is worried* ‘Мэри обеспокоена чем-то’ передает только эмоциональное состояние, лишенное интеллектуальной активности, поскольку в уме субъект «‘ничего не делает’». И далее исследовательница снова обращается к частотному словарю и, обнаруживая, что в русском языке большинство эмоциональных состояний выражается именно с помощью глаголов (*печалиться, радоваться, злиться, беспокоиться* и т.п.), а в английском языке — с помощью прилагательных и причастий, делает вывод, что «русские активно и вполне сознательно «отдаются во власть» стихии

чувств», тогда как «активность и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно не свойственны и даже чужды англосаксонской культуре». «Сама культура побуждает их [говорить] *be glad*, а не *rejoice*, *be sad*, но не *pine* и *be angry* скорее, чем *fume* или *rage* и т.п.» [Вежбицкая, 2011, с. 339-340].

Вместе с тем очевидно, что «оттенок воли», или, как называет его А. Вежбицкая, «волитивность», не является автоматическим свидетельством сознательной деятельности. Этот оттенок в семантике глагола отмечал еще А.М. Пешковский [Пешковский, 2001, с. 79]. Но в отличие от австралийской исследовательницы, русский филолог связывал его с активностью, отразившейся в языке в ту же пору, что и понятие предметности. Такая активность не различала разумную волю от неразумной. Адъективная схема действительно не содержит активности субъекта эмоции. Зато эту активность легко обнаружить у самого говорящего, который фиксирует в речи эмоциональное состояние. Именно поэтому (используя сравнение Вежбицкой) по отношению к спящему человеку нельзя сказать, что *он думает о Джоне* (так как спящий не *думает*), но вполне можем сказать, зная наперед его мысли, что *Он думает, что Джон мошенник*. Точно также в эмоциональной адъективной схеме связь эмоционального состояния устанавливается не с реальной действительностью, а с мыслями человека, которые ему приписываются говорящим по поводу происходящего в окружающей действительности. Поэтому эмоция «располагается», как и мысли человека, как бы в одном внутреннем плане, не имеющем внешнего выражения. На это отличие глагольной схемы от адъективной указывал в свое время еще А.М. Пешковский: «Мы скорее скажем *он радуется, как ребенок*, - пишет русский филолог, - чем *он рад, как ребенок*, потому что *радуется* указывает на какие-то жесты, выражение лица, - словом, на какие-то **проявления** радости, чем и подходит больше к ребенку, нежели *рад*» [Пешковский, 2001, с. 77]. Ср.: Когда в Евангелии от Иоанна Господь говорит, узнав о смерти Лазаря: *(Я) радуюсь за вас, что Меня не было там* (Ин. 11, 15), то это означает не желание Евангелиста передать сознательное «купание Христа в чувстве радости», но желание Христа засвидетельствовать перед окружающими людьми реальность своего внутреннего состояния, вызванного надеждой, что иудеи теперь скорее поверят в Его Божественную природу, когда увидят восставшего из гроба четверодневного Лазаря. Это является **самым главным семантическим** отличием глагольной схемы от адъективной в любом естественном языке.

К этому нужно добавить, что русские эмотивные глаголы сплошь и рядом возвратные, ср. *радоваться, волноваться, беспокоиться, огорчаться, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, злиться, гневаться, тревожиться, возмущаться, томиться* и т.д. В силу этого они имеют каузативную пару типа *радовать, волновать, беспокоить* и т.д. Энклитик *-ся* в древнерусском языке долгое время употреблялся отдельно от каузативного глагола, потому что он тоже, как и личные окончания, выражал отношения с субъектом, но не как деятеля со своим действием, а как бенефициара, то есть обладателя, который обладал эмоциональным признаком точно так же, как обладал признаком субъект эмоции, выраженной номинативной адъективной схемой. Таким образом, русский эмотивный глагол по сравнению с английской агентивной схемой семантически шире: он может выражать как эмоцию с внешним выражением (как английский глагол), так и внутреннее эмоциональное состояние, как английская адъективная конструкция. Это зависит от ближайшего контекста. Если глагольный предикат характеризуется «сильным» управлением, как ментальный глагол с предлогом *о* (*об*), то эмоция выражается по большей части как процесс с внешними проявлениями; если глагольный предикат управляет «слабой» синтаксической связью с предлогами *за, на* и т.п., или подчинительным союзом или союзным словом *что, потому что, как* и т.п., реализуется значение внутреннего эмоционального состояния без его внешнего выражения, ср. *Радоваться победе, письму, встрече, поездке* (то есть выражать вовне) и *радовать-ся, что все так хорошо окончилось* (находиться в состоянии радости). *Печалиться о сыне* (то есть выражая чувство) и *Печалиться, что сын в опасности* (находиться в печали). *Разумный человек не станет огорчаться* людской молвой и *не будет завидовать* людям (то есть показывать окружающим свое внутренне состояние) и *Меня огорчает то, что люди думают обо мне неправильно* (автор передает свое внутреннее состояние).

Представляется, что с актуально-длительным временем сочетаются глаголы эмоционального состояния только в значении экстерниоризованного состояния. Ср. *Смотри, как он радуется <как он стыдится своих лохмотьев>; Боишься <трепещешь>?; Ну что ты сердиться?* Сама по себе процессуальность является достаточным аргументом только для употребления их с общефактическим результативным значением, ср. *Он никогда не стыдился своих лохмотьев <не гордился своим сыном>*. Приписываемое лексикографами в этом случае актуально-длительное значение целиком создается лек-

сическим «расширителем» — временным локализатором, ср. *Он никогда не стыдился своих лохмотьев <не гордился своим сыном> так, как в эту минуту* [Апресян, 2006, с. 113].

Невозможность сочетания адъективного предиката с «сильным» глагольным управлением как раз и указывает на то, что причиной выражаемой эмоции является не внешний мир, а мысли самого субъекта эмоции, ср. Нельзя сказать: **Я грустен о тебе, *Мне грустно о тебе*, но только *Мне грустно, потому что весело тебе* (Лермонтов). И в то же время некорректно сказать: **Я грущу, потому что весело тебе*. Потому что в *грущу* выражается непосредственное отношение к реальной действительности.

Столь же поспешным представляется мнение Вежбицкой о резком различии номинативной и «дативной» формы грамматического субъекта предложения [Вежбицкая, 2011, с. 353-354]. По мнению лингвиста, в них отражается два разных взгляда на мир. Номинативная форма субъекта обозначает сознающего и контролирующего свои действия и состояния деятеля. «Дативная» форма отражает испытывающего воздействие безответственного экспериенцера. В русском языке по сравнению с английским для выражения процессов и состояний в большей степени используются именно дативные и безличные конструкции. Это указывает, по мнению исследовательницы, на незначительную роль «тесных связей между волей и каузацией» в русском языке по сравнению с английским языком и свидетельствует о незначительной роли понятия «воли» в русском социуме [Вежбицкая, 2011, с. 371].

По ее мнению, в предложении *Живу дурно* говорится о человеке, который выражает ответственность за свои поступки, а в предложении *Мне живется очень плохо* отображается точка зрения лица, снимающего с себя всякую ответственность за жизненную ситуацию. В силу этого в семантическое толкование «дативной» конструкции следует внести семантический компонент «не потому, что X это хочет», ср. *Ему грустно, Ей больно, Им невесело, Тебе не повезло, Его перекосило, Мне не работается* и т.п. [Вежбицкая, 2011, с. 343]. С субъектом происходит то, чего, возможно, ему не хочется.

Субъективность толкования этих предикатных схем легко показать, изменив «знак» переживания с отрицательного на положительный: *Ему весело, Ему приятно, Мне работается сегодня* и т.п. (абсурдно утверждать, что с субъектом происходит то, чего ему не хочется), или немного расширив контекст «отрицательного» переживания, например: *Живу дурно — среда заела!* (Ответственность за

поступки снята) и *Мне живется очень плохо, потому что согрешил, получаю возмездие* и т.п. (ответственность определена).

Данные сравнительного языкознания показывают, что распространение в русском языке безличных предложений и, в частности, «дативной» модели субъекта, по всей видимости, обусловлено различной судьбой аналитического перфекта в германских и славянских языках. Совпадение грамматической формы причастий в активном и пассивном перфекте, как пишет Э. Бенвенист, привело к возникновению в романо-германских языках нового вспомогательного глагола 'иметь', позволившего обладание результирующим признаком переходного глагола отобразить в номинативной схеме [Бенвенист, 1974, с. 221]. То значение обладания предикативным признаком, которое глагол 'быть' передавал в интранзитивной конструкции 'быть у', глагол 'иметь' отобразил транзитивно. «Пассивная» конструкция ('быть у'. – М.Б.), – подчеркивал французский филолог, — на поверку оказывается посессивной формой и эта последняя выступает как собственный показатель транзитивного перфекта». «Древнеперсидской конструкции «*mihi factum est*» соответствует согдийская «*habeo factum*»; в этом вся разница. Оба оборота означают одно и то же, точно так же, как между лат. *mihi cognitum est* и *habeo cognitum* существует только разница во времени их распространения» [Бенвенист, 1974, с. 200; 201]. Поэтому все перфектные (совершенные) формы от переходных глаголов, а также некоторые субъектные состояния во многих западноевропейских языках выражаются с помощью транзитивного вспомогательного глагола 'иметь', ср. лат. *habē scriptum* 'я написал' (*habē*); нем. *Ich habe geschrieben* (*haben*); исп. *He escrito* (*yo + vt. haber*); фр. *il m'a blessé* 'он ушиб меня' (*avoir* 'иметь') – *il s'est blessé* (intr.) 'он ушибся' (*être* 'быть'); ср. также *J'ai écrit, il a faim* 'он голоден', *il a la fièvre* 'у него жар' [Бенвенист, 1974, с. 214]. В английской видо-временной системе совершенные времена также оформляются с помощью глагола *have* 'иметь', однако вследствие широких аналитических тенденций вне зависимости от транзитивности глагола. Ср. *Our train has left* – *Наш поезд ушел*; *He has already finished the book* – *Он уже дочитал книгу*; ср. также *He has become very wealthy* – *Он стал очень богат* [Некрасова, 1999]. В силу, по-видимому, аналогии и остальные бытийные (употребляющиеся часто как вспомогательные) и модальные глаголы состояния (нем. *sein; werden; können; müssen, brauchen*; фр. *être, ont, posséder, disposer*; исп. *ser, haber, existir, estar*; англ. *can, have, am, do, be, shall, will, is, may* и др.), выражающие обладание предикативным признаком, стали употреб-

ляться с субъектом в номинативе, так как, как пишет Бенвенист, во всех своих употреблениях идея обладания «не указывает на объект – всегда только на субъект» [Бенвенист, 1974, с. 214].

Иначе складывались отношения форм активного и пассивного перфекта в славянских языках, так как изначально они были образованы от разных причастий: активные формы образовывались от причастий на *-ль* (*написал письмо, сдал экзамен, убил зверя*), пассивные – на *-н-*, *-т-* (*письмо написано, экзамен сдан, зверь убит*). Впоследствии активные формы стали употребляться как простое прошедшее время, а пассивные формы образовали страдательные конструкции, в которых реальный деятель не совпадал с подлежащим и поэтому не требовал именительного падежа, как активная форма перфекта в романо-германских языках. В этом случае процесс или состояние, выраженные без формального подлежащего причастием среднего рода, могли осмысляться безлично, ср. *Дело работниками сделано, Дело сделано и Сделано в России*. В отличие от русского языка те же самые процессы и состояния в романо-германских языках адекватно передаются, как пишет В.В. Виноградов, пассивными конструкциями, в которых реальный деятель может быть и не выражен, хотя подлежащее будет налицо, что сближает их с русскими безличными предложениями. Ср. рус. безлич. *Избу занесло снегом* «удобно переводится на французский язык посредством пассивного оборота *Il y a de neige amoncellée sur l'izba*; аналогично: *Подвал залило водой* – фран. *Le sous-sol a été inondé* букв. 'Подвал был затоплен'» [Виноградов, 1972, с. 503]. Другими словами, введение формального подлежащего не вносит никакого дополнительного семантического оттенка и, следовательно, не может быть интерпретировано как выражение особого агентивного взгляда на субъект, который приписывает ему австралийский филолог.

Аналогично Вежбицкая характеризует оппозицию номинативной конструкции *Я должен* как «необходимость, признаваемую самим субъектом» и «дательную» *Мне нужно, Мне надо, Мне необходимо* – как «необходимость, навязанную субъекту извне» [Вежбицкая, 2011, с. 355]. Но очевидно, что различие связано не с конструкцией, а с разными лексемами и лексическими значениями. Между выражениями *Я должен это сделать* и устар. *Мне должно делать дела Пославшего Меня* [Ин. 9, 4] существует только стилистическая разница. Что касается выражений *Мне нужно, Мне надо, Мне необходимо*, то они и в английском передаются лексемами, выражающими зависимость воли субъекта от внешних условий, ср. *I need to*

do this? ‘Мне нужно это сделать’ можно перевести и как *Я нуждаюсь в том, чтобы сделать это*.

Сравнивая английскую номинативную конструкцию *He failed* буквально ‘Он не преуспел (в этом)’ с русской дативной *Ему это не удалось*, Вежбицкая утверждает, что в русской конструкции не выражена ответственность лица за успех или неуспех некоторого предприятия. И «виновата» в этом форма датива субъекта [Вежбицкая, 2011, с. 371]. Между тем, очевидно, что значение этого глагола не в пресуппозиции, а в его ассертивной части, указывающей на успешное или неуспешное выражение результативного состояния, для которого гораздо важнее не отношение с субъектом, а его обстоятельственная характеристика, то есть *удалось* или *не удалось*. В силу этого мы можем сказать *Ему в целом (вполне) удалось сделать действительно качественный шаблон* или *Ему не до конца (не вполне) удалось убедить своих оппонентов*. Поэтому в английском языке русскому выражению *ему это удалось* более соответствует форма *he was successful/his [action] was successful* или *he was able* + инфинитив глагола. Характер ответственности за совершаемые действия отображается в более широком контексте, ср. *Он не выполнял рекомендаций тренера, поэтому ему не удалось добиться желаемого результат*. И наоборот: *Хотя он выполнял рекомендации тренера, желаемого результата добиться ему так и не удалось*. Такое же значение ‘получаться, удаваться’, освобождающее действующее лица от ответственности за конечный результат, выражает в английском языке номинативная конструкция с идиомой *to work out* (+ *for* лицо + инфинитив), ср., *It didn't work out for us to go to California*. (‘Нам не удалось / у нас не получилось поехать в Калифорнию’).

Аналогично можно рассматривать оттенки в употреблении в русском языке модального глагола *мочь* в вопросительном предложении. При этом в дативной конструкции он, по-видимому, выражает простую просьбу совершить какое-л. действие, ср. *Можно мне взять эту книгу?* А в агентивной подтверждение права (физического, морального, юридического и т.п.) на что-л., ср. *Могу ли я выехать за границу? Могу ли я забрать свои документы?* Ср. некорректность **Можно ли мне выехать за границу? *Можно ли мне забрать свои документы?* Аналогичные оттенки употребления фиксируются и в английской агентивной (номинативной) конструкции. Однако это осуществляется с помощью разных лексем, а именно: *may (might)* или *can (could)*, ср. *May I come in?* – *Yes, you may* (разрешение) и *Can I come in?* – *Yes, you can* (физическая способность)

[Английский язык онлайн, URL]; ср. еще пример: *May I take this book? - Can I travel abroad?, May I have a cookie?* Можно мне печенье? и *Could you help me?* Не могли бы вы мне помочь?

Таким образом, дативная конструкция в русском языке является не столько этноспецифической чертой, в которой отображается особое устройство русской души: ее суперэмоциональность, неконтролируемость и иррациональность, сколько общим языковым общеиндоевропейским средством представления личного действия в качестве ситуации, события, процесса. В дативной конструкции находит отражение древнейшая категория безличности, которая и в современных языках продолжает оставаться продуктивной. Так, В.В. Виноградов пишет: «Будучи живой и продуктивной формой представления действия вне отношения к деятелю, категория безличности открывает возможности адекватного изображения процесса с неизвестным производящим лицом» [Виноградов, 1972, с. 369]. Категоричнее высказывается А.М. Пешковский. По его мнению, «история новых языков есть история **вытеснения личного предложения безличным**» [Пешковский 2001, с. 345; также см.: Галкина-Федорук, 1958, с. 139]. Находясь под обаянием экстралингвистических идей (об «особой ориентации русского семантического универсума»), А. Вежицкая считает рост безличных предложений «типично русским феноменом», так как «в других европейских странах, ... изменения обычно шли в противоположном направлении», не приводя, впрочем, в доказательство этого мнения никаких аргументов, кроме ссылок на работы Ш. Балли и В. Елмер (W. Elmer) [Вежицкая, 2011, с. 374]. Между тем, С.Д. Кацнельсон, исследовавший категорию безличности в германских языках, свидетельствует, что «безличная конструкция служит здесь <...> живым способом для образования глагола в абстрактном значении». «Позднейшее развитие, – подчеркивает филолог, – использует различие между личной и безличной конструкцией как для создания новых глаголов ощущения и судьбы, так и для выражения отдельных оттенков мысли» [Кацнельсон, 2010, с. 42-43]. Такое развитие ученый иллюстрирует многими примерами безличных глаголов в германских языках. Например, средневерхненемецкий глагол *«bresten»* употреблялся в языке одновременно и в личной («ломаться, лопаться; разрываться». – М.Б.) и безличной форме («недоставать; нехватать». – М.Б.). Сравнение с соответствующей по значению в новонемецком языке безличной формой *gebrechen* восстанавливает среднее звено: первоначально «*es gebriecht* означало по связи с *brechen* ‘быть обломанным; иметь потерю вследствие этого’». Ср. позднее упо-

требление глагола уже с новым переходным смыслом *Da nun Geld gebracht im Lande Ägypten* (слав. *оскудѣ все сребро*) (Быт. 47, 15) [Кацнельсон, 2010 г., с. 41-42]. И это вовсе не свидетельствует о выходе из употребления самой безличной конструкции. Глагол нем. *hungern* в древнем языке употреблялся в безличной конструкции со значением состояния (*es hungert mich*) и одновременно обозначал каузативное действие (*Ich hungere* ‘заставить голодать; подвергнуть голоду’). В «результате семантической эволюции» этот глагол в германских языках стал личным и получил значение состояния, ранее выражавшееся безличной конструкцией, но с оттенком длительности, ср. *Ich hungere* ‘я голодаю (длительно)’. А сохранившийся безличный глагол приобрел семантический оттенок наличного состояния, ср. *mich hunger* ‘я голоден; проголодался; хочу есть’. Аналогично развивался в германских языках глагол *dürsten* ‘жаждать’, а также и другие глаголы «состояния и судьбы» [Кацнельсон, 2010, с. 41-42].

Таким образом, намеренное представление действия неагентивным (в дативной конструкции; безличным) служит не столько выражением особой национальной ориентации на тот или иной «семантический универсум», сколько, напротив, по-видимому, является рациональным шагом, универсальной ступенью в процессе осмысления субъектного действия как целостного феномена окружающей действительности.

Литература

- Английский язык онлайн. [Электронный ресурс]. URL: www.englishforums.com
 Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
 Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
 Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
 Вежицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011.
 Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
 Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
 Зализняк Анна. Языковая картина мира. [Электронный ресурс]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html?page=0,8
 Кацнельсон С.Д. Историко-грамматические исследования. СПб., 2010.
 Некрасова Е.В. Популярная грамматика английского языка. М., 1999.
 Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С СООТНОСИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ «ТАК» В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

М.В. Пузыренко

Ключевые слова: сложноподчиненные предложения местоименно-соотносительного типа, местоименно-соотносительное слово, категория модальности, интенсификатор, интенсификатор, современная проза.

Keywords: complex sentence of pronoun-correlative type, pronoun-correlative word, category of modality, intensive, intensifier, modern prose.

Синтаксис современного русского языка представлен широким многообразием экспрессивных конструкций, которые выполняют в тексте множество функций. Представляется значимым анализ функций соотносительного слова *так* в разных типах сложноподчиненного предложения (далее – СПП), который может дать определенный материал для дальнейшего описания сложных синтаксических единиц.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью функционально-семантических особенностей употребления соотносительного слова «так» в научных трудах последних десятилетий, а также необходимостью изучения специфики синтаксиса текстов современной прозы, характеризующихся использованием языковых средств, максимально ориентированных на воздействие на читателя. Впервые проводится анализ таких предложений для того, чтобы выявить случаи изменения семантики в данных конструкциях и попытаться описать проявление новых функций у соотносительного слова.

Материалом исследования послужили конструкции с соотносительным словом «так» в текстах современной прозы Л. Улицкой, А. Иличевского, Т. Толстой, выбор которых определяется частотностью функционирования в них рассматриваемых предложений, что позволяет проследить изменения функционально-семантических признаков сложноподчиненных предложений в современных текстах.

Соотносительное слово *так* в силу своей неизменяемости чаще является в предложении частицей или союзным словом. Оно грамматически изолировано, поэтому чаще всего сочетается с глаголами, наречиями, краткими прилагательными. Например: *Дух сыска, ссоры и вражды был так силен, что проник даже в мирный дом Павла Алексеевича*

[Улицкая, 2000]. Как видно из примера, *так* не только соотносительное слово, но и интенсификатор краткого прилагательного «силен».

В зависимости от смысла предложения или цели говорящего, местоименно-соотносительное слово может иметь разные оттенки в семантике, что говорит о разных выполняемых им функциях.

В обстоятельственных СПП местоименно-соотносительного типа обнаруживаются следующие особенности функционирования соотносительных местоимений:

1. Местоимение *так* может соответствовать сравнительному придаточному с союзным словом «*так – как*», где *так* выступает в роли интенсификатора: *Она была так несчастна, как только можно вообразить, но сама не понимала отчего* [Улицкая, 2002]. *Было так тихо, как бывает только в полдень, в час, когда солнце в зените* [Улицкая, 2000]. *На колесо, на его сияющие цифры участники игры молятся так истово, как умеют молиться только американцы и только деньгам* [Толстая, 2007].

В конструкциях *так несчастна, так тихо, так истово, как* – обозначается степень качества; огромную роль играет семантика слов, с которыми сочетаются корреляты. Иначе говоря, при помощи лексических средств и синтаксических конструкций реализуются необходимые значения (или комплексы) данных СПП с местоименно-соотносительными словами. Особенно важным в таких конструкциях является *как*, которое полифункционально, так как выражает не только степень качества, способ интенсивности действия и т.д., но и может выступать как сравнительный союз, функционирующий в расчлененных структурах, что создает предпосылки для возникновения контаминированных конструкций.

2. *Так* чаще всего имеет усилительное значение в составе СПП, где придаточное фразеологизированного типа, например: *Или те дороги, по которым вам бежать, так опасны, леса, где вам ночевать, так холодны и пустынно, что вы сбиваетесь в шайки, жметесь друг к другу, держитесь за руки, пролетая ночью над нашими освещенными домами?* [Толстая, 1989]. *Вела она себя при этом так тихо и скромно, так смиренно и безразлично выслушивала полагающиеся ей всякие слова, что общаться с ней соседям было неинтересно* [Улицкая, 2002]. В данных предложениях наблюдается интенсификация, которая усиливается за счет повторов интенсификатора *так*, которому соответствует союз *что*.

3. Во многих СПП употребляется союз *как*, выступающий в роли скрепы главного с придаточным, имеющим значение реальной модальности. Такие конструкции имеют дополнительный оттенок уподобления, так как действия в главном и придаточном предложениях полностью

уподобляются друг другу. Но в СПП с синкретичной семантикой сравнения и образа действия могут использоваться и союзы, имеющие значение ирреальной модальности «*будто, словно, точно и др.*», указывающие на отсутствие действия, которое существует только в воображении автора. Например: 1. *Наши обои, например, наутро уже выглядели **так, будто** они тут всегда и были: без темных пятен, без ничего такого* [Толстая, 2007]. 2. *Я звонил **так, как будто** заглядывал в телескоп* [Иличевский, 2010]. 3. *Шурик обо всем говорил **так, будто** сам видел, даже самую мысль свою видел своими глазами, держал в руках – и коллекционные колосья, и Адама хлопал по плечу, выслушивая о проблемах жизни в Эдеме* [Иличевский, 2010]. Эти предложения характеризуются тем, что смысловые отношения между главным и придаточным предложениями сравнительные, придаточное конкретизирует информативно недостаточный глагол-сказуемое главного, придавая конструкции значение образа действия. Такие СПП могут быть как односубъектными, представляя собой неполное двусоставное предложение (пример 2), так и двусубъектными, придаточные которых сообщают о хронологической чередности событий, либо содержат описание деталей обстановки, предметов (примеры 1, 3).

В современной прозе наблюдаются и такие СПП, которые имеют только дополнительный семантический оттенок предполагаемого условия, так как появлению вариантов конструкций с причинным союзом здесь препятствуют указательные слова. Варианты конструкций со сравнительно-условным союзом «*как если бы*» допустимы, например: *Он понимал это **так, как если бы** эксплуатируемый физический недостаток его собственного ребенка давал бы ему удовольствие приработка* [Иличевский, 2008]. *Почему я разговариваю с этим милым, удачливым жуликом **так, как если бы** у меня были к нему личные претензии, как будто это он, он в ответе за ложь, воровство и хаос, за нищету, за беженцев, и за гражданскую войну, и за террор тридцатых годов, и за миллионы бессмысленно убитых?* [Толстая, 2007].

4. Союз *как* может указывать и на объектное значение, например: *На сохранившейся фотографии видно, что «Черный квадрат» расположен в углу, под потолком – там и **так, как** принято вешать икону* [Толстая, 2007].

5. Встречаются СПП с придаточным образа действия, в которых местоименно-соотносительное слово *так* может указывать на цель действия за счет используемого в предложении союза, например: *Жизнь его – краткий миг от эрекции до эякуляции с бизнес-ланчем посередине, и прожить ее надо **так, чтобы** не прищемить, не отморозить и не обжечь головку члена* [Толстая, 2007]. *Вбил гвоздь снаружи в дверную ра-*

му и согнул его ударом молотка **так, чтобы** дверь казалась запертой [Улицкая, 2000]. Мы посадим деревья под окном **так, чтобы** ветки заглядывали в окно [Улицкая, 2002].

Как показывает анализ языка современной художественной прозы, семантика в СПП фразеологизированного типа с соотносительным словом *так* может быть изменена, и на передний план выйдут предложения, в которых подчеркивается семантика образа действия (с союзом *как*), например: *Звонил Марек из своего Йоханнесбурга так часто, как не звонили приятельницы из Свиблова* [Улицкая, 2002]. Придаточное в таких предложениях поясняет сказуемое и раскрывает образ действия или способ его совершения. Предложения, в которых реализуется названная семантика, всегда синкретичны и находятся на периферии структур с данным значением. Следовательно, в СПП с семантикой образа действия может находиться соотносительное слово *так*, а в качестве связи используются союзы *как, что*, где *так* выполняет интенсифицирующую и сопоставительную функции.

Интенсифицирующая функция местоименно-соотносительного слова *так* определена его отнесенностью к центральной части функционально-семантического поля интенсивности, базирующегося на соответствующей категории. Впервые описание категории интенсивности как выразителя экспрессивности текста представил в своей книге И.И. Туранский [Туранский, 1990].

Данная категория достаточно изучена на лексическом уровне языка современной художественной прозы, в то время как на синтаксическом она не получила достаточного освещения. Необходимо рассмотреть те корреляции семантических отношений, а именно квантитативно-квалитативных и результативно-следственных, которые проявляются в структуре СПП местоименно-соотносительного типа.

В процессе анализа языка современной прозы было установлено, что самой распространенной структурой в СПП с местоименно-соотносительным словом *так* являются предложения фразеологизированного типа, где интенсификатор *так* соотносим с союзами *что* или *чтобы*. Подобные конструкции, по мнению В.А. Белошапковой, строятся по устойчивой схеме: в главной части – местоименное слово с определительным (качественным или количественным) значением. Функцию союзных средств выполняют асемантические союзы *что, чтобы* и союзы ирреального сравнения *будто, словно* [Белошапкина, 1989, с. 645–646]. Например: *На кухне она чувствовала себя так уверенно, что слепота ее была незаметна* [Улицкая, 2000]. *Елене было так стыдно, что она закрывала глаза и выключалась* [Улицкая, 2000]. *Один запах я помню так, что воспоминание о нем вызывает затмение сознания: запах хоро-*

санской розы [Иличевский, 2010]. Эффект моего присутствия в том осеннем утре, рядом с теми женщинами был **так** силен, **что** я чуть не в панике вырвался из его яркого света [Толстая, 2007]. Соотносительное слово *так* кореферентно придаточной части, где устанавливается связь благодаря семантическому предикату (чувствовала, было, помню). Для таких предложений с союзом *что* действует принцип нерасчлененной структуры, где интенсификация распределена между соотносительным словом и содержанием и формой придаточного.

В исследуемых текстах встречаются такие предложения, где местоимение *так* имеет качественно-характеризующее значение, то есть, где оно не будет являться интенсификатором. В таких предложениях у слова *так* появляется значение «таким образом», например: *Катя повернула ладонь **так** (=таким образом), что шар плотно лег в руку Бритоголовому* [Улицкая, 2000]. *И он гладил присмирившего дебила по голове, а тот по-детски поворачивал под рукой голову **так** (=таким образом), чтобы не оставалось на ней места, до которого бы не дотронулась докторская рука...* [Улицкая, 2000]. *Хорошо там было, в Комарове, топили в Доме **так** (=таким образом), что вздувались полы в вонючих общественных ваннах, коробило паркет в общественных коридорах, по которым тоже гулял теплый сортирно-хлорный ветерок, пересыхали алоэ-каланхоэ в рябоватых кастрюлях на подоконниках, где законный пейзаж с падающим снегом дрожал от волн теплого воздуха* [Толстая, 2007].

В СПП местоименно-соотносительного типа слово *так* в большинстве случаев выступает, как уже говорилось, в роли интенсификатора, выражая тем самым высокую степень проявления действия или признака и одновременно являясь частью союзной скрепы. В данных конструкциях местоимению *так* синонимичны сочетания *до такой степени, настолько*, поскольку все перечисленные слова и сочетания могут указывать на проявления признака или действия с большей силой. Например: *Его фамилия писалась **так** (= до такой степени) нелепо, что с тех пор, как он научился читать, он ощущал ее как унижение* [Улицкая, 2007]. *Он не заметил, как ласковый смерч поднял его вверх, над зыбкими конструкциями, а потом еще выше, **так** (= настолько) высоко, что не было вокруг ничего, кроме белесого тумана* [Улицкая, 2000]. *Он **так** (=до такой степени) разросся, что четыре из восьми монастырских ворот нельзя было открыть без того, чтобы не выкорчевать десяток старых тридцатилетних деревьев* [Иличевский, 2008].

Сравнивая конструкции с соотносительным словом *так*, нужно отметить, что данное слово обладает более широким диапазоном сочетаемости и большим количеством значений. Местоименно-

соотносительные слова *до такой степени, настолько, до того* и др. ограничены в своей сочетаемости, так как вступают в отношения только с глаголами, прилагательными, наречиями и словами категории состояния.

В языке современной художественной литературы существуют такие предложения, где местоименно-соотносительное слово *так*, которое выступает в роли интенсификатора, можно заменить синонимом «очень». В таких конструкциях *так* будет относиться к наречию отадекватного происхождения, например: *Михеев был так (=очень, в такой степени) измучен ожогами, что и хвостом шевельнуть не мог* [Улицкая, 2007]. *Кожа обтягивала скелет так (=очень, до такой степени) туго, что зубы обнажались малейшим натяжением кожи* [Иличевский, 2008].

Категория интенсивности в СПП местоименно-соотносительного типа проявляется за счет содержания главной части предложения, которая отражает эмоциональное состояние героя или собеседника. Интенсивность актуализируется при помощи опорных наречий, кратких прилагательных со значением эмоций, которые формируют различную степень интенсификации соотносительного слова «так», например: *Эта пара была так небесно прекрасна, что до них и дотронуться было страшно, не то что вступать в интимно-родственные отношения, необходимые для игры* [Улицкая, 2002]. *В тот год дела его шли так хорошо, что плевал он на эту дырявую крышу и готов был над своей головой и крышу переложить* [Улицкая, 2002]. Заметим, что при помощи словосочетаний «небесно прекрасна, так хорошо» автор подчеркивает превосходство, восхищение, что усиливает интенсификацию данных конструкций.

Нельзя не согласиться с утверждением Г.Ф. Гавриловой, что «интенсивность действия, признака может быть максимальной, достигающей высшей точки на шкале градуальности. Наиболее высокая степень интенсивности выражается тогда, когда собственно синтаксические средства сложного предложения комбинируются с другими средствами выражения интенсификации: инверсией (которой в основном подвергается указательное слово, выделенное в качестве компонента с особой прагматической нагрузкой), использованием усилительных фразеологизмов (в основном – в придаточном), повторами, парцелляцией, употреблением синонимов и т.п.» [Гаврилова, 2000, с. 87–97].

В местоименно-соотносительных предложениях указательное слово *так* сочетается с наречиями или прилагательными, реже с существительными, которые уже содержат семантический компонент интенсивности / деинтенсивности (ср. *так несчастна, так полна счастьем и си-*

лой, так бесстрашна и легкомысленна и др.), «так» выполняет особую прагматическую функцию при придаточном фразеологизированного типа, актуализируя один из аспектов представленного события. Например: *Звонил Марек из своего Йоханнесбурга так часто, как не звонили приятельницы из Свиблова* [Улицкая, URL]. В данном примере категория интенсивности выражается не только за счет лексического содержания главной части, но и за счет интенсивности в семантике придаточной, где глагол-сказуемое с отрицанием усиливает степень проявления признака. Интенсификатор *так* выражает эмоциональное состояние героя, значение главного предложения контрастирует с содержанием придаточного, что интенсифицирует конструкцию в целом.

Придаточное предложение в местоименно-соотносительных конструкциях реализует не только различную степень интенсивности, но и одновременно частные оттенки синтаксического значения: значение сравнения (как правило, сравнивается актуальное с виртуальным событием), интенсификации признака, например: *Жасмин и сирень разрослись так густо, что и калитку не найдешь* [Толстая, 2007]. *В кухню надо идти далеко, в другой город, по бесконечному блестящему полу, натертому так, что два дня на подошвах остаются следы красной мастики* [Толстая, 2007].

В современной прозе большая часть СПП (60%), построена по схеме *так - что*, где *так* – интенсификатор, а придаточное – актуализатор его значения. Семантика придаточной части способствует проявлению интереса, так как передает неожиданность события для говорящего, необычность действия с определенной степенью силы, выражает разную степень проявления действия или его признака.

Подобные конструкции близки к фразеологизированным структурам, так как строятся по устойчивой схеме: в главной части – указательное слово-интенсификатор, в придаточной – соответствующее союзное слово и негативный предикат со значением субъективной оценки. Например: *Абих сделал так, что послал прадеда на смерть – с запиской к Сокольникову* [Иличевский, 2010].

На периферии поля (40%) оказываются местоименно-соотносительные предложения с союзами (как, когда, как если бы и др.), которые вносят в предложение дополнительный оттенок сравнения, условия.

Анализ текстов свидетельствует также о языковой тенденции к унификации способов выражения степени в пределах конструкций местоименно-соотносительного типа, прежде всего о проникновении релята «как» во многие модели предложений, которые связаны с выражением степени качества. Эта тенденция оказывается весьма активной в со-

временной прозе, что дает нам возможность говорить о существовании в пределах СПП местоименно-соотносительного типа моделей предложений для выражения степени при различных способах обозначения качества в главной части.

Специфика местоимения *так* заключается еще и в том, что его подвижная семантика обнаруживается в полной мере не в отдельном слове, а в функциях, которые проявляются в предложении. Оно оказывает регламентирующее воздействие, что позволяет говорить о его квалифицирующей роли. При этом слово *так* интенсифицирует не только содержание придаточного, но и семантику тех слов в главной части, которые его линейно отделяют от союза / союзного слова, от придаточного.

Все это свидетельствует о стремлении автора воздействовать посредством такой двойной интенсифицирующей функции слова *так* на читателя, рождая деавтоматизацию восприятия предлагаемого ему художественного текста, актуализируя его, усиливая экспрессивную функцию текста, хотя, с другой стороны, и делая его несколько структурно однообразным.

Литература

Гаврилова Г.Ф. Способы выражения категории интенсивности в сложном предложении // Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект. Ростов н/Д, 2000.

Белошапкина В.А. Синтаксис // Белошапкина В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. М., 1989.

Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.

Источники

Иличевский А. Перс. М., 2010.

Иличевский А. Матисс. М., 2008.

Толстая Т. Сомнамбула в тумане. М., 1989.

Толстая Т. Не кысь. М., 2007.

Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир. 2000. № 8.

Улицкая Л. Сборник современной прозы. Бедные, злые, любимые. М., 2002.

Улицкая Л. Истории про зверей и людей. М., 2007.

Улицкая Л. Пиковая дама (аудиокнига). [Электронный ресурс]. URL: <http://audioknigi.audio/russkaya-literatura/sovremennaya-proza/432-lyudmila-ulitskaya-pikovaya-dama-audiokniga.html>

СИНОНИМЫ В МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ БАШКИРСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ¹

Ф.Х. Гарипова

Ключевые слова: медицинская терминология, термин, синоним, синонимический ряд.

Keywords: medical terminology, term, synonym, synonymic row.

В составе общей лексики языка термины занимают особое положение. В научной литературе данное понятие трактуется по-разному. Например, «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [Реформатский, 1967, с. 61], «термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях» [Суперанская и др., 2012, с. 14], «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик, 2009, с. 31–32] и т.д. Как видно из определений, термины – это особые слова. Они лишены эмоциональной окраски. Наличие у них свойства точно, не оставляя места двусмысленности, именовать явления, предметы, процессы требует особого внимания и отношения к ним, контроля процесса создания и использования терминов. Особенно важно недопущение излишней синонимизации терминов. Ведь неточность, неоднозначность термина может привести к пагубным последствиям. Это, в частности, касается терминов из области медицины. Как отмечал Вильям Фарр, «при медицинском обследовании терминология имеет такое же значение, как веса и меры в физических науках» [Национальный стандарт Российской Федерации, 2012, с. 4].

Целью нашего исследования является изучение синонимических отношений в медицинской терминологии башкирского и турецкого языков.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГНТП РБ «Стимулирование инновационной деятельности в Республике Башкортостан» в рамках научно-исследовательской работы «Обеспечение функционирования Центра лингвистики и информационных технологий» на 2014 г.

Актуальность темы исследования объясняется неизученностью явления синонимии в терминосистемах башкирского и турецкого языков, и в частности в медицинской терминологии.

Теоретическая значимость изучения обозначенной проблемы заключается в необходимости выработки единых подходов к упорядочению и стандартизации терминов как внутри одного языка, так и в разных языках. С практической точки зрения данное исследование позволит составить общее представление о медицинской терминологии башкирского и турецкого языков, определить уровень их развития, выявить причины образования синонимических отношений.

В ходе исследования были использованы традиционно-аналитический метод наблюдения и обобщения языковых фактов, сравнительный и сопоставительный методы, метод классификации лексических единиц. Материалом исследования послужили башкирские и турецкие термины, извлеченные из современных двуязычных, толковых, терминологических словарей, справочников по медицине.

Различные вопросы терминологии, в том числе и терминологической синонимии, освещались в трудах таких ученых, как А.А. Реформатский, В.П. Даниленко, В.М. Лейчик, Ф.А. Циткина, С.В. Гринев-Гриневич, А.В. Суперанская и др. Проблемы медицинской терминологии и синонимических отношений в данной области знания нашли отражение в работах Г.А. Абрамовой, Е.Н. Загрековой, И.В. Мотченко, Е.А. Фединой и др.

По мнению Г.А. Абрамовой, «варьирование семантически близкой медицинской лексики в одном и том же тексте и в текстах разной стилевой и жанровой принадлежности, а также связанное с этим наличие разветвленной внутри- и межсистемной синонимии обусловлены не только лингвистически, но и, в значительной степени, экстралингвистически (прагматика, особенности мышления разных людей, в том числе – намного, состояние медицинской науки и практики, ареальный фактор, национальный фактор и т.п.)» [Абрамова, 2003]. Данный исследователь отмечает, что, несмотря на принятие мер по упорядочению медицинских терминов, в будущем их число будет продолжать расти.

И.В. Мотченко, описывая способы создания медицинских терминов в английском языке, отмечает, что возникновению терминологической синонимии способствуют «одновременное развитие той или иной области знания в разных странах, разный подход к исследованию одних и тех же явлений <...> особенно во вновь создаваемых областях медицины» [Мотченко, 2001].

Анализируя медицинские термины, Е.Н. Загрекова предлагает различать собственно синонимы и терминологические варианты, дублеты, и в качестве «достоинств медицинской терминологии» выделяет «максимальное разведение, разграничение дублетных и синонимических образований» [Загрекова, 2008].

Изучив проблемы синонимии в медицинской терминологии на материале немецкого языка, Е.А. Федина пришла к заключению, что в синонимические отношения вступают простые и сложные термины, аббревиатуры, сокращения, сочетания слов и буквенных символов, а также заимствованные и исконные лексические единицы, грецизмы и латинизмы, эпонимные термины, научный термин и общеупотребительное слово. По мнению исследователя, «описание терминологических единиц в плане синонимии ... может в дальнейшем содействовать созданию унифицированной, стандартизированной терминологии, необходимой для общения ученых разных стран» [Федина, URL].

В башкирском и турецком языках вопросы синонимии в медицинской терминологии не становились предметом специального исследования. Имеются лишь некоторые работы, посвященные терминам народной медицины в башкирском языке [Каримова, 2005], отдельным разделам медицинской терминологии турецкого языка [Çikmaz, URL] без акцентирования внимания на синонимических отношениях.

Говоря о терминах-синонимах и учитывая синонимическое употребление в научной литературе таких терминов, как синонимия, дублетность, эквивалентность и вариантность, мы исходим из того, что терминам-синонимам свойственна однозначность и полная взаимозаменяемость.

Согласно документу по стандартизации медицинской терминологии «Информатизация здоровья. Контролируемая медицинская терминология. Структура и высокоуровневые индикаторы» (был введен с 1 сентября 2012 года), «несколько терминов (лингвистических представлений) могут иметь одинаковое значение, если они являются точными представлениями одного и того же понятия» [Национальный стандарт Российской Федерации, 2012, с. 3]. Данный стандарт, призывая к использованию контролируемых терминологий, не исключает наличие терминов-синонимов при отсутствии избыточности, неоднозначности, неопределенности и внутренней непротиворечивости.

Несмотря на рекомендации избегать синонимов при создании и упорядочении терминосистем, не всегда удается следовать им. Бо-

лее того, как показывает практика, синонимия в терминологии является довольно распространенным явлением, искоренить которое не представляется возможным. Между тем это не означает поощрение создания терминов-синонимов. Необходимо минимизировать их присутствие в специальной литературе с целью избежания путаницы в толковании и достижения узнаваемости тех терминов из синонимического ряда, которые по внешним и внутренним качествам превосходят остальных.

Одной из причин возникновения нескольких терминов с одинаковым значением в языках, особенно ранее ограниченных в функциональном развитии, а ныне получивших возможность расширения функций за счет повышения статуса, является стремление его носителей показать, что их язык не беден и что пополнение словаря языка возможно и за счет собственных ресурсов (диалектная лексика, создание терминов с использованием собственных словообразовательных средств).

Что касается медицинской терминологии башкирского языка, то в начале XXI века были изданы «Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов», «Русско-башкирский толковый словарь офтальмологических терминов» и «Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины».

Изучение «Русско-башкирского толкового словаря медицинских терминов» показывает, что в данном словаре синонимические ряды образуют:

– заимствованное слово + слова из собственной лексики (исконная лексика, лексические инновации, кальки), например: *абсцесс* – абсцесс, эренле шеш; *альвеола* – альвеола, кыуыкса, күзэнэк, оясык, сокорса; *ампутировать* – ампутациялау, кыркып алыу; *апатия* – апатия, күнел бушлығы; *аптека* – дарыухана, аптека; *буллезный* – буллез, кыуыксалы; *вибрация* – вибрация, тирбәләү, калтырау; *гемопоз* – гемопоз, кан яһалыу; *доза* – доза, микдар, үлсәм, күләм; *катаракта* – катаракта, кара кылау; *коклюш* – коклюш, быума йүтәл, сәсәтмә; *колика* – колика, катыу, казалыу; *пипетка* – пипетка, тамызғыс и т.д.

– заимствованное слово + исконная лексика, например: *пруриго* – пруриго, кысытма; *экзема* – экзема, тимерәү; *прополис* – прополис, умарта елеме;

– исконная лексика + исконная лексика, например, *грязи лечебные* – шифалы ләмдәр, дауалау ләмдәре; *дыхание* – һулыш, тын алыу; *зародыш* – толкат, яралғы; *кровотечение* – кан ағыу, канау; *морщина* – сырыш, йыйырсык; *мучение* – яфаланыу, интегеү;

осумкованный – ит үргән, каплы; *плечо* – яурын, иңбаш; *тошнотворный* – укшыткыс, күңел болгандырғыс;

– заимствованное слово + описательный термин, состоящий из собственных слов и представляющий собой скорее толкование, нежели имя термина, например: *бронхит* – бронхит, үпкә көпшәләре шешеүе; *гайморит* – гайморит, яңак кыуышлығы шешеүе и т.д.

– заимствованные слова, имеющие один корень, но относящиеся к разным частям речи (существительное + прилагательное, представляющее собой усеченную форму заимствованного слова или состоящее из заимствованной части и слова или словообразовательного аффикса башкирского языка), например: *контуженный* – контузия алған, контузияланған; *микроскопический* – микроскопия, микроскопик; *психиатрический* – психиатрия, психиатрик; *псориазический* – псориаз, псориазга кағылышы; *терапевтический* – терапевтик, терапия.

Обилие синонимических рядов в словаре терминов народной медицины кажется вполне закономерным, потому что, во-первых, это официально неконтролируемая область знания, во-вторых, здесь собраны слова всех диалектов и говоров языка. Например:

бельмо – ак; ноғала, аксүп, кансүп, кылау I, тоз күз, шакый I

Базедова болезнь – боғак, елсәү, куштамак

зарубцеваться – уңалыу, ит үреү, бирсәйеү

изжога – үзәк көйөү, үзәк яныу, йөрәк көйөү, күкрәк яныу, һарыу кайнау

кашлять – йүткерәү, көһелдәү; кәжкелдәү; кажкылдау

коклюш – быума йүтәл, күк (йәки коро) йүтәл, әкәләүм, кәклүш,

кәксәү, сасама, сисә, сәсәмә, сәсәмә йүтәл, сәсәтмә, катма

корь – кызылса, сират ауырыуы

косоплоть – салыш аяклык, тайышлык

малярия – бизгәк, тапма, тотанак, һуғылма I

насморк – һыуморон, тым, ызғар

проказа – ала тән, махау

сухожилие – һенер, тарамыш, тамыр

Обращает на себя внимание и очень малое количество заимствованных лексических единиц среди терминов-синонимов народной медицины, что тоже вполне естественно. При сравнении народных терминов с терминами из «Русско-башкирского толкового словаря медицинских терминов» можно увидеть, что в некоторых

случаях народная терминология изобилует словами, тогда как официальная ограничивается заимствованным словом:

Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов	Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины
<i>ангина</i> – ангина	<i>ангина</i> – тамак шеше; тамак ауырыуы, йотколок, йотом
<i>астма</i> – астма	<i>астма</i> – тын быуылыу; тын бөтөү, күкрәк кысыу; катма
<i>золотуха</i> – кара (см.) строфулос	<i>золотуха</i> – көмбә, әспе, лауыр I, силсә, тилсә, яман әспе
<i>мигрень</i> – мигрень	<i>мигрень</i> – баш өйәнәге, кернә
<i>нерв(ы)</i> – нервы, нервылар	<i>нерв</i> – нервы, маза, мөззәт, ғасаб, теңкә

Официальная медицинская терминология башкирского языка может быть пополнена народными терминами. Однако при этом необходимо учитывать их узнаваемость, понятность большинству носителей языка, а также вести работу по популяризации медицинских терминов на этом языке.

За время своего существования турецкий язык контактировал со многими языками и испытал их влияние. В результате этих контактов и влияний общая лексика турецкого языка, в том числе и его терминологическая система, обогатилась словами и терминами из других языков. В сельджукский и османский периоды и вплоть до XIX века турецкие врачи активно использовали термины из арабского и персидского языков. После начала в 1839 году модернизационных реформ в Османской империи в медицинскую терминологию турецкого языка начали проникать термины из европейских языков. С целью обеспечения потребности войска в медицинском обслуживании было принято решение об открытии медицинских учебных заведений по западному образцу. В этих учебных заведениях языком обучения стал французский язык. Это способствовало тому, что основу современной турецкой медицинской терминологии составили французские медицинские термины [Çikmaz, URL]. В последующие периоды турецкий язык пополнялся медицинскими терминами латинского, немецкого, английского происхождения.

После образования в 1923 году Турецкой республики в соответствии с национальной идеологией начался процесс туркизации языка. Одной из целей Турецкого лингвистического общества, созданного в

1932 г. по инициативе Ататюрка, было образование собственных слов и терминов вместо заимствованных. Это осуществлялось путем:

1) сбора тюркских слов из древнетюркских источников начиная с XIII века. В результате был издан многотомный «Словарь извлечений» (*Tarama Sözlüğü*, 1943–1972);

2) сбора слов из диалектов турецкого языка;

3) образования новых слов [Турецко-русский словарь, 1994, с. 9].

В 1972 году увидел свет первый том труда под названием «Опыт поиска эквивалентов для слов из западных языков» (*Batı Kaynaklı Sözcüklere Karşılık Bulma Deneyimi*), в 1978 году – второй том. В 1993 году была создана комиссия по поиску эквивалентов для слов, заимствованных из иностранных языков. В 1996 и 1998 годах данной комиссией был подготовлен и издан двухтомный труд «Эквиваленты для иностранных слов» (*Yabancı Kelimelere Karşılıklar*) (в 2002 году был переиздан) [*Yabancı Sözlere Karşılıklar Kılavuzu*, 2008, с. 8], в 2008 году – «Справочник по эквивалентам для иностранных слов» (*Yabancı Sözlere Karşılıklar Kılavuzu*). В последнем из перечисленных изданий (2008) имеются и термины, относящиеся к медицинской терминологии. Например:

- *adenit* (франц. *adénite*) – kan yangısı (аденит);
- *afazi* (франц. *aphsie*) – söz yitimi (афазия);
- *afoni* (франц. *aphonie*) – ses yitimi (афония);
- *akromatopsi* (франц. *achromatopsi*) – renk körlüğü (ахроматопсия);
- *akut* (нем. *akut*) – ıveğen (острый);
- *amboli* (франц. *embolie*) – damar tıkanıklığı (эмболия);
- *amnezi* (франц. *amnésie*) – bellek yitimi (амнезия);
- *donör* (франц. *donneur*) – verici (донор);
- *egzama*. (франц. *eczéma*) – mayasıl (эгзема);
- *epikriz* (франц. *épicrise*) – hikaye (эпикриз);
- *glokot* (франц. *glaucome*) – karasu (глаукома);
- *komplikasyon* (франц. *complication*) – karmaşıklık (осложнение);
- *menopoz* (франц. *ménopause*) – yaş dönümü (менопауза);
- *paralizi* (франц. *paralysie*) – inme (паралич);
- *septisemi* (франц. *septicémie*) – kan zehirlenmesi (сепсис).

Поиск эквивалентов для иностранных слов из собственного лексического запаса, придумывание новых слов с помощью собственных средств при всем желании не приводит к полному исключению заимствованных слов из словаря соответствующего языка. Появление

турецких медицинских терминов, которые без искажения смысла передают значение соответствующего понятия и, по мнению разработчиков нового словаря, в будущем должны полностью заменить иностранное слово, становится причиной образования синонимических рядов, состоящих из заимствованного термина и нового термина, созданного за счет собственных языковых ресурсов.

В Турции и в настоящее время ведется активная работа по созданию собственных медицинских терминов. Для этого на базе Турецкого лингвистического общества создана специальная рабочая группа [TDK, *tıbbı dil uzatı*, URL]. Кроме этого изданы «Справочник турецкого медицинского языка» [*Türkçe Tıp Dili Kılavuzu*, URL], «Справочник турецких кардиологических терминов» [*Kardiyoloji (Yürek Bilimi) Türkçe Terimler Kılavuzu*, URL], «Словарь названий лекарств и аптечных терминов» [*İlaç ve Eczacılık Terimleri Sözlüğü*, URL] и т.д.

Образование новых турецких медицинских терминов осуществляется в основном путем калькирования. Вот некоторые примеры из вышеназванных словарей:

1) из Словаря названий лекарств и аптечных терминов:

- *antienflamatuvar* – yangigiderir (противовоспалительное, букв. ‘устраняет воспаление’);
- *deodorant* – kokugideren (дезодорант, букв. ‘устраняющий запах’);
- *diyaforetik* – terletici (потогонный, букв. ‘способствующий потению’);
- *epilasyon* – kılsızlaştırma (эпиляция, букв. ‘сделать без волос’);
- *nasal* – burundan (назальный, букв. ‘из носа’);
- *parfümeri* – itriyat (парфюмерия, букв. ‘благовония’);
- *radioaktif* – ışınverici (радиоактивный, букв. ‘пучок света + активный’);

2) из Справочника турецкого медицинского языка:

- *bi(y)opsi* – doku örneği; doku (биопсия, букв. ‘образец ткани; ткань’);
- *bimanual* – ikielle, çiftel (бимануальное, букв. ‘двумя руками, пара рук’);
- *dezenfekte etmek* – bulaşsızlaştırmak (дезинфицировать, букв. ‘сделать чистым’);
- *katarsis* – boşalım; arınma (катарсис, букв. ‘опустошение, очищение’);
- *tımpas* – kabakulak (свинка, букв. ‘грубое ухо’);

- *müköz – sümüksü* (слизистый, *букв.* ‘похожий на слизь’);
 - *nöropati – sinir hastalığı* (невропатия, *букв.* ‘болезнь нервов’);
 - *pes planus – düztaban* (плоскостопие, *букв.* ‘плоская стопа’);
- 3) из Справочника турецких кардиологических терминов:
- *akut miyokart enfarktüsü – kalp krizi* (сердечный приступ, *букв.* ‘кризис сердца’);
 - *aritmî – ritim düzensizliği* (аритмия, *букв.* ‘беспорядочность ритма’);
 - *bradikardi – yavaş nabız, yavaş vuru* (брадикардия, *букв.* ‘медленный пульс, медленный удар’);
 - *hiperglisemi – kan şekeri yükseliği* (гипергликемия, *букв.* ‘повышенность сахара в крови’);
 - *intrakardiyak – yürek içi* (внутрисердечный, *букв.* ‘внутренность сердца’);
 - *kardiyak arest – yürek durması* (остановка сердца, *букв.* ‘остановка сердца’);
 - *kardiyopulmoner – yürek-akciğer* (сердечно-легочный, *букв.* ‘сердце-легкие’);
 - *kardiyotoksik – yüreğe zararlı* (кардиотоксический, *букв.* ‘вредный для сердца’);
 - *kardiyotonik – yüreği güçlendirici* (кардиотонический, *букв.* ‘укрепляющий сердце’);
 - *kardiyovasküler – yürek-damar* (сердечно-сосудистый, *букв.* ‘сердце-сосуд’).

На основе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам. Большую часть башкирской медицинской терминологии составляют термины иноязычного происхождения, а также термины с заимствованной основой и кальки. В турецком языке наблюдается попытка замены устоявшихся иноязычных медицинских терминов терминами, образованными собственными средствами, что приветствуется не всеми носителями языка. В настоящее время одной из причин возникновения терминов-синонимов в башкирском и турецком языках является стремление очистить язык от иностранных слов, вызванное желанием сохранить жизнеспособность языка, его специфику, уникальность, продемонстрировать его лексический и словообразовательный потенциал. При этом следует помнить: чтобы новый термин стал доминантой в синонимическом ряду, необходимо добиться его узнаваемости среди пользователей. Обилие терминов-синонимов в языках с ограниченными функци-

ями и неустоявшейся терминологией может затруднить изучение данных языков.

Литература

- Абрамова Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Краснодар, 2003.
- Загрекова Е.Н. Истоки и развитие российской медицинской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.
- Каримова Р.Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины. Уфа, 2005.
- Кәримова Р.Н. Башкорт халык медицинаһында кеше ауырыулары атамалары // Урал-Алтай: через века в будущее, Уфа, 2005.
- Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2009.
- Мотченко И.В. Основные тенденции в формировании английской медицинской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Национальный стандарт Российской Федерации: Информатизация здоровья. Контролируемая медицинская терминология. Структура и высокоуровневые индикаторы. Москва, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cntd.ru/assets/files/upload/060912/54624-2011.pdf>
- Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1968.
- Русско-башкирский толковый словарь медицинских терминов. Уфа, 2007.
- Русско-башкирский толковый словарь офтальмологических терминов. Уфа, 2004.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 2012.
- Турецко-русский словарь. İstanbul, 1994.
- Федина Е.А. Синонимические отношения в медицинской терминологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://psibook.com/linguistics/sinonimicheskie-otnosheniya-v-meditsinskoy-terminologii.html>
- Федина Е.А. Синонимические отношения в немецкой медицинской терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013.
- Çıkmaz S. Türkçe anatomi terimlerinin etimolojik ve semantik açıdan incelenmesi (Изучение турецких анатомических терминов с точки зрения этимологии и семантики). [Электронный ресурс]. URL: <http://dSPACE.trakya.edu.tr/jspui/bitstream/1/925/1/0042603.pdf>
- Güncel Türkçe Sözlük: онлайн-словарь современного турецкого языка / офиц. сайт Турецкого лингвистического общества. Анкара [Электронный ресурс]. URL: www.tdk.gov.tr
- İlaç ve Eczacılık Terimleri Sözlüğü (Словарь названий лекарств и аптечных терминов). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/26934879.asp>
- Kardiyoloji (Yürek Bilimi) Türkçe Terimler Kılavuzu (Справочник турецких кардиологических терминов). [Электронный ресурс]. URL: http://www.tkd.org.tr/~media/files/tkd/kilavuzlar/kardiyoloji-terimler-kilavuzu/tkd_yurek-bilimi-turkce-terimler-kilavuzu.pdf
- TDK, tıbbā dil uzattı [Электронный ресурс]. URL: <http://www.haberturk.com/polemik/haber/737325-tdk-tibba-dil-uzatti>
- Türkçe Tıp Dili Kılavuzu (Справочник турецкого медицинского языка). [Электронный ресурс]. URL: <http://turkoloji.cu.edu.tr/INDIR/trk-tipdili-kilavuz.pdf>
- Yabancı Sözlere Karşılıklar Kılavuzu (Справочник по эквивалентам для иностранных слов). Ankara, 2008.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЗВАНИЙ ОРУДИЙ ТРУДА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ)

А.Д. Лукманова

Ключевые слова: значение, лексика, орудия труда, термин, этимология.

Keywords: meaning, lexis, tools, term, etymology.

Изучение лексики конкретных тюркских языков с полным охватом материалов приобретает особую актуальность, и в последние время в тюркологии интенсивно разрабатываются различные тематические группы лексики. Назревшая необходимость глубокого и всестороннего изучения отраслевой лексики обуславливается и все убыстряющимися изменениями традиционного быта и духовной культуры народов. Общественно-политические, социально-экономические, культурно-психологические и мировоззренческие сдвиги в современном обществе настолько существенны, что то, что сохранялось в народном сознании тысячелетиями, сейчас исчезает в течение десятилетий и даже лет [Черепанова, 1983, с. 4].

Системное исследование земледельческих наименований, являющихся одним из древнейших лексических пластов, имеет не только историко-лексикологическую, но и историко-культурную значимость как отражение развития материальной культуры башкирского языка, истории социальных и экономических отношений в обществе, языковых, хозяйственных и культурных связей с другими народами.

На сегодняшний день в башкирском языке изучены не все лексико-тематические группы. К числу неизученных тематических групп лексики относится, в частности, и лексика, связанная с наименованиями орудий труда. Несмотря на то, что в общей лексической системе башкирского языка орудийная лексика занимает важное место, вне поля зрения лингвистов остается сравнительно большой по объему разряд слов, включающий в себя слова, связанные с обозначением орудий труда разных сфер – земледельческой, садово-огороднической, бытовой, бортнической и др. В этой статье описываются структурно-семантические особенности названий орудий труда, связанных с земледелием.

Кәтмән 'мотыга' – ручное земледельческое орудие для рыхления почвы, состоящее из металлической лопатки. Например, *кайзандыр*

килен сыккан әсәһе Илгизәрзең кулына кәтмән тотторзо: – Бар, аз булһа ла күмә тор шул картуфты (Ф. Рәхимғолова). В современном башкирском языке данное слово имеет синонимические названия *тәпке, матик, сапкыс*.

С.И. Руденко, основательно исследовавший технику системы земледелия у башкир писал, что «подзольная система была еще более хищнической, чем переложная ... Только местами, между кореньями, земля слегка перекапывалась кайлом или мотыгой» [Руденко, 2006, с. 105].

В памятниках древнетюркской письменности понятие *мотыга* обозначается наименованием *ketmān* 'мотыга, кетмень', которое в свою очередь образовано от древнетюркского глагола *kit-γ* 'отломить, отколоть'. Наши наблюдения убеждают, что синкретизм основ *кат-* > *кад-* > *каз-* > *кар-* > *кай-* с гагольными значениями *казыу, кагыу, сәнсеу* 'копать, вбивать, колоть' (например, в башкирском языке он встречается в основах слов *кат-ыу, каз-ау, каз-ык, кар-лау* и т.д.) и присоединение аффиксов мягкого варианта *-мән, -мә, -мәк* и привели к образованию данного слова.

Изучаемый термин характерен в ряде следующих других языков: чув. *катак, касман, катмак*, мар. *кәтмән, катман, катмак*, узб., каз., ккалп. *кәтмән, кетмен*, кирг. *кичине, кетмен, катак, касман* 'мотыга' и др. [Ахметьянов, 2001, с. 108].

В говорах башкирского языка употребляются следующие названия: *иттапауыс, сәпке* (миасск. гов.), *китмән* (караид. гов.), *кәтмә* (демск., караид. гов.), *матик, матык* (демск., миасск., ток-сор., ср., ик-сакм. гов.), *матика* (айск. гов.), *матук* (кызыл. гов.), *мотык, сукымыш* (сакм. гов.), *мәтүк* (кызыл., сакм. гов.), *өйгәс, һука, йәтәс* (ср. гов.), *тапкыс, сапкы* (арг. гов.), *һакә* (кызыл. гов.), *сапкыш* (ик. гов.), *кәтке* (ик-сакм. гов.), и др. [ДСБЯ, 2002].

В башкирской мифологии понятие *мотыга* обозначает дар, оставленный в земле для духа, божества земли во время сбора урожая: *Ергә кәтмән биреү* 'Доля урожая, оставленная в земле' [Хисамитдинова, 2010, с. 163].

Урак 'серп' – ручное орудие – изогнутый полукругом мелко зубренный нож для срезывания злаков с корня. Например: *Катындар урактарын яурынга һалып, тарының уңанлығына хайран калып карап торзо* (Ж. Кейекбаев). С древних времен для многих народов серп являлся распространенным и единственным орудием для срезывания хлебных злаков с корня. Он нашел отражение и в культуре Древнего Египта, изображение человека с серпом означало жатву.

По словам С.И. Руденко, уборка хлеба у башкир производилась серпом. Далее автор дает описание данного орудия: «Башкирский серп ничем не отличался от русского, косы употреблялись те же, что и для косьбы травы, только с деревянными грабельками из трех-пяти длинных зубцов, которые прикреплялись к пятке косы» [Руденко, 2006, с. 109].

Данное слово зафиксировано и в языке древнетюркских памятников: *orƣaq* ‘серп; жатва’, что в свою очередь образовано от глагола *or-* ‘жать, косить’. Например, *orƣaq tišäldi* ‘Серп был наточен’; *ol ot ordi* ‘Он косил траву’ [ДТС, 1969, с. 370]. В древнетюркском словаре понятие *урак* в том же значении зафиксировано термином *baštar*, однако оно не нашло отражения в башкирском языке [ДТС, 1969, с. 88].

Исследуемое слово образовано путем соединения древней основы *ор-* / *ора-* (на башкирском *ур-*, *ура-*) в значении ‘мотать, перевернуть, завертывать, срезать, накручивать на что-либо’ и аффикса *-ак* / *-к*.

Урак ‘серп’ в аналогичном значении бытует как в древних, так и в современных тюркских языках: уйг. *орҗак*, турк., ккалп., ног. кум., каз. *орак*, гаг., тур. *орак*, азерб. *ораґ*, кирг., алт. *орҗок*, хак. *орҗах*, тат. *урак* и др.

Данное слово нашло широкое отражение в башкирском устном творчестве. Например, *бәләкәй генә бөкөрө, ялан ерзе бөтөрзө* (загадка); *Сүкеш менән ай урак, алыр Ер шарын уран!* (из народной песни); *Күк йөзөндә ай күренә, ай түгел урак бит ул* (частушка; Дуванский район, д. Старохалилово, Новохалилово).

Һука ‘соха’ – сельскохозяйственное орудие для вспашки земли. По сообщению исследователей, соха первоначально была целиком деревянной, лишь позже стала снабжаться железными сошниками.

По данным С.И. Руденко, «изредка в различных местах башкиры пахали обыкновенной сохой с двумя сошниками. Она употреблялась главным образом для вспашки пашни в первый раз под пар для озимового посева, а также при посадках в огородах» [Руденко, 2006, с. 106].

О происхождении данного слова есть разные предположения. Так например, слово *һука* ‘соха’ – славянское и оно проникло в тюркские языки через русский язык. Выше изложенное позволяет делать вывод, что в русском языке *соха* ‘һука’ применяется в значениях ‘бревно’, ‘толстая жердь’, ‘столб’, ‘подпора’, ‘подставка’ и участвует в образовании многих других слов, например, *сохатый* (мышы), *рассоха* (саталы ағас), *посох* (таяныу ағасы). По мнению Р.Г. Ахметьянова,

русская *соха* и кыпчакская *сока* (башк. *һука*) может восходить и к скифским языкам.

Интересно то, что фонетические варианты башк. *һука*, каз. *сока*, хак. *соха*, тат. *сука*, чув. *суха* полностью соответствуют законам тюркских языков, тогда как мар. вост. *сога*, мар. луг. *шога*, мар. горн. *шага* – фонетическим закономерностям уральских языков. Все это говорит о достаточной древности данного слова в тюркских языках. Рассматриваемое нами понятие зафиксировано в древнетюркских источниках в значении ‘соха с железным сошником’ в формах *buqarsī*, *buqursī*. Например: *Eki öküzüg bir buqarsıqa kölmış* ‘Он впряг двух волв в одну соху’ [ДТС, 1969, с. 125].

Һука ‘соха’ в башкирской мифологии является предметом, связанным с изгнанием духов болезней от земли: *Ауылға ваба инмәһен тип тимер һука менән уратып һөрөп сыжкандар* (М. Фәйнетдинова) ‘Чтобы холера не пришла в деревню, землю вокруг деревни вспахивали железной сохой’ [Хисамитдинова, 2010, с. 290].

Шыбағас ‘цеп’ – ручное орудие для молотбы, состоящее из длинной деревянной ручки и прикрепленного к ней ремнем деревянного била. Например: *Эй көслө булған ул Кәримә әбей. Уны бала сакта ук ирҙәр менән бергә бесән сабып, шыбағас менән шартлатып ашылык һугып йөрөгән, тизәр* (Р. Ғабдрахманов). В башкирском языке для обозначения данного понятия параллельно употребляются слова *тәғәс*, *сыбағас*, *тапағыс*.

Молотба цепом была характерной только для западной и отчасти северной и центральной части Башкортостана. За Уралом и на юге цепов у башкир или совсем не было, или ими изредка пользовались для молотбы только проса и овса [Руденко, 2006, с. 108].

Слово шыбағас восходит к древнетюркскому *чіб* сыбык ‘прут’. В словаре М. Кашгари понятие *чып* дается в значении *шыыйк ботак* ‘гибкая ветка’. Следовательно, оно образовано от слова *чыбык* (*сыбык*), что, в свою очередь, означает *шыбағас* ‘гибкое дерево’. Лексемы *тәғәс* и *тапағыс* образованы присоединением к глаголу *тапа-* ‘молотить’, также его мягкого варианта *тәтә-* ‘молотить’ и аффиксов *-с*, *-ғыс*.

В говорах башкирского языка данная лексема имеет следующие названия: *шәбағасы* (ик. гов.), *шыбағас* (айск. гов.), *сәбағаш*, *сәбағас* (арг., миасск. гов.), *шабағаш*, *шебағаш* (сакм., ср. гов.), *шәбәғаш*, *һәбағаш* (ср. гов.), *сабағас* (миасск., ср. гов.), *һуккы* (сакм. гов.), *шәп* (сев.-зап. диал., ср.-ур. гов.) и др. [ДСБЯ, 2002]. *Шәп белән кыйнап ашылык алғаннар* (из среднеуральского говора) ‘Обмолачивали зерно цепом’.

Һабан ‘плуг’ – сельскохозяйственное орудие, предназначенное для обработки почвы, а именно вспашки. Например: *Баҫыуга китер халык һука, һабан дуңғырлатып, ер һөрөүзәр унда аттар тирләтәп* (Ш. Бабич).

По материалам С.И. Руденко, сабан был распространен во всем крае. К концу XIX века он вышел из употребления, в начале XX века это орудие можно было встретить в башкирской деревне только в количестве двух-трех экземпляра. «Плуги у башкир, – писал он, – были разных марок и размеров, и ими пахали на паре, тройке и даже четырех лошадях» [Руденко, 2006, с. 106].

Данное слово является общетюркским и по сегодняшний день обнаруживается во многих родственных языках как тат. *сабан*, кум. *сарабан*, *сарбан*, уйг. *сапан*, азерб. *сапан*, тур. *сабан* и др. Оно зафиксировано в древнетюркском словаре в форме *saban* ‘пахота’. Например: *Sabanda sandiriş bolsa örtgündä irtäş bolmas* ‘Если во время пахоты будут споры, то при обработке урожая споров не будет’. Корневая морфема данного слова восходит к глаголу *sabanla-* ‘пахать’: *Ol jerig sabanladı* ‘Он пахал землю’ [ДТС, 1969, с. 478]. В словаре М. Кашгари зафиксировано несколько значений, например, *һабан* ‘пахота’, *ер һөрөү* ‘вспахать землю’, *ер һөрөү мәле* ‘время пахоты земли’ и др. Из вышеприведенных примеров видно, что все эти значения полностью совпадают со значением в башкирском языке слова *һабан* ‘плуг’.

М. Кашгари в своем словаре привел поговорку тюркских народов: *Sabanda sandiriş bolsa, örtgündä irtäş bolmas* досл. ‘*һабанда ызғыш булһа ла, ашылык һужканда әрләш булмаҫ*’. Следует отметить, что значение данной поговорки близко нашей башкирской пословице *һабанда һайрашмаһаң, ырзында ыңғырашырһың*.

Уместно отметить также, что, по мнению Р.Г. Ахметьянова, происхождение слова *һабан* ‘плуг’ связано с древним орудием труда *сапан*, *сакпан* (приспособление для стрельбой камнями), в основе которого, в свою очередь, лежит корень *сап-*, *саба-* ‘ударить замахнувшись’ [Ахметьянов, 1989, с. 63].

Һабан с уточняющими словами выражает следующие виды данного орудия: *бер төрәнле һабан* ‘однолемешный плуг’, *кәстактаһыз һабан* ‘безотвальный плуг’, *казыу һабаны* ‘выкопчный плуг’, *ике яруслы һабан* ‘двухъярусный плуг’, *дискылы һабан* ‘дисковый плуг’ и др.

В народе плуг связывали с земледельческими обрядами, направленными на проецирование хорошего урожая. *Һабан һыуы* – обряд вызывания дождя после посева (букв. вода плуга); *һабанға*

тошоу – ритуальное действие, связанное с началом посева. У башкир существует национальный весенний праздник *хабантуй* ‘сабантуй’ (букв. праздник плуга), который также направлен на проецирование обильного урожая.

Карлау ‘лопатка’ – лопатка, лопаточка для очистки лемеха плуга. Например: *Сак кына кул араһына кереу менән қулына көрәк тә, карлау за алды [Ғәли]* (Р. Шәкүр). В словаре башкирского языка данный термин зафиксирован также наименованиями *һөргәс, карзау, карнау, һука кылысы*.

Исследователи полагают, что данное слово, возможно, произошло от существительного *карла-з*, в основе которого лежит древнетюркский глагол *kari-* ‘копать’. Созвучное слово в этом же значении можно обнаружить и в чувашском языке *карлав* [Ахметьянов, 1989, с. 93]. Рассматриваемое слово возникло путем сложения основы глагола *кар-* и имяобразующих аффиксов *-ла, -у*.

В башкирском языке термин *карлау* ‘лопатка’ имеет множество диалектных вариантов. Например, *карзауыс* (арг. гов.), *карнау* (караид. гов.), *кырғыс* (сев.-зап. диал.) и др.

Следует отметить, что наименования традиционных ручных орудий труда, относящихся к земледелию и применяемых в более поздний период, в башкирском языке немного. Данное явление характерно не только для башкирского народа, но и для других народов, издавна занимающихся земледелием. Тогда обработка земли, посев и уборка урожая не требовали сложных по созданию орудий. Лишь позже, когда зерно стали производить в промышленных масштабах, появились более усовершенствованные машины (тракторы, комбайны, элеваторы), которые позволили ухаживать за большими участками земли.

Как показывает анализ, наименования орудий труда земледельческой обработки по своему составу неоднобразны. В данную тематическую группу вошли названия ручных орудий труда, возникшие еще в глубокой древности. Основную часть общих понятий составляют древнетюркские слова и корни, обнаружившиеся в родственных языках. Преобладающее большинство понятий прочно вошли в лексику башкирского языка. Об этом свидетельствуют бытующие в башкирском народе большое количество обрядов, поговорок, песен и загадок.

Таким образом, обилие в башкирском языке слов, служащих для названия орудий труда, свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения этих терминов. Во-первых, относясь к одному из древнейших лексических пластов башкирского языка, они могут дать цен-

нейший материал по лексико-семантическому и структурному развитию слов. Во-вторых, они помогут раскрыть отдельные стороны особенностей хозяйства древних башкир, прояснить определенные изменения, происшедшие в нем. В-третьих, их изучение поможет установить языковые и хозяйственные связи башкир с другими родственными и неродственными народами.

Условные сокращения

азерб. – азербайджанский язык
айск. гов. – айский говор
алт. – алтайский язык
арг. гов. – аргаяшский говор
башк. – башкирский язык
гаг. – гагаузский язык
демск. гов. – демский говор
ик-сакм. гов. – ик-сакмарский говор
каз. – казахский язык
караид. гов. – караидельский говор
кирг. – киргизский язык
ккалп. – каракалпакский язык
кум. – кумыкский язык
кызыл. гов. – кызылский говор
мар. – марийский язык
мар. вост. – марийский восточный диалект
мар. горн. – марийский горный диалект
мар. луг. – марийский луговой диалект
миасск. гов. – миасский говор
ног. – ногайский язык
сакм. гов. – сакмарский говор
сев.-зап. диал. – северо-западный диалект
ср. гов. – средний говор
тат. – татарский язык
ток-сор. гов. – ток-соранский говор
тур. – турецкий язык
турк. – туркменский язык
уйг. – уйгурский язык
хак. – хакасский язык
чув. – чувашский язык

Литература

- Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань, 2001.
- Ахметьянов Р.Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
- Гаффарова Ф.Ф. Лексика земледелия в татарском языке: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.

- Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002.
 Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 Ишбердин Э.Ф. Термины земледелия в башкирском языке. Уфа, 2002.
 Кукаева С.А. Лексика земледелия в ногайском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005.
 Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. СПб., 1802. Ч. 2.
 Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.
 Фирғалиева Ч.И. Лексика садоводства в современном татарском языке: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007.
 Хадыева Р. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005.
 Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.
 Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.

ЛОКАТИВНЫЙ МЕТАЯЗЫКОВОЙ ПРИЗНАК ОРНИТОНИМОВ

Д.А. Абжелиева

Ключевые слова: орнитоним, метаязыковой, локативный признак.

Keywords: ornithonym, metalinguistic, locative feature.

Вопрос об информативном потенциале словарных статей в толковых лексикографических изданиях затрагивает и вопрос качества словаря. В состав словарных толкований, не отвечающих в полной мере требованиям системности, стандартизованности и достаточности, необходимо включение дополнительной (лингвистической и /или экстралингвистической) информации [Дубкова, 2003, с. 1-20; Костина, 2004, с. 1-20]. Поэтому определение объема и содержания понятия лексикографической дефиниции до сих пор остается актуальным.

Цель нашей статьи – определить место локативного метаязыкового признака в контексте орнитологической словарной статьи.

Анализ дефиниций является в некоторых случаях условным, так как семы и их количество при описании семантики слов-орнитонимов в разных словарях может быть различным. Например, *альбатрос* – 1) *крупная морская птица из отряда трубконосых сем. альбатросовых (водится во всех морях)* [Ожегов, 1995, с. 20]; 2) *большая океаническая птица отряда буревестниковых* [Современный толковый словарь русского языка, 2006, с. 18]; 3) *крупная морская птица с коротким туловищем и длинными узкими крыльями* [Словарь современного

русского литературного языка..., 1950–1965].

Однако сопоставление различных словарных статей дает возможность выбрать наиболее актуальные метаязыковые признаки на основе частности употребления их в различных лексикографических источниках.

Как видится, содержание слова может быть описано через определение денотативных признаков, раскрывающих представление о том или ином явлении внеязыковой действительности, отраженное в языковом сознании человека. Они выполняют метаязыковую функцию, поскольку показывают значение слова и стоящую за ним внеязыковую действительность как структурную содержательную величину. Так, содержание слова-орнитонима *орлан*, *крачка* может быть представлено набором следующих признаков, репрезентирующих реальные признаки названного объекта реальности:

ОРЛАН, -а, м. *Крупная хищная птица сем. ястребиных, живущая около водных пространств и питающаяся преимущественно рыбой.*

- 1) Размер особи – «крупная»;
- 2) образ жизни – «хищная»;
- 3) родо-видовые особенности – «птица сем. ястребиных»;
- 4) локативный признак – «живущая около водных пространств»;
- 5) характер питания (кормовое поведение) – «питающаяся преимущественно рыбой».

КРАЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. *Водоплавающая птица сем. чаек, гнездящаяся по отлогим речным, озерным, морским отмелям и питающаяся рыбой.*

- 1) Образ жизни – «водоплавающая»;
- 2) родо-видовые особенности – «птица сем. чаек»;
- 3) локативный признак – «гнездящаяся по отлогим речным, озерным, морским отмелям»;
- 4) характер питания (кормовое поведение) – «питающаяся рыбой».

В понимании пространства различают следующие виды значений:

а) значение пространственной расстановки предметов относительно друг друга (равно в статике и в динамике): предмет может располагаться внутри или снаружи, снизу или сверху другого, перед ним или за ним, сбоку (справа или слева), при всем этом они могут быть в контакте или на дистанции и т.д.;

б) локализация предмета под углом зрения статике или динамики, с учетом удаления или сближения («где находится», «откуда, куда перемещается»);

в) отношения пространственного определения к месту говоряще-

го (или к месту участников речевого акта); относительно 1-го лица предмет может находиться «здесь», «там» или «где-то», он может перемещаться «сюда», «туда», «куда-то», «отсюда», «оттуда», «откуда-то». Последний вид значений называют «пространственным дейксисом» [Кадыров, 1989, с. 14-15].

Анализ словарных орнитологических статей говорит о том, что локативный признак при дефинировании уступает таким метаязыковым семантическим признакам, как размер и окрас оперения, хотя пространство и пространственные отношения играют важную роль для человека в восприятии «внутренней семантики».

Все используемые примеры дефиниций орнитонимов взяты из словаря русского языка в четырех томах (Малый академический словарь, МАС) как наиболее авторитетного нормативного словаря современного русского литературного языка, охватывающего с необходимой полнотой общеупотребительную лексику и фразеологию и предписывающего стандарты употребления слов и устойчивых словосочетаний.

При определении локативного признака орнитонимов птицы рассматриваются, прежде всего, как *земные* и *водные*. Промежуточным видом являются *болотные* птицы:

ВЫПЬ, -и, ж. Ночная болотная птица сем. цапель.

ДУПЕЛЬ, -я, мн. дупеля, м. Болотная птица сем. ржанковых, с длинным тонким клювом.

ЧЫБИС, -а, м. Небольшая болотная птица сем. ржанковых, с длинным узким хохолком на голове.

БЕКАС, -а, м. Болотная птица отряда куликов, с длинным клювом, с пестрой спинкой и белым брюшком и грудью.

КУЛИК, -а́, м. Небольшая болотная птица сем. ржанковых, с длинными ногами и длинным носом.

ТУРУХТА́Н, -а, м. Болотная птица отряда куликов.

ЖУРА́ВЛЬ, -я́, м. Болотная перелетная птица отряда голенастых, с длинными ногами, шей и клювом

К земным птицам относятся:

1) лесные:

ВИТЮТЕНЬ и **ВИТЮ́ТЕНЬ**, -тня, м. Крупный лесной голубь; вяхирь.

ГЛУХА́РЬ, -я́, м. Крупная лесная птица сем. тетеревиных.

ГО́РЛИЦА, -ы, ж. Небольшая лесная птица сем. голубей.

ВЬЮРО́К, -ркá, м. Лесная птица сем. вьюрковых.

ДРОЗД, -а́, м. Лесная певчая птица отряда воробьиных. Черный дрозд. Певчий дрозд.

ДЯТЕЛ, -тла, м. Лесная птица с длинным и острым сильным

клювом, добывающая пищу из щелей и трещин древесной коры.

ЗЯБЛИК, -а, м. Лесная певчая птица сем. вьюрковых, с красноватым по бокам оперением.

ЙВОЛГА, -и, ж. Лесная певчая птица отряда воробьиных, с оперением желтого и черного или зеленоватого цвета.

КЕДРÓВКА, -и, род. мн. -вок, дат. -вкам, ж. Лесная птица отряда воробьиных, темно-бурая с белыми пятнами, питающаяся семенами хвойных деревьев, преимущественно кедра; ореховка.

КЛЕСТ, клестá, м. Небольшая лесная птица сем. вьюрковых, с сильно загнутым клювом.

ПЕРЕСМЁШНИК, -а, м. Лесная певчая птичка отряда воробьиных, отличающаяся способностью подражать крику различных животных.

СВИРИСТÉЛЬ, -я, м. Небольшая лесная птица отряда воробьиных, с пестрым оперением и с хохолком на голове.

СНЕГÍРЬ, -я, м. Небольшая лесная певчая птица сем. вьюрковых, с красной грудью (у самцов).

ЧИЖ, -á, м. Небольшая лесная певчая птица сем. вьюрковых.

2) Степные:

ПРОСЯ́НКА, -и, род. мн. -нок, дат. -нкам, ж. Небольшая степная певчая птица отряда воробьиных.

ДРОФА́, -ы́, мн. дрóфы, ж. Крупная степная птица с длинной шеей и сильными ногами.

3) Полевые:

ЖАВОРОНОК, -нка, м. Певчая птица отряда воробьиных, обитающая преимущественно в полях и лугах.

ПÉРЕПЕЛ, -а, мн. перепелá, м. Полевая перелетная птица сем. фазановых, с длинными заостренными крыльями и очень коротким хвостом.

4) Обитающие в зоне лесотундры:

КАЗÁРКА, -и, род. мн. -рок, дат. -ркам, ж. Птица сем. утиных, обитающая в лесотундровой и тундровой полосе.

ПЛАВУ́НЧИК, -а, м. Хорошо плавающая птица сем. ржанковых, обитающая в тундре и лесотундре.

К водным птицам относятся:

1) морские:

ГЛУПЫ́Ш², -á, м. Северная морская водоплавающая птица, внешним видом напоминающая чайку.

БУРЕВÉСТНИК, -а, м. Морская водоплавающая птица с крючковатым клювом, с узкими и длинными крыльями.

2) Речные и озерные:

КРА́ЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. *Водоплавающая птица сем. чаек, гнездящаяся по отлогим речным, озерным, морским отмелям и питающаяся рыбой.*

Отдельно идут *водоплавающие* птицы, так как они могут относиться как к морским, так и болотным:

КРОХА́ЛЬ, -я, м. *Водоплавающая птица сем. утиных, с длинным узким клювом.*

ПОГА́НКА, -и, род. мн. -нок, дат. -нкам, ж. *Водоплавающая птица сем. утиных, мясо которой непригодно в пищу из-за неприятного привкуса.*

НЫРО́К, -рка́, м. *Водоплавающая птица сем. утиных.*

У́ТКА, -и, род. мн. у́ток, дат. у́ткам, ж. *Водоплавающая птица с широким плоским клювом, короткой шеей и короткими, широко расставленными ногами; самка селезня.*

ЛЫСУ́ХА, -и, ж. *Водоплавающая птица с серовато-черным оперением и ярко-белым роговым наростом на лбу.*

ГО́ГОЛЬ, -я, м. *Водоплавающая птица сем. утиных.*

ЗУЕК, зуйка́, м. *Небольшая птица сем. ржанковых, обитающая по берегам водоемов.*

Составной частью локативного признака, который широко используется при дефинировании орнитонимов, является набор пространственно-временных характеристик, по которым птицы относятся к *перелетным* и *неперелетным* (обычно данный признак не указывается, так как является не доминантным) [Толковый словарь живого великорусского языка..., 2000; Новый словарь русского языка..., 1863-1866]:

КУКУ́ШКА, -и, род. мн. -шек, дат. -шкам, ж. *Лесная перелетная птица, обычно не вьющая гнезда и кладущая яйца в чужие гнезда.*

А́ИСТ, -а, м. *Крупная перелетная птица с длинным прямым клювом и длинными ногами, с белым или черным оперением.*

ГРАЧ, -а́, м. *Перелетная птица сем. вороновых, с черным блестящим оперением.*

ЛА́СТОЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. *Перелетная птица с узкими острыми крыльями, юркая и быстрая в полете.*

ЛЕ́БЕДЬ, -и, ж., мн. ле́беди, -ёй. *Водоплавающая перелетная птица сем. утиных, с белым (реже черным) оперением, с длинной, красиво изогнутой шеей и плавными движениями.*

СКВОРЕ́Ц, -рца́, м. *Перелетная певчая птица отряда воробьиных, с коротким хвостом и довольно большими крыльями.*

СО́ЙКА, -и, род. мн. со́ек, дат. со́йкам, ж. *Лесная перелетная птица отряда воробьиных, с пестрым оперением.*

СОЛОВЕЙ, -вь, м. *Маленькая певчая перелетная птица сем. дроздовых, с серовато-бурым оперением, отличающаяся красивым пением.*

По территории распространения, которая может быть как конкретной, так и неопределенной, (если птицы ведут кочующий образ жизни), птицы могут быть классифицированы по локативному метаязыковому признаку, определяющему континенты, части света или климатические зоны:

ЭМУ, нескл., м. *Австралийский страус.*

ПИНГВИН, -а, м. *Большая морская птица, обитающая гл. образом в Антарктике, с превратившимися в ласты короткими крыльями, хорошо плавающая, но не летающая.*

ПАВЛИН, -а, м. *Крупная южноазиатская птица сем. фазановых, с пестрым ярким оперением и большим распускающимся хвостом (у самцов).*

ЮРОК, юрка, м. *Северная таежная птица; вьюрок.*

ПУНОЧКА, -и, род. мн. -чек, дат. -чкам, ж. *Небольшая птица отряда воробьиных, водящаяся на крайнем севере.*

КАЙРА, -ы, ж. *Морская полярная птица сем. чистиковых.*

ЧЫСТИК, -а, м. *Северная морская птица.*

ГАГА, -и, ж. *Полярная морская птица сем. утиных, с нежным, легким и ценным пухом.*

ГАГАРА, -ы, ж. *Крупная северная водоплавающая птица с густым и ценным оперением.*

ФРЕГАТ, -а, м. *Крупная тропическая морская птица.*

ПЙГАЛИЦА, -ы, ж. *Небольшая птица сем. ржанковых, с белым хвостом и белой полосой на крыльях, обитающая по берегам рек и озер пустынной зоны.*

ПОПУГАЙ, -я, м. *Тропическая лесная птица с ярким, обычно пестрым оперением, способная подражать человеческой речи.*

ФЛАМИНГО, нескл., м. *Тропическая и субтропическая водная птица с нежно-розовым оперением, длинной шеей и длинными ногами.*

Вывод. Место локативного метаязыкового признака при дефинировании орнитонимов является одним из доминантных. Классификация птиц по локативному признаку может быть весьма разнообразной. В словарной орнитологической статье птицы характеризуются как *земные (лесные, степные, полевые, обитающие в зоне лесотундры)* и *водные (морские, речные, озерные)*. Промежуточным видом являются *болотные* птицы. *Водоплавающие* птицы могут относиться как к *морским*, так и *болотным*. В наборе пространственно-временных характеристик птицы характеризуются как *перелетные* и *неперелетные*

(обычно данный признак не указывается, так как является не доминантным). По территории распространения птицы могут быть классифицированы по локативному метаязыковому признаку, определяющему *континенты, части света или климатические зоны*.

Литература

Дубкова О.В. Когнитивные основания выделения тематических групп (на материале анализа названий птиц в русском и китайском языках). Новосибирск, 2003.

Костина Н.Т. Названия птиц как специфическая группа слов: на материале русского и английского языков). Пенза, 2004.

Кадыров Джоракулы. Семантика места и направления в группе сказуемого в туркменском и немецком языках. Ашхабад, 1989.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4-х тт. СПб., 1863-1866.

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный, 2000.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1995.

Современный толковый словарь русского языка: в 3-х тт. М., 2006.

Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти тт. М., 1950–1965.

Малый академический словарь. [Электронный ресурс]. URL:<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm>

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ЛЮБОВИ ГЕННАДЬЕВНЫ АНТОНОВОЙ

Свой юбилей отмечает профессор Любовь Геннадьевна Антонова, известный российский ученый, доктор педагогических наук, Почетный работник высшего профессионального образования, заведующий кафедрой теории и практики коммуникации Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Юбилей ученого – всегда хороший повод подвести определенные итоги его деятельности, оценить вклад в научные исследования на данный момент. Предварительные итоги деятельности юбиляра впечатляют.

Любовь Геннадьевна имеет около 300 научных публикаций, в том числе 5 монографий, 11 учебных пособий, большое количество методических разработок, многочисленные статьи по проблемам текстологии, жанрологии, медиаграмотности, преподавания русского языка и риторики. Под ее руководством защищено 15 диссертаций. Но это внешняя сторона, внешняя характеристика ее деятельности.

Пожалуй, главная черта Любви Геннадьевны – острое чувство нового. Она очень хорошо видит научную и учебную перспективу новых направлений науки, активно разрабатывает новые перспективные научные направления – педагогическое жанроведение, практическую риторику, медиакоммуникацию, общение в поликультурной среде, благоприятную речевую среду региона.

Любовь Геннадьевна умеет собрать людей и воодушевить их на выполнение поставленных задач, прежде всего – своим примером. Исключительно эффективно и творчески работают все возглавляемые ею коллективы и подразделения.

На факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, которому она отдала если не всю, то *большую* часть своей жизни, начиная со студенческих лет, она много лет заведовала кафедрой русского языка.

В свое время Л.Г. Антонова стала основателем и руководителем получившего благословение профессора Т.А. Ладыженской Центра теории и практики речевой коммуникации «Диалог» на факультете русской филологии и культуры ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Затем Л.Г. Антоновой была

создана на этом же факультете специальная кафедра теории коммуникации и рекламы, благодаря чему в Ярославском педуниверситете появилось новое образовательное направление – реклама и связи с общественностью.

В 2012 году Любовь Геннадьевна создала и возглавила кафедру теории и практики коммуникации на новом, только что созданном факультете филологии и коммуникации в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова. Она активно занялась актуальнейшим на сегодня направлением – прикладной филологией и внесла много нового и интересного в этот аспект филологии и преподавания филологии. В ЯрГУ под ее руководством успешно развиваются новые перспективные магистерские программы, востребованные у студентов, учителей, журналистов, читаются оригинальные лекционные курсы и спецкурсы по прикладной филологии, начала работу уникальная для региона программа магистерской подготовки «Русский язык в поликультурной среде», которая решает важнейшие социальные и дидактические вопросы – готовит высококлассных специалистов для преподавания русского языка в полиэтнических классах и группах мигрантов и русского как иностранного для работы с иностранными учащимися; созданы в городе и области профессионально обеспеченные места практик по прикладной филологии в музеях, пресс-центрах, в региональных СМИ и Интернет - порталах.

Под руководством Л.Г. Антоновой в Ярославле и ряде других регионов развивается научное направление «Коммуникация и медиакоммуникация», в рамках которого исследуются современные медианяры, средства воздействия в современных СМИ, а также понятие медиаграмотности как нового вида грамотности и обосновываются формы и методы формирования медиаграмотности в обществе.

Л.Г. Антонова – член двух диссертационных советов в ЯГПУ – по русскому языку и теории языка, и по теории и методике обучения и воспитания (русский язык, литература, иностранные языки). С февраля 2003 года по сентябрь 2012 года выполняла обязанности председателя диссертационного совета (ДМ.212.307.06) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 13.00.02 при ЯГПУ.

Особый и очень важный аспект работы Любви Геннадьевны – организация и проведение научных конференций по актуальным проблемам современной науки. Кажется, что она просто с удовольствием взваливает на себя огромный труд по организации крупных конференций, на которые с радостью съезжаются ученые со всей страны. Под ее руководством проведены такие крупные конференции, как две Международные конференции Российской ассоциации преподавателей, исследователей и учителей риторики (2009 и 2014 годы); Международные конференции «Человек в информационном пространстве» (с 2004 по 2010 годы); Юбилейная конференция, посвященная 100-летию выпуска первого номера журнала «Русский язык в школе» (октябрь 2014 года). Всего с 1981 года она организовала на базе ЯГПУ и ЯрГУ более 40 межвузовских, региональных и всероссийских научных конференций и научных семинаров по проблемам риторики, медиакоммуникации, языкознания и культуры речи.

Показательно, что инициированный Л.Г. Антоновой социокультурный проект «Культуроориентированная среда региона» был дважды поддержан Губернатором ЯО и получил несколько наград при представлении итогов проекта на региональных и российских конкурсах.

С 2004 года Л.Г. Антонова является председателем областной предметной комиссии по ЕГЭ (русский язык), а с февраля 2007 года выполняет обязанности председателя областной квалификационной комиссии по аттестации преподавателей русского языка и литературы. Она активно участвует в подготовке и проведении областной олимпиады по прикладной филологии, а с 2012 является руководителем методической комиссии и членом жюри регионального этапа конкурса «Умники и умницы».

Много внимания Л.Г. Антонова уделяет разработке программ коммуникативных курсов и курсов по деловой лингвистике для областных программ повышения квалификации работников департаментов и мэрии, журналистов региональных СМИ, музейных работников и представителей социальных служб региона; ежегодно вместе с коллегами она ведет большую работу по формированию культуры речи государственных служащих региона. Л.Г. Антонова проводит большую работу в областной экспертной комиссии при Правительстве ЯО и получила благодарность мэрии за работу в качестве эксперта по программе социального партнерства в оценке коммуникативных и медиаориентированных социальных проектов в регионе в 2013-2014 году.

Любовь Геннадьевна активно участвует в работе научных обществ и общественных научных организаций. Она заместитель председателя Российской риторической ассоциации, председатель Ярославской риторической ассоциации; член Экспертного совета по поддержке, сохранению и развитию русского языка в Российской Федерации; член президиума УМО по филологическому образованию при МПГУ; член редколлегии журнала «Русский язык в школе» и журнала «Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова».

Есть у Л.Г. Антоновой многочисленные поощрения и награды. Она Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, имеет целый ряд наград Ярославской области: нагрудный знак Губернатора и Правительства Ярославской области «За заслуги в области образования», знак Губернатора ЯО «За заслуги в науке», премия Губернатора ЯО в области культуры и журналистики имени Трефолева за цикл телевизионных передач «Экология речи», премия Губернатора ЯО «За заслуги в области образования и культуры» за проект «Благоприятная коммуникативная среда региона» (сентябрь, 2005), Почетная грамота Департамента Ярославской области «За заслуги в области образования и подготовки педагогических кадров», диплом Всероссийского форума «Образовательная среда – 2008» Федерального агентства по образованию за проект «Деятельность Центра Теории и практики речевой коммуникации в формировании коммуникативной и культурологической компетентности студента-гуманитария», диплом Межрегиональной выставки «Инновации. Производство. Рынок» за инновационный проект «Практика изучения и прогнозирования языковых

процессов в современных масс-медиа» (октябрь, 2009), диплом лауреата четвертого конкурса Российской коммуникативной ассоциации «Лучшая книга по коммуникативным наукам и образованию на 2009–2010 академический год» за первое место в номинации «Теория коммуникации» (за учебное пособие «Современные коммуникативные процессы»), диплом IV Московского международного Салона изобретений и инновационных технологий «АР-ХИМЕД – 2011» (конкурс «Инновационный потенциал молодежи») за проект «Электронное учебно-методическое пособие «Программа учебной практики студентов, обучающихся по специальности 031.600.62 «Реклама и связи с общественностью» и мн. др.

Все эти награды и дипломы, конечно, важны, но они не передают главного – бесконечной преданности Любови Геннадьевны Антоновой делу филологии и образования, которым она отдает все время своей жизни.

И при этом Любовь Геннадьевна – исключительно интеллигентный и приятный в общении человек. Общаться с ней – всегда радость и удовольствие. И еще: она красивая и обаятельная женщина.

...Юбилей – это *возраст научного и человеческого расцвета*.

С юбилеем, дорогая Любовь Геннадьевна! Будьте счастливы!

И.А. Стернин, А.А. Чувакин

СОВРЕМЕННЫЕ УЧЕНЫЕ-ГУМАНИТАРИИ ВО ВТОРОМ ВЫПУСКЕ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА О МЕТОДИСТАХ-РУСИСТАХ И ФИЛОЛОГАХ-ЛИНГВИСТАХ

Осенью 2014 года в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова издан очередной выпуск био / библио / графического справочника о методистах-русистах и лингвистах, в той или иной мере занимающихся методическими проблемами [Методика, 2014]. Издание предназначено для аспирантов и докторантов, учителей-словесников, преподавателей русского языка и его методики. Как и первый справочник [Методика, 2013] (см.: [Иванова, 2013]), новое издание представлено в книжной летописи и имеется во всех главных библиотеках РФ.

В отличие от «сибирского» справочника 2013 года, справочник 2014 года рассказывает о специалистах разных регионов Российской Федерации и Украины. Основное содержание новой книги составляют научные очерки о специалистах по методике преподавания русского языка и русскому языку. В табличной форме покажем представленные в справочнике категории специалистов по областям наук и ученым степеням.

Всего персоналий	Педагогические науки	Филологические науки
44, в том числе:	36	8
докторов наук	28	5

кандидатов наук	8	3
-----------------	---	---

Таблица 1. Количество очерков о специалистах в области педагогических и филологических наук.

В каждом выпуске справочника публикуются сведения о специалистах, ушедших из жизни. В частности, справочник *Методика-2014* начинается очерками о таких ученых, как: *Физуровский Иван Александрович* (с. 8); *Мамушин Всеволод Евгеньевич* (с. 13); *Баранов Михаил Трофимович* (с. 16); *Ушаков Николай Николаевич* (с. 21); *Филиппов Андрей Валентинович* (с. 25) (здесь персоналии сгруппированы по дате рождения).

Главное внимание в справочнике 2014 года уделяется ученым-современникам, работающим в российских вузах. Основной принцип расположения этих персоналий – алфавитный.

См.: *Алексеева Ольга Владимировна* (с. 29); *Арефьева Светлана Александровна* (с. 34); *Бирюкова Татьяна Геннадьевна* (с. 41); *Бунеева Екатерина Валерьевна* (с. 45); *Быкова Гульчера Вахововна* (с. 52); *Вознюк Людмила Владимировна* (Украина) (с. 58); *Волкова Тамара Николаевна* (с. 63); *Вострикова Татьяна Ивановна* (с. 68); *Голев Николай Данилович* (с. 72); *Гордиенко Оксана Викторовна* (с. 76); *Дейкина Алевтина Дмитриевна* (с. 82); *Донская Тамара Константиновна* (с. 95); *Еремеева Ангелина Павловна* (с. 101); *Иванов Станислав Викторович* (с. 108); *Криворотова Эльвира Владимировна* (с. 111); *Кулаева Галина Михайловна* (с. 116); *Лебедева Наталья Борисовна* (с. 118); *Левушкина Ольга Николаевна* (с. 122); *Лукошкова Татьяна Степановна* (с. 128); *Лыжова Лариса Константиновна* (с. 130); *Марьяна Ольга Викторовна* (с. 134); *Малявина Татьяна Петровна* (с. 136); *Мишатина Наталья Львовна* (с. 140); *Морозова Ирина Дмитриевна* (с. 140); *Обласова Татьяна Владимировна* (с. 148); *Романова Наталья Николаевна* (с. 150); *Рябухина Елена Анатольевна* (с. 153); *Скрябина Ольга Алексеевна* (с. 157); *Сотова Ирина Алексеевна* (с. 161); *Сычугова Лия Павловна* (с. 164); *Устинов Анатолий Юрьевич* (с. 167); *Фалина Татьяна Михайловна* (с. 172); *Филиппова Ольга Викторовна* (с. 178); *Цейтлин Стелла Наумовна* (с. 183); *Шакирова Лия Закировна* (с. 186); *Юсупова Зульфья Фирдинатовна* (с. 191); *Янченко Владислав Дмитриевич* (с. 195). В конце даны очерки о начинающих ученых (*Войтешинок Светлана Викторовна* (с. 199); *Кудряшова Наталия Владимировна* (с. 200) [*Методика*, 2014]).

В новой книге материал предшествующего выпуска не повторяется, однако имеет определенное отражение. В частности, во втором справочнике представлены: 1) список персоналий первого выпуска; 2) новые сообщения, дополняющие материалы опубликованных ранее очерков.

Для потенциальных авторов и соавторов следующего издания укажем типичную структуру научных очерков.

1. Заголовочная часть

ФИО (в скобках первая фамилия, если есть).

Место работы, город.

Ученая степень / степени – дата по диплому.

Ученое звание (по какой кафедре и специальности) – дата по аттестату.

2. Общие сведения и профессиональная биография

Год и место рождения. Общее и профессиональное образование. Основные места работы, включая последнее, должность/должности. Работа по совместительству. Поощрения, знаки отличия, награды. Послевузовское образование. Темы кандидатской и докторской диссертаций. Повышение квалификации. Общественная работа. Доп. информация (хобби, художественное творчество, информация личного характера) – по усмотрению автора. Обеспечение вузовской и послевузовской подготовки специалистов. Экспертная деятельность. Наличие в вузе аспирантуры и докторантуры по специальности. Участие в работе диссертационных советов. Научная школа (название школы, ее суть). Научное руководство и консультирование. ФИО защитившихся и обучающихся аспирантов, докторантов, соискателей, темы их диссертаций и год защиты. Научная лаборатория (руководство, участие, деятельность). Вклад ученого в развитие науки, в т.ч. теоретической и практической методики русского языка (тезисно). Общее количество трудов (на данный момент).

3. Основные публикации¹

4. Основные публикации об ученом и его работах²

Представим из рассматриваемой книги один из самых коротких очерков (другие более детализированы, поэтому выйдут за ограниченные рамки небольшой статьи):

Голев Николай Данилович

г. Кемерово, КемГУ

Уч. степень – докт. фил. наук (окт. 1991).

Уч. звание – проф. по каф. РЯ (июнь 1993).

Родился в 1946 г. в пос. Тальменка Алтайского края. Высш. обр-ние по спец. *Филолог. Преп-ль рус. языка и лит-ры.*

Преп-ль Алтайского гос. ун-та: асс. – с 1974 г., ст. преп. – с 1976 г., доц. – с 1983 по 2003. С 2004 г. по наст. вр. проф. кафедры рус. языка Кемеровского гос. ун-та (КемГУ). Лектор регулярно проводимой Летней лингв. школы КемГУ.

Повышение квалиф.: аспирантура, докторантура, курсы в МГУ, ТГУ, КемГУ.

Канд. дис. «Система номинации конкретных предметов в рус. языке». Кемерово, 1974. Науч. рук. – проф. О.И. Блинова. Докт. дис. «Динамический аспект лексической мотивации». Екатеринбург, 1991.

В вузе осуществляет уч. деят-ть в рамках программ бакалавриата (направл. «Фил-ия»), магистратуры по прогр. «Рус. язык (юридическая и документная лингвистика)», доп. спец-ции «Филологич. обеспечение совр-ой коммуникации: юридическая лингвистика и бизнес-коммуникация».

Проводит обществ.-просветит. работу в регионе и РФ. Засл. работник высшего проф. обр-ния РФ. Действ. член Межд. академии наук высшей школы.

¹ Во всех рубриках литература дается в обратнхронологическом порядке – от 2014 года к 2000 и вниз.

² В справочнике эта информация отражается двояко. 1) Рецензия дается рядом с первоисточником в квадратных скобках. 2) Публикации об ученом даны в конце книги в списке «Источники информации».

Член двух спец. советов по защите дис. на соискание уч. степени докт. и канд. фил. наук при Кемеровском гос. ун-те и при Алтайской гос. пед. академии. Член эксп. совета РФФИ, эксперт РГНФ, РНФ; директор и член Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов (СИБАЛЭКС).

Науч. конс-нт защитившихся докторантов (Дмитриева Л.М., Шкуропацкая М.Г., Чернышова Т.В., Сологуб О.П., Бринев К.И., Ким Л.Г., Тармаева В.И., Мельник Н.В.) и докторантов, готовящих дис. (Кишина Е.В., Шпильная Н.Н., Шиканова Т.А., Воронова Н.В.).

Науч. рук. защитившихся асп. и соиск. (Гусар Е.Г., Трубникова Ю.В., Пересыпкина О.Н., Доронина Н.И., Доронина С.В., Аввакумова Е.А., Бринев К.И., Сайкова Н.В., Киселева О.А., Тискова О.В., Матвеева О.Н., Киркинская Т.И., Лопатина И.А., Татаринцева Е.Н., Прокудина И.С., Коряковцев А.В., Шпильная Н.Н., Сарамотина Л.Х., Максимова С.А., Бикейкина Н.А., Барышева Е.Л., Обелюнас Н.В.).

Науч. школа: Социально-когнитивное функци-ние рус. языка. Изуч-е ментально-языковой ситуации в совр. России с акцентом на такой ее компонент, как обыденное метаязыковое сознание носителей рус. языка. Вклад в данное направл. – обоснование фундаментального характера данного компонента, тесно связанного с нац-й языковой ментальностью, его роли в обуч-и рус. языку в ср. и высшей школе и в яз-ой политике, в многочисл. иссл-ях устройства и функци-ния этого компонента как объективного феномена (в частности, таких его проявлений, как орфографоцентризм, гипертрофированный рационализм в речевых умениях и абсолютизация постулата правильности). В рамках школы по данному направл. сформирован Межд. научно-образоват. центр «Обыденная семантика терминов различных наук», кот. объединяет ученых в рамках иссл-ия реальной семантики терминов.

Социальный компонент науч. школы связан с направл. «Юрислингвистика», выделенного и обоснованного ученым в качестве самост. раздела науки о языке. Как зав. лаб. юрислингвистики и документоведения проводит с сотрудниками иссл-ия в сфере взаимодействия языка и права, обеспечивает подготовку и издание ежегод. журнала «Юрислингвистика», выполняет судебные лингв. экспертизы.

Более 450 трудов.

Основные публикации

Книжные издания и брошюры

1. *Голев Н.Д.* Олимпиады по рус. языку для шк-ков, абитуриентов и студ.: уч. пос. / отв. ред. Н.Н. Шпильная. Кемерово: КемГУ, 2009. 202 с. [Рец.: Фельде О.В. ... // Рос. лингв. ежегодник. 2010. Вып 5. С. 223–225].

2. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обуч-е языку: уч. пос. / Н.Д. Голев, С.А. Максимова, Э.С. Денисова и др.; ред. Н.В. Мельник. Кемерово: КемГУ, 2009. 384 с. (авт. 10%).

3. *Голев Н.Д.* Морфология совр. рус. языка: уч. пос. для студ. в формате «Ноотека». Кемерово: КемГУ, 2006. 208 с. [Рец.: Ким И.Е. ... // Рос. лингв. ежегодник. 2008. Вып. 3. Красноярск, 2008. С. 222–226].

4. *Голев Н.Д.* Антиномии рус. орфографии. Изд. 2-е, перераб. М.: УРСС, 2004. 147 с.

5. *Голев Н.Д.* Лингвистические и лингводидактич. проблемы языкового обр-ния в технич. вузе (опыт построения концепции): раздел // Прикладная фил-ия в сфере инженерного обр-ния: колл. моногр. Т. 1: Методология и методика яз-го обуч-я в технич. вузе. Нортхэмптон-Томск, 2004. С. 15–38.

6. *Голев Н.Д.* Орфография и лингв-ая культура. Барнаул: АлтГУ, 1993. 112 с.

7. *Голев Н.Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка: раздел // Философские и лингвокультурологич. проблемы толерантности: колл. моногр. / отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. Екатеринбург: УрГУ, 2003. С. 174–191.

8. *Голев Н.Д.* Тексты и тесты: комплексный анализ текста и тестирование в школе и вузе: уч. пос. Барнаул: АлтГУ, 2000. 191 с.

9. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации: моногр. Томск: ТГУ, 1989. 252 с.

10. *Голев Н.Д.* Структура внутренней речи в рассказах В.М. Шукшина (к проблеме взаимодействия разных типов речи в ментальных контекстах): раздел // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен: колл. моногр. / ред. В.А. Пищальникова. Барнаул: АлтГУ, 1997. С. 61–85.

11. *Голев Н.Д., Дударева Я.А.* Измерение семантического расстояния между словами с помощью ассоциативных методик: раздел // Ассоциативное измерение системных отношений в лексике: колл. моногр. / отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. Бийск: АГАО, 2012. С. 11–36 (авт. 50%).

12. *Голев Н.Д.* Массовое письменное сознание: раздел // Кириллица – латиница – глаголица: колл. моногр. / ред. Т.В. Шмелев. Серия: Монографии. Вып. 11. Вел. Новгород: МИОН, 2009. С. 283–307.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ

13. *Голев Н.Д.* Языковая игра как лингводидактич. принцип // Вестник Челяб. гос. ун-та. Фил-ия. Искусствовед-е. 2012. № 5. Вып. 63. С. 27–34.

14. *Голев Н.Д., Басалаева М.Ю.* Роль пунктуации в понимании текста (о взаимодействии поверхностной и глубинной структур текста) // Вестник Кем. гос. ун-та. Вып. 4. 2010. С. 128–133 (авт. 50%).

15. *Голев Н.Д., Мельник Н.В.* Текстовое представление языковой личности ученика: лингвоперсонологич. аспект // Рус. язык в шк. 2010. № 11. С. 29–34 (авт. 50%).

16. *Голев Н.Д.* Словообразование как эволютивный процесс // Рус. язык в шк. 2010. № 12. С. 39–44.

17. *Голев Н.Д.* Особенности обыденного метаязыкового сознания в свете обсуждения вопросов яз-го строительства рядовыми носителями рус. языка // Вестник Томск. гос. ун-та. Фил-ия. 2008. № 4. 2008. С. 3–11.

18. *Голев Н.Д.* Орфографическая реформа как зеркало российской ментальности // Вестник ТГУ. Бюлл. оперативной науч. информации. 2006. № 123. С. 100–110.

19. *Голев Н.Д.* Индивидуально-типовый подход к развитию языковой личности // Вестник Кем. гос. ун-та. 2006. № 2. С. 25–29.

20. *Голев Н.Д.* Метаязыковое сознание носителей рус. языка как отражение их орфографического поведения // Вестник КемГУ. 2006. № 1 С. 111–114.

21. Голев Н.Д. Развитие языковой способности детей (школьное сочинительство и стилизация) // Мир рус. слова. 2004. № 4. С. 105–109.

22. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник КемГУ. 2012. № 1. С. 128–137 (авт. 50%).

23. Golev N.D. Manipulative Strategies and Tactics of Mass Media Communication (on the example of «The Name of Russia» television project) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 12 (2012. 5) P. 1834–1842.

24. Голев Н.Д., Шанина А.В. Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием // Политич. лингвистика. (Екатеринбург). 2013. № 2. С. 178–186 (авт. 50%).

25. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопр. лексикографии. 2013. № 2. С. 48–64.

26. Голев Н.Д., Дебрени М. Разноязычный сопоставит-ый словарь обыденной семантики бионимов: концепция, лексикографич. проект и опыт его реализации // Вестник Новосиб. гос. ун-та: Серия: Лингвистика и межкульт. коммуникация. 2013. Т. 11. Вып. 2. С. 80–92 (авт. 50%).

27. Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен сущ-ных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томск. гос. ун-та. Фил.-ия. 2013. № 6. С. 14–28.

28. Голев Н.Д. Обыденное филологич. толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста // Вопросы когнит. лингвистики. 2014. № 2. С. 5–15.

Редактирование

Отв. ред.: Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологич. аспекты: колл. моногр. Ч. 1. Кемерово–Барнаул, 2009. 532 с.; Ч. 2. Томск, 2009. 457 с.; Ч. 3. Кемерово, 2010. 460 с.; Ч. 4. Кемерово, 2011.

Ред.: Очерки по лингвистич. детерминалогии и дериватологии рус. языка: колл. моногр. Барнаул, 1998. 252 с.; Лингвоперсонология: типы яз-ых личностей и личностно-ориентированное обуч-е: моногр. / соред Н.В. Сайкова, Э.П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006. 435 с. [Рец.: Резанова З.И., Иванцова Е.В. // Вестник Томск. гос. ун-та. Фил.-ия. 2009. № 2. С. 127–130]; Проблемы лексической и словообразоват. мотивации: межвуз. сб. Барнаул, 1986. 164 с.; Естественная письм. русская речь: иссл-ий и образоват. аспекты: м-лы конф. В 3-х ч. Барнаул. Ч. 1. Проблемы письм. речи и развития яз-го чувства. 2002. 350 с.; Ч. 2. Теория и практика совр. письма. 2003. 279 с.; Ч. 3. Письм. речь в психолингв., лингводидактич. и орфографическом аспектах. 2004. 278 с.; Вопросы лингвоперсонологии: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2007.

Науч. ред.: Юрислингвистика: журнал. 1999–2014. № 1–14.

© Голев Николай Данилович, 2014.

Авторы всех очерков вносят свой вклад в создание общей, взаимосвязанной истории развития методики преподавания русского языка и русистики. Ученые, написавшие два и более очерков, указываются на титуле. Второй выпуск справочника, как и первый, издан на личные средства составителя и авторов

очерков. В настоящее время началась подготовка третьего выпуска справочника, который планируется издать в 2015 году. Жду ваши очерки, уважаемые коллеги.

Литература

Иванова А.Е. Рец. на кн.: Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Сибири и Дальнего Востока: библиограф. справочник / Т.А. Острикова и др. Абакан: ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2013. 200 с. // Филология и человек. 2013. № 3.

Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Российской Федерации и зарубежья / Т.А. Острикова, А.Д. Дейкина, И.А. Сотова, Т.Г. Бирюкова, Н.Н. Романова, З.Ф. Юсупова и др.; сост. и ред. Т.А. Острикова. Абакан, 2014.

Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Сибири и Дальнего Востока / Т.А. Острикова, С.Н. Карамышева, Н.С. Болотнова, В.Я. Булохов, Л.В. Черепанова, А.А. Чувакин и др.; сост. и ред. Т.А. Острикова. Абакан, 2013. 200 с.

Т.А. Острикова

МНОГОЯЗЫЧИЕ ТЕКСТА В КОММУНИКАЦИИ КАК ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОБЛЕМА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР (БАРНАУЛ, АЛТАЙСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ, 14 АПРЕЛЯ 2015 Г.)

В Алтайском государственном университете (далее – АлтГУ) состоялось очередное, VI, заседание международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия». Заседание было посвящено теме «Многоязычие текста в коммуникации как филолого-коммуникативная проблема». Организаторы семинара – АлтГУ и Институт филологии СО РАН (далее – ИФЛ СО РАН). Семинар проходил в АлтГУ – на базе научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации (далее – НОЦ) и кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка.

В работе семинара приняли участие д.ф.н. И.В. Силантьев, директор ИФЛ СО РАН (Новосибирск) – соучредителя НОЦ; специалисты НОЦ, профессора, преподаватели, молодые ученые и студенты кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка и кафедры германского языкознания и иностранных языков АлтГУ, филологи-коммуникативисты, работающие в вузах и других организациях России и зарубежья. Сопредседатели семинара – д.ф.н. Т.В. Чернышова, зав. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка; д.ф.н. А.А. Чувакин, член-корр. МАНПО, научный руководитель НОЦ.

Семинар открыла кратким вступительным словом д.ф.н. Т.В. Чернышова.

Выступивший при открытии д.ю.н. Е.С. Аничкин, первый проректор по учебной работе АлтГУ, назвал ежегодно проводимый семинар, поднимающий

важные научные вопросы, визитной карточкой алтайской филологической школы; *к.ф.н. С.А. Мансков*, декан факультета массовых коммуникаций, филологии и политологии, пожелал участникам семинара содержательного диалога, продуктивной работы. В своем приветствии *д.ф.н. И.В. Силантьев* отметил продуктивность работы НОЦ, созданного ИФЛ СО РАН совместно с АлтГУ. «Одним из достойных результатов деятельности Центра является настоящий семинар. Это мероприятие меня привлекает, во-первых, возможностью общения с коллегами, во-вторых, тематикой, над которой я работаю на протяжении многих лет. Убежден в том, что коммуникация должна быть успешной и результативной: если люди не умеют передавать смыслы друг другу, то взаимодействие между ними сходит на нет. Неумение слышать другого – коммуникативная проблема сегодняшнего дня, которая будет рассмотрена на семинаре», – подчеркнул И.В. Силантьев. *Д.ф.н. А.А. Чувакин*, привлек внимание собравшихся к проблеме многоязычия: современные тенденции развития гуманитарных наук, в частности филологических и коммуникативных, позволяют увидеть новые грани в явлении многоязычия. Это и многоязычие человека, владеющего родным, вторым родным, иностранным языком, и многоязычие территории, и многоязычие текста – *до* и *в* коммуникации, и, если угодно, «многоязычие» самого языка.

На семинаре было заслушано и обсуждено 6 докладов.

Первым прозвучал доклад *T. Slobodchikoff, Ph.D.* (США, Трой) «Evolution of Number in Slavic Languages» / «Развитие категории числа в славянских языках» (выступление по Скайпу с переводом *к.ф.н. Е.А. Савочкиной*). Система числа, характерная ранее для славянских языков и представленная триадой единственное-двойственное-множественное число, изменилась до оппозиции единственное-множественное число во всех языках, кроме сербского и словенского. Задача исследования – предсказать причины диахронических изменений в двойственном числе в различных языках. Носители языка переосмысливают его структуру в целях языковой экономии. Изменения в славянском двойственном числе явились результатом экономии морфосинтаксических признаков, что упрощает одновременно семантику и структуру. Экономия морфосинтаксических признаков объясняется действием принципа независимой достоверности по Н. Хомскому (он предполагает набор неформальных критериев, включающих простоту, неизбыточность и т.п.).

Главная идея *д.ф.н. И.В. Силантьева*, выдвинутая и обоснованная в докладе «От коммуникативной теории к теории литературы», состоит в следующем: обычный человек понимает теорию литературы как некоторую схоластическую дисциплину, занимающуюся чем-то отвлеченным и малопригодным для использования в жизни. На самом деле, выведя теорию литературы из теории коммуникации, можно построить модели человеческого общения, передачи смысла, установления контактов и прочее.

Тема доклада *д.ф.н. К.Б. Уразаевой* (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан), иностранного члена Оргкомитета семинара, – «Множественность смыслов своего / чужого в стратегии буквального перевода (казахские переводы лирики М. Лермонтова)». В докладе формулируется понимание корреляции *своего / чужого* в буквальном переводе как способа рекон-

струкции *Другого*, узнавания себя / своего в чужом, выстраивания идентичности *Другого*. Актуальность предлагаемого подхода обусловлена представлением о буквальном переводе как аналитическом и возможностью прояснить новые критерии *точного / буквального* переводов. Новое понимание буквального перевода должно сопровождаться различением типов литературных отношений в переводах. Установлена связь между неслучайным постоянством буквального перевода и типологической параллели, типами корреляции *своего / чужого* и проявлением национальной идентичности, ресурсами казахского языка в области семантической поэтики и индивидуальными особенностями стиля казахских поэтов. Особенности ритмики и метрической организации также оправдывают оценку буквального перевода как аналитического.

Д.ф.н. А.И. Кулягин (АГПУ, Барнаул) в докладе «Рассказы Михаила Зощенко в переводе с русского на советский» обратился к рассказам М. Зощенко двадцатых годов, породившим целый шлейф подражаний в массовой беллетристике. Официозные писатели 1930-х годов нередко обращались к сюжетам Зощенко, пытаясь трансформировать их таким образом, чтобы они соответствовали идеологическим канонам сталинской эпохи. Так, М. Кольцов в свою программную речь о задачах советской сатиры на Первом съезде писателей (1934) включает вариацию на тему рассказа Зощенко «Подарок» («Рассказ о подлеце»). При этом обобщающий смысл произведения Зощенко редуцируется, законченный рассказ превращается в черновую заготовку для газетного фельетона на конкретном материале. Еще один пример деконструкции посюжетски сюжета Зощенко можно найти в очерке Кольцова «Три дня в такси» (1934). «Маленький опыт» по проверке советских граждан на честность навеян очеркисту рассказом Зощенко «На живца» («Честная гражданка»). Пакеты-приманки, на которые герои Зощенко и Кольцова ловят воров, очень похожи внешне, но их содержимое принципиально отличается. За этим стоит различие в представлениях писателей о сущности человека советской эпохи.

Д.ф.н. И.Ф. Ухванова-Шмыгова (БГУ, Минск, Республика Беларусь), иностранный член Оргкомитета семинара, представила видеопрезентацию доклада «Интертекстуальность, интересобитийность и интересубъектность как функциональные категории дискурса, фиксирующие выбор вектора содержания: феноменологический, категориальный либо деятельностный». Интертекстуальность – это дискурс-категория, вместе с которой пришло осознание того, что *текст адресанта*, реализуемый в конкретной социальной среде, не меняясь формально, неизбежно трансформируется содержательно. Так, его содержание обретает иной объем, актуализируя себя не только как текст адресанта, но и как *текст адресата* и *текст взаимодействия* между адресантом и адресатом, а значит, как знак трансформирующегося социального пространства и времени. Преображаясь, текст получает другое именование – дискурс, что отражает факт перехода текста на новый, более сложный уровень функционирования (собственно социальный). Так дискурс проявляет себя как сложная единица языка, реализующая взаимодействие лингвистического и социального контекстов. Обладая разной спецификой функционирования, эти контексты актуализируют разный по сути категориальный аппарат. Категориальный аппарат дискурс-лингвистики начинался с категории «интертекстуальность». Раз-

рабатывая и применяя в практических исследованиях различных типов дискурса каузально-генетический подход, докладчик предложил отделить от данной категории такие ее разновидности, как «интерсобытийность» и «интерсубъектность».

К.ф.н. Д.А. Кожанов (АлтГУ) в докладе «Термин как маркер интердискурсивности в художественном дискурсе» проанализировал термин, функционирующий за пределами научного дискурса в тексте художественного произведения. Особая роль отводится взаимодействию концептуальных аппаратов, или картин мира, стоящих за взаимодействующими дискурсами. Феномен интердискурсивности интерпретируется как переход от одного дискурса, а следовательно, типа мышления к другому с целью создания стилистического эффекта.

Вопросы, вынесенные на обсуждение, вызвали многочисленные выступления. Их можно сгруппировать в несколько тематических блоков.

1) Исследование текста в направлении «от коммуникативной теории к теории литературы».

Д.ф.н. М.П. Гребнева (АлтГУ) в вступлении «Заочный диалог Ю. Олеши с Флоренцией в мемуарно-дневниковых заметках «Ни дня без строчки»» обратила внимание на тот факт, что Ю. Олеше, который никогда не был за границей, в мемуарно-дневниковых заметках удалось удивительным образом воспроизвести особенности флорентийского времени и пространства. Столица Тосканы для него – средневековый каменный город, в котором остановилось время. Важную роль в плане выявления писателем русско-итальянских связей принадлежит мотиву моста. Его эквивалентом в диалоге Олеши с Флоренцией оказывается художественное слово Данте, скульптурное изображение Микеланджело, живописное полотно Боттичелли. *Д.ф.н. Г.В. Кукуева* (АГПУ) в выступлении «Приметы постмодернистского письма в текстах малой прозы середины XX века (на материале рассказов В.М. Шукшина)» подчеркнула, что своеобразие малой прозы середины XX века во многом предопределяется эстетическими векторами постмодернизма, трансформирующими не только жанровую форму текста, но и его художественно-речевую структуру. Малая проза В.М. Шукшина как образец литературы данного периода отражает следующие приметы постмодернистского письма: 1) стилевой плюрализм; 2) доминирование контаминированных форм чужой речи; 3) синтаксическое слияние и расчленение целостности речевой партии как повествователя, так и персонажа. Выступление *к.ф.н. И.Ю. Качесовой* (АлтГУ) «Преобразование аргументативных кодов деятельности при трансформации аргументативных дискурсов разного рода» было посвящено особенностям переклочения аргументативных ключей при трансформации аргументативного дискурса, реализованного в тексте пьесы, в аргументативный дискурс, реализованный в кинофильме. *К.ф.н. Э.В. Малыгина* (АлтГУ) в своем выступлении «Кризисная межперсонажная коммуникация в малой прозе В.М. Шукшина: принципы взаимодействия эвокационных приемов» сообщила следующее: признание «сшибки» в качестве особой формы кризисной коммуникации, обусловлено эстетическими взглядами В.М. Шукшина, и это определило воспроизведение кризисогенных сигналов в межперсонажной «сшибке». Используемые писателем эвока-

ционные приемы (нелестной номинации, обобщения, прерывания речи, смещения) локализуются в текстовом фрагменте не изолированно, а в сложном взаимодействии. С точки зрения поэтики прозы писателя важнейшими, принципами взаимодействия вступают принципы сингулярности и конгруэнтности. *К.ф.н. Е.Ю. Сафронова* (АлтГУ) в выступлении «Риторическая модальность художественного текста (на примере «Объяснения» Ф.М. Достоевского)», опираясь на понимание текста как «адресованного высказывания» (*И.В. Силантьев*) или как «стратегического ответа» (*К. Бирк*) в ситуации кризисной коммуникации, по-новому ставит проблему риторической модальности художественного текста. Пограничные жанры словесности, лежащие за пределами традиционной эстетики, полифункциональны и отсылают к различным дискурсивным практикам. Как правило, такие тексты отличаются фактором двойного адресата. В качестве примера приводится «Объяснение» Ф.М. Достоевского Следственной комиссии по делу петрашевцев. Этот текст рассматривается как текст двуединой литературно-юридической природы.

2) Взаимодействие естественных языков в процессе функционирования текстов, в том числе при переводе.

К.ф.н. Е.А. Савочкина (АлтГУ) в выступлении «Функционирование русских культуронимов в английском художественном тексте и его переводе на русский язык (на материале романа S. Krolick “Veronika. Siberian Tale”)» пришла к следующему выводу: включение транскрибированных и непереуведенных культуронимов в иноязычный текст является функционально несостоятельным. Это объясняется различием в когнитивных базах носителей разных языков; возможной субъективностью автора произведения, что позволяет ему избирать различные способы презентации культуронима. Ср.: транскрипция с комментарием «*khrushchevka –five-storey walk-up building*», транскрипция без комментария («*kostyanika*»), полное сохранение русского текста (Добрый день, Сережа). Транскрипция без комментария оказывается наименее продуктивным с точки зрения создания национального колорита в англоязычном тексте. Он лишь упоминает что-то присущее русской культуре, не позволяя англоязычному читателю понять концепт однозначно. *К.ф.н. Е.В. Демидова* (АлтГУ) в выступлении «Рассказы В.М. Шукшина на русском и английском (американский и британский варианты) языках: проблема вариативности текста» сообщила об опыте исследования вариативных отношений между текстом оригинала и текстами переводов сквозь призму категории «внутренний мир художественного текста». Переводчик («человек говорящий») меняет конструкцию внутреннего мира текста, происходит его варьирование. В процессе сопоставления текстов рассказов В.М. Шукшина (текстов оригинала на русском языке и текстов переводов на американский и британский варианты английского языка) демонстрируется действие фактора личности переводчика. *К.ф.н. А.А. Шмаков* (РАН-ХиГС. Алтайский филиал) в выступлении «Многоязычие современных социальных сетей», рассмотрел некоторые проявления влияния английского языка в общении в современных русскоязычных социальных сетях, в частности рост использования англоязычного сленга, специфичного для сети Интернет. Так, обладатели современных смартфонов с доступом к мобильному Интернету постоянно «*чек-инятся*» (от англ. *to check in* – «регистрироваться»). Объем

словника составляет 30–40 лексем. Не владея английским языком на разговорном уровне, продвинутый пользователь социальных сетей владеет англоязычным сленгом лучше, нежели рядовые носители языка. Источники многоязычия текстов разных родов, видов, жанров были продемонстрированы в выступлении *к.культурол. В.Б. Высоцкого* (Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования) «Время и пространство в ренессансных текстах». Автор утверждает, что в ренессансных текстах пространство рождает образ протяженности, время – последовательности. В литературе итальянского Проторенессанса ограниченность растворяется в безграничном. В культуре Кватроченто время и пространство сгущается и дробится, пестрая зыбкость подробностей создает эффект неуловимости. В XVI веке хронотопы усложняются более широкой палитрой жанров, реминисценций и стилистики. Со временем и пространством поэты уже распоряжаются как с починенными их воображению сущностями.

3) Взаимодействие текстов (дискурсов), их порождение и образование как источник многоязычия. *Д.ф.н. Т.В. Чернышова* (АлтГУ) в выступлении «Профессионально-речевые практики и медиатекст: проблемы трансформации устной речи в письменную в научно-популярном дискурсе» предприняла попытку описания функционально-стилевых принципов, служащих основой формирования специального письменного подязыка, обладающего своей сферой применения и своими правилами и нормами речевого поведения, обусловленными потребностями эффективной передачи информации в профессионально ориентированных медиатекстах. *К.ф.н. Е.В. Антюфеева* (АлтГУ) привлекла внимание собравшихся к феномену таргетированной рекламы (тема выступления «Таргетированная реклама: филологический аспект»). *К.ф.н. Е.И. Клинк* (АлтГУ) в выступлении «Мультидискурсивность как жанрообразующий признак имиджевой статьи» пришла к выводу о том, что имиджевая статья, главной целью которой является формирование образа какого-либо субъекта публичной сферы, является комплексным жанром, находящимся на стыке медиа- и PR-дискурса. Будучи вторичным текстом, то есть текстом, созданным представителями PR-структуры какой-либо организации и опубликованным в СМИ, имиджевая статья проходит процесс журналистской обработки. Тексты данного жанра в процессе своего функционирования испытывают на себе влияние смежных дискурсов и при этом не утрачивают свойств, обусловленных первичным дискурсом, но приобретают свойства дискурса вторичного. *Асп. Т.А. Полтавец* (АлтГУ) в выступлении «Лексико-стилистические характеристики научно-публицистических текстов» обосновала предположение о том, что различие периодических изданий по стилистическим характеристикам объясняется их установкой на коммуникацию с определенной целевой аудиторией. В ходе анализа проблемы показано, что в стиле научно-популярного периодического издания могут присутствовать элементы научного, публицистического, разговорного стилей. *К.ф.н. Н.В. Панченко* (Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования) обратилась к новой и интересной проблеме «композиция в системе текста vs. дискурса». На материале эссе Т. Толстой «Битва креветки с рябчиком» в выступлении прослеживаются дискурсивные актуализации текста как совокупности референциального, телеоло-

гического, элокутивного, генристического, рецептивного, метатекстового вариантов. Каждая стратегия композиционного построения данного текста актуализируется в различных типах дискурсов: в гастрономическом – генристическая стратегия, организуя текст в соответствии с жанром меню; в этнокультурном дискурсе – телеологическая стратегия, выстраивая текст как оппозицию русского нерусскому; в научном дискурсе – элокутивная стратегия, представляя текст в виде обсуждения иноязычных заимствований и их адаптации в языке; в литературном дискурсе – метатекстовая стратегия, создавая особое композиционное движение прецедентных и интертекстуальных феноменов в тексте; через публицистический дискурс актуализируется рецептивный композиционный вариант как диалог с читателем; референциальный композиционный вариант актуализируется в дискурсе постсоветской повседневности.

4) Деятельность *homo communicans* и многоязычие текста (дискурса). Д.ф.н. *Е.В. Лукашевич* (АлтГУ) в выступлении «Образ адресата в тексте: механизмы языковой идентификации в региональном медиапространстве» на основе анализа языковых особенностей блоговых записей губернатора Алтайского края охарактеризовала механизмы социокультурной и эмоциональной идентификации адресанта и адресата, установила доминирующий тип их социально-коммуникативных отношений, рассмотрела особенности речевой культуры адресанта, стиль и тональность общения и обозначения проблемы, требующие сознательного и преднамеренного отношения к коммуникации с различными группами адресатов. К.ф.н. *С.В. Доронина* (АлтГУ) в выступлении «Речевые средства выражения эпистемического модуса в публицистическом дискурсе» описала дискурсивные стратегии, направленные на реализацию криптолингвистической речевой установки; это стратегия элиминации темы и стратегия метатекстовых запретов. Криптолингвистическая стратегия элиминации темы заключается в последовательном исключении из речевой партитуры слов и выражений, указывающих на предмет речи. Стратегия метатекстовых запретов реализуется в высказываниях, содержанием которых является отказ от обсуждения темы. Асп. *К.Е. Гайер* (АлтГУ) в выступлении «Семиотические проявления «*intentionis lectoris*» и «*intentionis operis*» в текстах, связанных отношениями взаимопроникновения», развивая идеи У. Эко, прежде всего отметила следующее: под «*intentionis lectoris*» понимается идеология читателя, влияющая на выбор того или иного значения знака, актуализацию одних контекстуальных значений и нивелирование других и пр.; под «*intentionis operis*» подразумевается заложенная в рассматриваемом тексте семиотическая стратегия, активизирующая цепочку интерпретантов знаков текста, через которые сами знаки инференциально связаны (инференция – отношения вывода по формуле «если *p*, то *a*»). На материале фрагмента модели сети интерпретантов, типичных для анализируемой совокупности текстов (научных и художественных текстов У. Эко конца 1980-х – начала 1990-х годов), показано образование смысловой доминанты «параноидальная интерпретация», значительно облегчающей понимание целой группы текстов У. Эко данного периода, связанных отношениями взаимопроникновения. Маг. *С.А. Медведев* (АлтГУ) в выступлении «Изменение отношений Автор – Читатель в Интернет-коммуникации» обратился к художественным текстам, функционирующим на сайте «Проза.ру». В сообщении выявлены изменения

направления коммуникации, статуса коммуникантов и, как следствие, влияние указанных изменений на развитие литературы в Интернете и за его пределами.

На семинаре состоялась презентация новых книг, подготовленных в НОЦ и изданных в 2015 году. Издания представили *д.ф.н. Ю.В. Трубникова* – «Филолого-коммуникативные исследования: ежегодник – 2014». Барнаул, 2014; *д.ф.н. Т.В. Чернышова* – «Филология в системе современного гуманитарного знания: учебное пособие». Барнаул, 2014; *д.ф.н. А.А. Чувакин* – «Филология и коммуникативные науки: учебное пособие». М., 2015 (издано с грифом УМО).

Итоги семинара подвел в кратком выступлении *д.ф.н. А.А. Чувакин*.

Участники семинара приняли следующее решение.

Взаимодействие филологических и коммуникативных наук в современных условиях актуально и востребовано социально-коммуникативной практикой в России и мире. Важным для гуманитарного знания и значимым для речесу-коммуникативной практики явилось обсуждение глобальных проблем коммуникации через призму языка, что позволило рассмотреть многоязычие текста как филолого-коммуникативную проблему. Доклады и выступления, представленные на семинаре, при всем их концептуально-тематическом разнообразии, содержательно сходятся в общем пространстве филологического и коммуникативного знания.

Положительные результаты в развитии филолого-коммуникативных исследований приносит деятельность НОЦ, сотрудничество АлтГУ с ИФЛ СО РАН (г. Новосибирск) и Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан). Участники семинара одобрили итоги состоявшегося 13 апреля с.г. рабочего совещания в рамках Меморандума между ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан) и АлтГУ. Об итогах совещания семинару доложили К.Б. Уразаева и А.А. Чувакин. На совещании достигнуты договоренности об основных направлениях сотрудничества в образовательной, научной и информационной областях в 2015-2016 годах.

Участники семинара выражают удовлетворение фактом расширения круга организаций и стран, представленных в Оргкомитете и программе семинара (Россия, Беларусь, Казахстан, США).

Считать необходимым опубликовать материалы семинара в ежегоднике «Филолого-коммуникативные исследования» (научные редакторы И.В. Силантьев, А.А. Чувакин; отв. ред. Ю.В. Трубникова). Просить факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии АлтГУ (доц. С.А. Манскова) оказать организаторам семинара помощь в издании книги. Информацию о семинаре опубликовать в филологических изданиях и разместить на сайтах общественных организаций коммуникативно-риторического профиля. Считать целесообразным провести на базе АлтГУ в апреле 2016 года очередное, VII, заседание семинара. Тему заседания согласовать зимой 2015 / 2016 года.

Участники семинара выражают благодарность ИФЛ СО РАН (проф. И.В. Силантьеву), АлтГУ (первому проректору по учебной работе проф. Е.С. Аничкину, проректору по научному и инновационному развитию проф. А.А. Тишкину), декану факультета массовых коммуникаций, филологии и по-

литологии АлтГУ доц. С.А. Манскову, научному руководителю НОЦ проф. А.А. Чувакину, кафедре общей и прикладной филологии, литературы и русского языка (проф. Т.В. Чернышовой), кафедре германского языкознания и иностранных языков (доц. Е.А. Савочкиной) за работу, проделанную по подготовке и проведению настоящего семинара.

Закрывая заседание семинара, *д.ф.н. Т.В. Чернышова* подчеркнула значимость обсужденной проблематики и поблагодарила всех участников за интересные выступления и вопросы, а членов Оргкомитета и устроителей семинара – за большую организационную работу.

А.А. Чувакин

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

Н.А. Симбирцева. Текст культуры и практика его прочтения в истории культуры. В статье рассматривается проблема интерпретации историко-культурного процесса в гуманитарных исследованиях, в частности – культурологии. Автором выделяются первичная и вторичная интерпретация. Для первой характерно непосредственное восприятие и фиксация в письменном тексте того, что имеет ценность и значимость как для отдельного человека, так и для общества в целом. В качестве материала могут выступать явления культуры, события, факты, духовные и материальные, вещные ценности, телесность. Вторичная интерпретация предполагает возникновение новых текстов, имеющих прямое или косвенное отношение к первым. Последующая работа с текстом ведет к расширению или сужению смысловых границ объекта изучения. Так формируется текст культуры, прочесть который становится возможным при условии понимания интерпретатором культурного кода эпохи. В качестве примера автором представлена характеристика основных этапов развития историко-культурного процесса, каждый из которых прочитывается как оригинальный текст культуры.

N.A. Simbirtseva. Cultural Text and Practice of Reading it in the History of Culture. The article regards the problem of the historical and cultural processes interpretation in the human studies, cultural studies, in particular. The author points out the primary and secondary interpretation. The primary interpretation is characterized by direct perception and fixation in the written form of the text that has value and significance for the individual and for society as a whole. As a material of the interpretation can act cultural phenomena, facts, spiritual and material values, corporeality. Secondary interpretation suggests the emergence of new texts that are related – directly or indirectly – to the first. Subsequent work with the text leads to a widening or narrowing of the semantic boundaries of the object of study. Thus the cultural text is formed that can be read with an understanding of the cultural code of an interpreter era. As an example, the author shows the key features of the main

stages in the development of historical and cultural processes that are read as the original cultural text.

И.В. Рогозина. Репрезентация категории событийности в англоязычном новостном блоге. Репрезентация категории событийности рассматривается как результат сложной когнитивной деятельности. Хотя событийность исследуется в различных видах дискурса, особый интерес представляет медиадискурс как вид дискурса, в котором наиболее отчетливо выражен запрос на событие. Категория событийности в медиадискурсе, как правило, представлена категорией меньшего уровня абстракции – *человек в событии*. В статье особенности репрезентации категории *человек в событии* изучаются на материале текста англоязычного новостного блога, посвященного рождению правнука британской королевы Елизаветы II. Статья реконструирует содержащуюся в нем модель события, задающую вектор начальному этапу формирования доминантного концепта ROYAL BABY. Будучи тесно связанной с репрезентацией категории *человек в событии*, эволюция концепта ROYAL BABY определяется структурой текстового события, в то время как его компоненты детерминируют совокупность репрезентантов, становящихся строительным материалом новой когнитивной структуры.

I.V. Rogozina. Representation of Eventfulness in an English News Blog. Representation of the category of eventfulness is viewed as a result of complex cognitive activity. Although eventfulness is studied in different types of discourse, media discourse is of special interest as it is ingrained with demand for events. The category of eventfulness in media discourse is, as a rule, represented by a less abstract category – *man in event*. The paper is focused on representation of the category *man in event* in an English news blog covering the birth of the British Queen Elisabeth II's great grandson. The paper reconstructs the model of the event which sets a vector for the initial stage of the dominant concept's formation. Being closely related to the category *man in event* the evolution of the concept ROYAL BABY is guided by the structure of the text event while its components determine the whole set of lexical elements as building blocks of a new cognitive structure.

Г.В. Кукуева. Лингвопрагматическая модель речевого жанра эссе в интернет-коммуникации. Статья посвящена изучению актуальных проблем жанроведения, а именно – описанию эссе как жанра эстетической сферы виртуальной коммуникации. Интерес к исследованию данного речевого жанра продиктован его распространенностью как в письменном, так и в электронном варианте. Актуальность изучения эссе связана также с попыткой осмысления репрезентации эстетической сферы коммуникации в интернет-

пространстве. В работе устанавливается влияние признаков электронной среды на процесс формирования виртуального жанра эссе, представляющего собой особое преобразование аналогичного письменного речевого жанра, описываются параметры, формирующие лингвопрагматическую модель речевого жанра эссе в интернет-коммуникации. Посредством анализа текстовых фрагментов в статье указывается, что характерные особенности модели предопределяются такими параметрами, как мультимедийность, гипертекстуальность, репрезентация фигуры автора, виртуальная активность читателя, асинхронность коммуникации. Проведенный в работе анализ дает основания говорить о расширении существующей типологии речевых жанров, о введении в нее жанров интернет-пространства.

G.V. Kukueva. Linguistic and Pragmatic Pattern of an Essay Speech Genre in the Internet Communication. The paper deals with topical problems of genre studies, namely, it describes the essay as a genre belonging to the aesthetic sphere of virtual communication. This genre is of special interest because it is widespread both in its written and electronic variant. Likewise, studying the genre of the essay is relevant, because it is an attempt to describe aesthetic communication on the Internet. The paper determines the impact of the special characteristics of electronic environment on the virtual genre of the essay, which is a particular form of the analogous written genre, it describes the parameters forming the linguistic and pragmatic essay speech genre in the Internet communication. By analyzing text fragments, we state that the characteristic features of the pattern are predetermined by multimediality, hypertextuality, the representation of the figure of the author, the virtual activity of the reader and the asynchronicity of the communication. The analysis shows that the genres of the Internet have to be introduced in the existing typology of speech genres.

Л.П. Науменко. Вербализация коммуникативной стратегии аргументации в современном англоязычном бизнес-дискурсе. Статья посвящена выявлению и описанию инвентаря тактических приемов реализации коммуникативной стратегии аргументации, способам их вербализации в современном англоязычном бизнес-дискурсе и их корреляции с зонами влияния человека. Определяются основополагающие принципы делового общения: кооперации, коммуникативного сотрудничества, заинтересованности, Поллианы, вежливости и ключевые для бизнес-коммуникации максимы такта, одобрения и согласия. Устанавливается также соотношение между зонами влияния человека: рационально-логической, волевой / психо-эмоциональной, морально-аксиологической и эстетическо-образной, тактическими приемами аргументативно-

убеждающей стратегии и лексико-синтаксическими, стилистическими и паралингвальными языковыми средствами, которые используют агенты современного англоязычного бизнес-дискурса в своей ежедневной профессиональной деятельности.

L.P. Naumenko. Verbalization of Argumentation Strategy in the Contemporary Business English Discourse. The paper considers detecting and description of the tactics inventory for the communicative strategy of argumentation, means of their verbalization in the contemporary business English discourse and their correlation with personal spheres of influence. The basic principles of business communication have been studied, i.e. principles of cooperation, of interest, of Polliany, of politeness, as well as key business communication maxims of tact, approval and agreement have been analysed. The correspondence between personal spheres of influence, tactics of argumentation and choice of lexical syntactic, stylistic and paralinguistic means of speech which are used by agents of the contemporary business English discourse in their everyday professional activity have been also established.

Е.В. Савич. Дискурс-экспертиза медийных кампаний лоббирования: кейс-стади. В статье представлен анализ медийной кампании, заявленной как информационная кампания лоббирования и направленной на продвижение инициативы по наделению частных медицинских центров Беларуси правом выдачи листков временной нетрудоспособности. В качестве теоретической базы для экспертизы лоббистского потенциала данной кампании используется авторская теория медийного дискурса лоббирования, согласно которой дискурс-образующим элементом для лоббистской кампании является специфическая динамика адресации составляющих макротекст дискурсий. Под динамикой адресации понимается стратегия изменения идентификации, атрибутивности и предикации адресата, адресанта и характера адресации как на уровне вербальной манифестации, так и на уровне семантической референции. Последовательная реконструкция адресации, а также фокусности и протяженности приводит к выводу о несоответствии заявленной кампании продвижения интересов бизнес-структур характеристикам медийного дискурса лоббирования. Тем не менее, анализ выявляет в представленном макротексте потенциал иной лоббистской кампании, отличной от заявленной.

E.V. Savich. Discourse Expertise of Lobbying Campaigns in Mass Media: a Case-Study. The given article analyses a media macrotext, claimed to be an information campaign aimed at lobbying the initiative to grant private medical centers of Belarus with the right to give medical sick-leave

certificates. The expertise of the lobbying potential of the given campaign is based on the author's theory of Media Lobbying Discourse that argues a specific dynamics of addressation throughout the macrotext to be the key discourse-forming element. Dynamics of addressation presupposes a strategy that is specific for media lobbying discourse, of transformation within the identification, attribution and predication of the addresser and the addressee of the macrotext both in terms of their verbal language manifestation and semantic reference. Gradual reconstruction of the categories of addressation, focus and duration leads to the conclusion that the given campaign cannot be treated as a lobbying one for it does not possess the necessary dynamics of addressation. However, the analysis also reveals a potential for another lobbying campaign, different from the claimed one.

М.С. Черепеникова. Гетевский литературный образ Гретхен в традициях мировой культуры (К 265-летию юбилею Гете и к году Культуры). В статье исследуются различные аспекты реализации литературного образа Гретхен в традициях мировой культуры. Женские образы двух частей трагедии Гете «Фауст» (Маргарита, Марта, Елена, Галатея и т.д.) отражают различные этические, эстетические, философские и мифологические элементы концепции «вечно женственного» и играют важную роль в литературной и символической структуре целостного произведения великого немецкого писателя. Сложная символика гетевского литературного персонажа по имени Маргарита оказала влияние на творчество многих писателей (О. де Бальзак, Г. Д'Аннунцио, П. Валери, М. Булгаков) и мастеров мировой культуры. Литературные, музыкальные и художественные формы интерпретации гетевской модели «вечно женственного» рассматриваются в связи с жанровым потенциалом синтеза искусств в трагедии «Фауст», включающей в себя формы песни, баллады, литературного портрета, мифа, эпоса и элементы многих других литературно-художественных форм.

M.S. Cherepennikova. Goethe's Literary Image of Gretchen in the Traditions of the World Culture (To the 265th Anniversary of Goethe and to the Year of Culture). The scientific article reveals different aspects of Gretchen's image in the traditions of the world culture. The female images of the two parts of Goethe's tragedy *Faust* (Margaret, Martha, Helena, Galatea, etc.) reflect the different ethical, aesthetic and philosophical and mythological elements of the concept «Ewig-Weibliche» and play an important role in the literary and symbolical structure of the whole book of the great German writer. Reach symbolism of the literary personage, named Margaret, influenced on the creative works of many writers (H. de Balzac, G. D'Annunzio, P. Valery, M. Bulgakov) and masters of the world culture.

We consider the literary, musical and art forms of Goethe's concept «Ewig-Weibliche» in the context of synthesis of the arts and genres in the tragedy «Faust», which includes the forms of song, ballad, literary portrait, myth, epos, and elements of many others textual and figurative art forms.

В.А. Черванева. Вопрос о статусе мифологических текстов в свете проблемы специфики языка фольклора. В статье рассматривается дискуссионное положение о статусе мифологических текстов (текстов различной жанровой природы о контактах человека с миром сверхъестественного) – отнесенности их к сфере фольклора или же сфере повседневной коммуникации. Данный вопрос решается автором в свете проблемы специфики языка фольклора как особой подсистемы в системе национального языка, при этом акцент делается на типологических отношениях фольклора и устной речи. Особый статус языка фольклорных произведений обусловлен действием механизма фольклорного текстообразования, сущность которого состоит в том, что текст в фольклоре не воспроизводится исполнителем по памяти в готовом виде (как в случае воспроизведения авторского литературного текста) и не создается каждый раз заново путем индивидуального отбора элементов из системы диалекта (как это происходит в устной речи спонтанного типа), а синтезируется в процессе исполнения из элементов, предписанных традицией, по модели, свойственной определенному фольклорному жанру. Действие данного механизма не только в жанрах традиционного фольклора (песнях, былинах, сказках) с высокой степенью жесткости структуры, но и в слабо структурированных и не выделенных из потока разговорной речи мифологических текстах является доказательством принадлежности последних к сфере фольклорных явлений. Об этом свидетельствует наличие типизированных, устойчивых элементов, составляющих текст, а также традиционный, коллективный характер содержащейся в них информации.

V.A. Chervaneva. The Status of Mythological Texts in the Aspect of Folklore Language Specificity. The article deals with a discussion of the status of mythological texts (texts about human contact with the supernatural world) – relating them to the field of folklore or the sphere of everyday communication. This issue is solved by the author in the aspect of the folklore language specificity as a special subsystem in the system of the national language, with emphasis on the typological relationship of folklore and oral speech. The article discusses the mechanism of folklore text formation as a factor that caused the special status of the folklore language. The essence of this mechanism is that the folklore text is not reproduced by human memory in its complete form (as in the case of reproduction of a literary text) and is not

created anew each time by the individual selection of items from the dialect (as in spontaneous oral speech type), but is constructed during the performance of the elements prescribed by tradition, on certain models. This mechanism applies not only the traditional genres of folklore (songs, epics, tales) with a high degree of stiffness of the structure, but also in poorly structured and not isolated from the flow of everyday speech mythological texts. Working of this mechanism in the mythological prose, as well as traditional character information contained in them, proves belonging mythological texts to the sphere of folklore phenomena.

М.Т. Гоголева. К проблеме генетических связей олонхо и тувинских героических сказаний. В статье рассматривается проблема выявления генетических связей олонхо с тувинскими героическими сказаниями. Поиск истоков эпического стиля в устно-поэтической традиции алтае-сайанских народов представляется ключевым звеном в осмыслении проблемы генезиса якутского героического эпоса олонхо. Анализ текстов эпического наследия тюрко-монгольских эпосов в сравнительно-сопоставительном аспекте дает весомый материал для укрепления теории об южных истоках олонхо. Идея исследования олонхо и тувинских героических сказаний в сравнительном плане подсказана задачей реконструкции эпического стиля, бытовавшего в эпоху древних этнических контактов. К такому заключению подводит, по утверждению автора, значительная степень соответствий в эпической традиции, проявляемая на разных уровнях: в сюжетно-композиционной структуре, стихотворной основе, художественных средствах и особенностях сказительского искусства.

M.T. Gogoleva. On the Genetic Links between Olonkho and Tuvan Heroic Legends. The article considers the problem of identification of the genetic links between Olonkho and Tuvan heroic legends. Searching the origins of the epic style in the oral poetic traditions of Altai-Sayan peoples seems to be an important link in understanding the genesis of the Yakut Olonkho heroic epic. The comparative analysis of the texts of the Turkic-Mongolian epic heritage provides a considerable material to support the theory of the southern origins of Olonkho. The idea of comparative study of Olonkho and Tuvan heroic epics arose from the problem of reconstruction of the epic style, which was common in the era of the ancient ethnic contacts. According to the author, this conclusion comes from a significant degree of correspondence in the epic tradition manifested at different levels: in plot and composition structure, poetic basis, expressive means and peculiarities of the storytelling art.

А.М. Сулейманов. Традиционные образы батыра и его боевого коня в творчестве Мустая Карима. Все творчество башкирского народного поэта Мустая Карима пропитано фольклором. Кроме использования всей палитры фольклорных поэтических средств, он опирался на традиции новеллистических и юмористических сказок, национального эпоса, в частности, на образ крылатого коня Акбузата. По эпосу оседланный Акбузат и острый как алмаз булатный меч, подвешенный на лук седла – мерило настоящего батыра. Таким представляется и лирический герой М. Карима, образ которого иногда сливается с образом эпического героя Урал-батыра. Одно упоминание Акбузата напоминает нам, что его хозяин способен совершать только благородные дела. Фольклорные мотивы и образы, использованные М. Каримом, имеют научное значение. Например, согласно преданию, услышанному Старшей матерью, Акбузат возвращается обратно в небо. Об этом М. Карим поведал в своих воспоминаниях, что восполняет одну из многочисленных лакун эпоса «Урал-батыр».

A.M. Suleymanov. Traditional Images of the Warrior and his Steed in the Works by Mustay Karim. All the works of the Bashkir national poet Mustay Karim are saturated with folklore. He relied on the tradition of the short story and humorous tales, national epic using folk remedies in particular, the image of the winged horse of Akbuzat. According to the epic, saddled Akbuzat and sharp as a diamond damask sword hanging on the bow of the saddle are the attributes of a true warrior. It is all about the lyrical hero of M. Karim. His image sometimes merges with the image of the epic hero Ural-Batyr. The mention of Akbuzat reminds us that its owner is able to perform only noble deeds. Folk motifs and images, used by M. Karim, have a scientific value, too. For example, according to the legend heard by the Mother Superior, Akbuzat was back up into the sky. This episode was told by Mustay Karim in his memoirs. And it makes up one of the many lacunae of the epos *Ural-Batyr*.

Т.П. Шастина. Архаика и современность в поэме В. Итина «Каан-Кэрэдэ» (к проблеме репрезентации «малых народов» в сибирской литературе 1920-х годов). Поэма в прозе В.А. Итина «Каан-Кэрэдэ» (1926) и ее идеологизированная вариация – одноименный киносценарий (1928) соотносятся с контекстом осмысления ведущими идеологами сибирской литературы (В. Зазубрин, В. Правдухин) особенностей становления Сибирского Союза Писателей. Специфичность сибирского художественного мышления определяется в тот момент усиленным вниманием к жизни национальных меньшинств, зафиксированным в Платформе Союза. Анализируется соединение в поэме экзотических

алтайских шаманских мотивов и фольклорного сюжета о железной птице Каан-Кэрэд с реалиями агитационных перелетов самолета «Сибревком». Слияние этноспецифического и общечеловеческого, природного и цивилизационного, языческого и христианского начал позволило Итину воплотить идею несущегося с «кинематографической» скоростью времени и предельно расширившегося пространства, любая точка которого становится достижимой. Поэма Итина интерпретируется как скрытая за этнопоэтикой и этнографией полемика с официальными установками в сфере национальной политики и как предчувствие трагических событий сталинской эпохи.

T.P. Shastina. Archaism and Modernity in the Poem by V. Itin «Kaan-Kerede» (To the Problem of Representation of «Small Peoples» in the Siberian Literature of the 1920s). The paper investigates the poem in prose «Kaan-Kerede» (1926) by V.A. Itin and its ideologized variation – the screenplay (1928) of the same name. Both works relate to the concept of regional literature, elaborated in 1920th by V. Zazubrin and V. Pravdukhin – prominent ideologists of the local literary movement in Siberia at times when the Siberian Union of Writers was being formed. Specificity of Siberian artistic thinking is marked at that time by the strong interest in the life of the natives (national minorities), interest, which was inscribed in the Union's Program. In the paper the uniting of exotic Altai shaman motifs in poems and a folklore plot about an iron bird called Kaan-Kerede with realities of agitation-oriented flights of Sibrevkom airplane is analyzed. The fusion of ethnic and universal, natural and civilized, pagan and Christian beginnings let Itin put into life an idea of time that moves with «cinematographic» speed, and an idea of extremely expanded space, any point of which is accessible. Itin's poem is studied as a poem camouflaged by ethnopoetics and ethnography polemics with the officially declared purposes of the Soviet state in the field of national policy and, on the other hand, as the anticipation of tragic events of Stalin's era.

Т.Н. Василенко. К проблеме определения понятия «гнездо родственных текстов» в деривационном аспекте исследования (на материале оригинального художественного текста и его переводов). В статье рассматриваются некоторые вопросы трактовки понятия «гнездо родственных текстов» в деривационном аспекте исследования текстовых совокупностей, состоящих из оригинального текста, текстов переводов и текстов по мотивам в целях более полного описания коммуникативной природы отношений, возникающих между текстами в процессе их образования и функционирования. Формулируется определение гнезда родственных текстов, представляющее собой структурированную, иерархи-

чески организованную совокупность текстов, обладающих общим содержанием, сформированную на основе отношений производности и характеризующуюся взаимодействием (преимущественно деривационного характера) текстовых компонентов на формально-семантическом и смысловом уровнях.

T.N. Vasilenko. On the Problem of Definition of the Term «Family of Derivative Texts» in Derivational Approach (a Case Study of an Original Literary Text and its Translations). The article deals with some problems of representation of the term «family of derivative texts» in derivational study of the text assembly comprising an original literary text, texts of its translations and texts, based on the original text or its translations. The aim is to amplify on communicative character of relations between texts during their formation and functioning. The author has defined the term «family of derivative texts» as a structured and hierarchically organized assembly of texts having general content, based on derivational relations and characterized by interaction (mainly derivational interaction) of text components at the formal and semantic levels.

С.В. Коростова. К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста. Статья посвящена проблемам взаимодействия категорий эмотивности и эмоциогенности в русской литературной коммуникации. Коммуникация, в том числе и литературная, включает намерения говорящего, автора текста воздействовать на слушающего, реципиента. Адресат является объектом речевого воздействия, а также участником коммуникации, воздействующим на формирование текста. Художественный текст представлен как коммуникативное пространство диалога между автором и интерпретатором. Эмотивность как текстовая категория находит отражение в эмотивно-оценочном компоненте смысла, формируемом автором в процессе создания художественного текста и интерпретируемом в процессе его восприятия. В статье сделана попытка выявить типы эмоциогенности русского художественного текста и установить точки пересечения названных категорий.

S.V. Korostova. On the Question of Emotivity and Emotional Generativity in Russian Fiction Texts. The article considers the problems of coordination of such categories as emotivity and emotion-generativity in Russian literary communication. Fictional text is represented as a communicative space for the dialogue between the author and the interpreter. Communication, including literary communication, presupposes the intention of the speaker, the author of the text, to influence the listener, the recipient. The addressee is the object of speech influence, but he is also a participant of communication, who influences the formation of the text. Fictional text is

represented as the communicative space of a dialogue between the author and the interpreter. Emotivity as a textual category has its reflection in the emotive-evaluative component of meaning, which is formulated by the author in the process of creating the fictional text and is interpreted in the process of its perception. The article tries to distinguish the types of Russian fictional text and determine the points of crossing of the above-mentioned categories.

М.Л. Кусова. Семантизация и рефлексия в детской речи. Рассматривается рефлексия ребенка в процессе освоения им значения слова, описываются факторы, определяющие рефлексивные действия ребенка в речи, способы проявления рефлексии. Автор раскрывает особенности проявления рефлексивных действий при уточнении ребенком связи «слово – объект реальной действительности» и «слово – его значение», показывает, что в разных возрастных группах детей рефлексивные действия проявляются по-разному, отмечает особенности рефлексии ребенка по отношению к различным категориям и классам слов. Обращаясь к типичному способу рефлексии – определению значения слова, автор выявляет, к каким видам определений обращается ребенок, какие отношения между словами и явлениями действительности находят отражение в этих определениях. Также автор устанавливает, когда рефлексивные действия ребенка наблюдаются непосредственно в ситуации словоупотребления, а когда носят «отсроченный» характер; доказывает, что рефлексивные действия ребенка связаны с уточнением значения слова, имеющегося в его словаре, с уточнением значения слова в словаре взрослого, с поиском слова для названия нового явления. Описываемые автором особенности рефлексии ребенка в процессе освоения слова и способы рефлексии иллюстрируются примерами из детской речи.

M.L. Kusova. Semantization and Reflection in Children's Speech.

The article considers a children's reflection in the process of mastering them the meaning of the word, describes the factors that determine the reflective action of the child in speech, the methods of reflection manifestation. The author reveals the particular manifestations of reflective action in the child's specification of the connections «word – the object of reality» and «word – its meaning», shows that in different age groups of children reflective actions are manifested in different ways, notes reflection characteristics of the child according to the various categories and word classes. Referring to the typical way of reflection – definition of the word, the author reveals to what types of definitions the child prefers, what kind of relationship between words and phenomena of reality are reflected in these definitions. The author also states when the reflective actions of the child are seen in the immediate situation of words usage, and when are “delayed” in nature; proves that the reflective

actions of the child are related to the specification of the word, available in its dictionary, clarifying the meaning of the word in the dictionary of the adult, with searching for words to name a new phenomenon. The author describes the characteristics of reflection of the child in the process of learning the words and ways of reflection illustrated by examples from the child's speech.

А.Г. Балобанова. Специфика дефиниционной стратегии обыденной и профессиональной семантизации медицинских терминов (на материале определений терминов из понятийной сферы «Внутренние болезни»). В статье представлены результаты лингвистического эксперимента, направленного на выявление особенностей реального функционирования медицинских терминов в сознании как врачей, так и абитуриентов, находящихся на начальном уровне профессионализации. Информантам было предложено дать определение медицинским терминам из понятийной сферы «Внутренние болезни»: *гастрит, пиелонефрит, тригонит, холангит, холецистит, цистит*. При семантизации терминов информантами использовалась дефиниционная стратегия. Данная языковая стратегия ориентирована на отражение неких стандартов, типовых ситуаций, известных большинству говорящих, и направлена на установление соответствия содержания языковой единицы отображаемой реальности. При толковании медицинских терминов были получены определения, структура которых подчиняется логике построения дефиниций с двумя компонентами (полные дефиниции) и одним компонентом (неполные дефиниции). Исследуемый материал дает основание говорить о существовании определенных закономерностей осознания содержания и дефинирования медицинских терминов.

A.G. Balobanova. Definitional Strategy Specificity of Ordinary and Professional Semantization of Medical Terms (Based on the Definition of Terms from the Conceptual Sphere «Internal Diseases»). The article presents the results of the linguistic experiment directed at determining the characteristics of the real functioning of medical terms in the consciousness of both therapists and applicants undergoing the initial stage of professionalization. The informants were requested to give medical term definitions related to the denotative field of «Internal Diseases»: *gastritis, pyelonephritis, trigonitis, cholangitis, cholecystitis, cystitis*. In the process of semantization of the terms the informants used definitional strategy. This strategy focuses on the reflection of certain standards, typical situations, known to most speakers, and aims at establishing correlation between the contents of a language unit and reality. The interpretation of medical terms resulted in obtaining definitions, whose structure corresponds to the logics of constructing either two-components (complete) or one-component

(incomplete) definitions. The test material gives ground to speak about the existence of certain regularities in comprehending the contents and defining medical terms.

М.А. Буряков. О влиянии этноспецифического фактора на выбор языковых средств выражения эмоциональных состояний. Поиск этноспецифического материала в современных исследованиях по лингвистической семантике подчас приводит к искажению представления о «национальном семантическом универсуме». По мнению автора, русские глагольные схемы, выражающие эмоциональные состояния, не противопоставлены адъективным схемам по признаку сознательное / бессознательное, как об этом свидетельствуют некоторые исследователи национальных языковых картин мира. Доказательством этого является то, что выделяемый в семантике глагольного предиката признак «волативности» характеризует не ментальное действие, а эмоциональную реакцию, являющуюся материальным субъектным выражением потребностной ценности окружающего мира. Автор также показывает, что номинативная форма субъекта не противопоставлена дативной как «агентивный и пациентивный» способы представления субъекта. Являясь общиндоевропейской конструкцией, дативная конструкция прежде всего на фоне объектной номинативной конструкции впервые отобразила субъекта в объекте как бенефициара, то есть сущность, не тождественную своим признакам и свойствам. Появление агентивной формы в позиции бенефициара в западноевропейских языках обусловливается потребностью в различении активных и пассивных предикативных форм и образованием в связи с этим нового вспомогательного псевдотранзитивного (Э. Бенвенист) глагола ‘иметь’ и его субститутов.

M.A. Buryakov. Influence of the Ethnospecific Factor on Selection of Linguistic Means of Expressing Emotional States. The search for ethnospecific material in modern research on linguistic semantics occasionally leads to distortion of the concept of the national semantic universe. The author maintains that the Russian verb patterns that express emotional states are not contrasted with equivalent patterns of the conscious / unconscious type, as testified by certain researchers of national language world view. The proof of this is that the «volatility» attribute manifested in the semantics of the verbal predicate denote not mental activity, but rather an emotional reaction comprising a material subjective expression of the needs value of the surrounding world. The author likewise demonstrates that the nominative form of the subject is not contrasted to the dative as the «agentive and patient» means of presenting the subject. Being a Proto-Indo-European construction, the dative construction first and foremost, against the backdrop of the

objective nominative construction, was the first to depict the subject in the object as the beneficiary, i.e., an entity not identical to its attributes and properties. The appearance of the agentive form in the position of the beneficiary in Western European languages was brought about by the need for distinguishing active and passive predicative forms and, consequently, for the formation of the auxiliary pseudo-transitive (Emile Benveniste) verb *to have* and its substitutes.

М.В. Пузыренко. Особенности функционирования сложноподчиненных предложений с соотносительным словом «так» в современной художественной прозе. Исследование посвящено анализу синтаксических конструкций в коммуникативно-функциональном аспекте на материале произведений современной художественной прозы. В статье сделана попытка описания одного из функциональных типов сложного предложения – сложноподчиненного с соотносительным местоимением «так» – с точки зрения актуализации в художественном тексте категории интенсивности. По сравнению с другими соотносительными словами («то», «такой») данный тип сложных предложений наиболее часто встречается в текстах современных прозаиков. Особое внимание в статье уделено обстоятельственным СПП местоименно-соотносительного типа, в которых соотносительное слово «так» может выполнять в одних случаях сравнительную функцию, в других – интенсифицирующую, при этом придаточное может выражать семантику места, цели в зависимости от семантики союзного средства. Автор приходит к выводу о том, что в текстах современной прозы регулярно используются СПП местоименно-соотносительного типа с соотносительным словом «так», которые в зависимости от своей лексической наполненности репрезентируют различную степень интенсификации.

M.V. Puzyrenko. The Characteristic Features of Complex Sentences with Correlative Word *Such* Functioning in Modern Prose. The research deals with the analysis of syntactic structures in communicative-functional aspect on the material of the modern prose. An attempt is made in the article to describe one of the functional types of a compound sentence – a complex sentence with the correlative word *such* – from the point of view of intensity category actualization in a literary text. In comparison with other correlative words (*so, that*) this type of complex sentences is the most common in the texts of the modern novelists. Particular attention is paid in the article to the adverbial complex sentences of a correlative type in which the correlative word *such* can perform either comparative or intensifying function, herewith an adverbial clause can signify the semantics of the place or purpose in dependence on the connective means' semantics. The author comes to the

conclusion that complex sentences of an adverbial-correlative type with the correlative word *such* are commonly used in the texts of the modern prose and, depending on their lexical content, represent different degree of identification.

Ф.Х. Гарипова. Синонимы в медицинской терминологии башкирского и турецкого языков. В статье рассматриваются причины возникновения терминов-синонимов в медицинской терминологии башкирского и турецкого языков, их происхождение и способы образования. Несмотря на то, что, согласно правилам стандартизации, одно понятие должно называться одним именем и в связи с этим синонимия в терминологии нежелательна, на практике мы видим невозможность избежания терминологических синонимов. Нередко новые слова-термины, образованные собственными средствами словообразования, не заменяют старые заимствованные слова-термины, а существуют и используются одновременно с ними, тем самым образуя синонимический ряд конкретного термина. Термины-синонимы, с одной стороны, обогащают лексику языка, с другой стороны, вносят определенные трудности в процесс упорядочения терминологической системы. Также при наличии нескольких терминов, называющих одно понятие, у пользователя могут возникнуть проблемы выбора и может зародиться сомнение в однозначности предложенных терминов. Введение в научный оборот новых собственных терминов должно сопровождаться государственной поддержкой, которая обеспечила бы их обязательное использование в официальной сфере общения, что, в свою очередь, способствовало бы их популяризации и повышению узнаваемости среди населения.

F.Kh. Garipova. Medical Synonyms in Terminology of the Bashkir and Turkish Languages. The given article examines the causes which serve as a base for terms-synonyms in medical terminology of the Bashkir and Turkish languages, its origin and word-building process. In spite of the fact that, due to the rules of standardization, one concept must be named by one denotation, and, according to this, synonymy is not a desirable phenomenon in terminology, in practice, nevertheless, we meet with the impossibility of avoiding such terminological synonyms. We observe that there are cases, when new words-terms, formed by their own word-building means, do not interchange old borrowed words-terms, they just exist and are used simultaneously with them. This, in its turn, forms a synonymic row of a concrete term. Terms-synonyms, on the one hand, enrich the lexis of the language. On the other hand, they engender definite difficulties in the process of putting into the order some terminological system. Also, in case when there

are several terms, defining one concept, a language user can face with some difficulties with the choice between them and it can generate doubts in uniqueness, unambiguity of these terms. When new own terms are to be entered in scientific usage they must go along with the state support. This support should ensure its obligatory usage in official sphere of communication, which, as a result, would contribute to its popularization and recognition among population.

А.Д. Лукманова. Структурно-семантические особенности названий орудий труда в башкирском языке (на материале земледельческой обработки). Одной из важнейших задач современной лингвистики является всестороннее изучение лексики. Среди вопросов обозначенной проблематики значительный интерес представляет изучение отраслевой лексики, исследование и выявление сферы ее употребления. Это свидетельствует о необходимости выявления и систематизации названий той или иной отрасли лексики, имеющих в башкирском языке. Поэтому в башкирском языкознании изучение и развитие различных групп отраслевой лексики по сей день остается актуальной проблемой. Названия орудий труда в башкирском языке представляют довольно крупную группу среди тематических разрядов отраслевой лексики. Они, как и в других тюркских языках, являются одним из самых древних лексических пластов башкирского языка и в словарном составе играют значительную роль, входя в так называемый основной словарный фонд. Целью данного исследования является многоаспектный анализ, выявление состава лексики, в частности земледельческой обработки, с прослеживанием его динамики развития в башкирском языке. Основным методом при исследовании названий данной отрасли является описание. При выделении моделей образования применялся структурно-семантический, при изучении генетических пластов – синхронический и диахронический анализы, определены их синонимические связи.

A.D. Lukmanova. Structural and Semantic Peculiarities of the Labour Tools Namings in the Bashkir Language (on the Base of Tillage). One of the most important aims of the contemporary linguistics is to make a comprehensive study of the lexis. The essence of this problem lies in the study of the various aspects of the branch lexis and the examination of its usage scope. This leads to the necessity of elicitation and systematization of the branch lexis of the Bashkir language. That is why in the Bashkir linguistics the study and the development of different sets of the branch lexis are topical. The names of the tools in the Bashkir language comprise a big group among the thematic categories of the branch lexis. It is one of the most ancient and

permanent layers of the Bashkir language lexis, which is common for all Turkic languages. It also plays an important role representing the so-called basic word bulk. This work represents the study, gathering and systematization of the names of the tools in the Bashkir language, particularly the names of the agricultural tools. The semantic features of these names are analyzed in the article. Structural and semantic analysis was used in studying word formation; diachronic and synchronic analysis was applied to genetic layer.

Д.А. Абжелиева. Локативный метаязыковой признак орнитонимов. Определение объема и содержания понятия лексикографической дефиниции до сих пор остается актуальным, так как вопрос об информативном потенциале словарных статей в толковых лексикографических изданиях затрагивает и вопрос качества словаря. В статье рассматривается место локативного метаязыкового признака, являющегося одним из доминантных, при дефинировании орнитонимов. Классификация птиц по локативному признаку может быть разнообразной. В словарной статье птицы характеризуются как земные (лесные, степные, полевые, обитающие в зоне лесотундры) и водные (морские, речные, озерные). Промежуточным видом являются болотные птицы. Водоплавающие птицы могут относиться как к морским, так и к болотным. В наборе пространственно-временных характеристик птицы характеризуются как перелетные и неперелетные (обычно данный признак не указывается, так как не является доминантным). По территории распространения птицы могут классифицироваться по локативному метаязыковому признаку, определяющему континенты, части света или климатические зоны.

D.A. Abzhelieva. Locative Metalinguistic Ornithonyms Feature. Defining the volume and content of the concept of lexicographic definition is still relevant, as the issue of the informative potential entries in lexicographical explanatory publications affects on the issue of quality of the dictionary. The article considers the place of locative metalinguistic features in defining ornithonyms, which is one of the dominant features. Classification of birds by locative features can be very diverse. In the dictionary article ornithological birds are characterized as ground birds (forest, steppe, field, living in the forest-tundra birds) and water birds (sea, river, lake birds). Intermediate species are waders. Waterbirds can be treated as sea and marsh birds. In a set of spatio-temporal characteristics birds are characterized as migratory and immigratory (usually this feature is not indicated, because it is not a dominant one). By their areal birds can be classified by locative metalinguistic features defining the continents of the world, or climatic zones.

НАШИ АВТОРЫ

АБЖЕЛИЕВА,
Диана
Арсеновна,

– преподаватель Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь).
E-mail: diana_d_a@mail.ru

БАЛОБАНОВА,
Ангелика
Германовна

– старший преподаватель Новосибирского государственного медицинского университета.
E-mail: balolika@mail.ru

БУРЯКОВ,
Михаил
Афанасьевич

– пенсионер (Ишим).
E-mail: mchlb@mail.ru

ВАСИЛЕНКО,
Татьяна
Николаевна

– кандидат филологических наук, доцент Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.
E-mail: vasilenko.76@mail.ru

ГАРИПОВА,
Файруза
Хависовна

– кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан (Уфа).
E-mail: zafer1976@mail.ru

- ГОГОЛЕВА,
Марина
Трофимовна** – кандидат педагогических наук, заведующий сектором Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск).
E-mail: mtgogoleva@mail.ru
- КОРОСТОВА,
Светлана
Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).
E-mail: svetolen@yandex.ru
- КУКУЕВА,
Галина
Васильевна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: kupala@inbox.ru
- КУСОВА,
Маргарита
Львовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: mlkusova@mail.ru
- ЛУКМАНОВА,
Алита
Даяновна** – аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: lukmanova.alita@mail.ru
- НАУМЕНКО,
Людмила
Петровна** – кандидат филологических наук, доцент Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина, Киев).
E-mail: v-naumenko@voliacable.com
- ОСТРИКОВА,
Татьяна
Александровна** – доктор педагогических наук, профессор Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: t.a.ostrikova@mail.ru
- ПУЗЫРЕНКО,
Марина
Васильевна** – соискатель Южного федерального университета, преподаватель Института водного транспорта им. Г.Я. Седова (Ростов-на-Дону).
E-mail: marishkadesember1988@rambler.ru

**РОГОЗИНА,
Ирина
Владимировна**

– доктор филологических наук, заведующий кафедрой Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: irogozi@mail.ru

**САВИЧ,
Елена
Владимировна**

– старший преподаватель Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, Минск).
E-mail: e.savich@mail.ru

**СИМБИРЦЕВА,
Наталья
Алексеевна**

– кандидат культурологии, доцент Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: Simbirtseva.nat@yandex.ru

**СТЕРНИН,
Иосиф
Абрамович**

– доктор философских наук, профессор Воронежского государственного университета, Ярославского государственного университета.
E-mail: sterninia@mail.ru

**СУЛЕЙМАНОВ,
Ахмет
Мухаметвалеевич**

– доктор философских наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: 2733544@mail.ru

**ЧЕРВАНЕВА,
Виктория
Алексеевна**

– кандидат филологических наук, доцент, Воронежского государственного педагогического университета
E-mail: viktoriya-chervaneva@yandex.ru

**ЧЕРЕПЕННИКОВА,
Маргарита
Сергеевна**

– кандидат филологических наук, доцент Литературного института им. А.М. Горького (Москва).
E-mail: chrita@rambler.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ШАСТИНА,
Татьяна
Петровна**

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: tshliteratura@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 05.09.2015. Подписано в печать 08.09.2015. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 252.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2015

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.